

Ирина Самилова

На службе Отечеству, или
Пешки в чужой игре

УДК 89
ББК 84(2Рос)6
С17

Самойлова И. М.

С17 На службе Отечеству, или Пешки в чужой игре (Дом там, где ты - 2) : роман в 2 т. Т. 1 / Инга Самойлова. – Улан-Удэ, 2019. – 221 с.: ил. -

ISBN 978-5-9903047-2-7

Глебов Алексей - бывший аферист, которому пришлось принять участие в событиях, происходящих в России и в мире в начале XX века. Кровавое воскресение, ознаменовавшее начало Первой русской революции, заключение мирного договора с Японией в Портсмуте, террористические акты в России, тайная деятельность масонов... Главный герой повстречает на своем пути самые яркие и одиозные личности того времени: Азефа, Витте, Лопухина, Гапона, Распутина, Савинкова, Ульянова, Рузвельта и других. Не обошлось и без прекрасных женщин - Айседоры Дункан, леди Маклеод (Мата Хари). Вымысел сюжета органично вписывается в исторические события того времени, а исторические личности помогают раскрыть особенности эпохи.

В романе присутствуют и любовь, и авантюры: чтобы защитить и вернуть свою любимую красавицу-жену, главному герою приходится вернуться к своему прежнему ремеслу - аферам...

Исторический приключенческий роман «На службе Отечеству, или Пешки в чужой игре» является продолжением авантюрных приключений главного героя романа «Дом там, где ты...».

УДК 89
ББК 84(2Рос)6

ISBN 978-5-9903047-2-7
ISBN 978-5-9903047-4-1

© Самойлова И.М., 2019
Оформление. Самойлова И.М., 2019

От автора

Сюжет романа не претендует на историческую достоверность.

Historia magistra vitae (лат.) - История – наставница жизни

Пролог

15 июля 1904 г.

...Солнечный, ясный летний день. По Измайловскому проспекту на значительном расстоянии друг от друга двигались четыре молодых человека. Каждый нес на себе печать смерти. Каждый готов умереть. Каждый готов убить. На этот раз они не упустят своей жертвы!

Точно в определенный час показалась карета. Высокопоставленный чиновник, сидящий в ней, направлялся с докладом к царю. Первый посланник смерти пропустил карету мимо. Ловушка захлопнулась - если карету повернут обратно, он бросит бомбу.

Второй террорист сбавил шаг, как только заметил приближающуюся цель. Сердце бешено отбивало ритм. Карета приближалась. Около смертника кони замедлили бег – впереди путь преградили дрожки. Смертник сошел с тротуара и бросился к карете. Сквозь стекло дверцы он увидел своего противника – свою жертву, которая, заметив его, метнулась с искаженным от ужаса лицом в сторону. Сердце на миг замерло. В следующий момент в стекло полетела бомба. Раздался взрыв...

* * *

Глава I. Лопухин

Декабрь 1904 г. Петербург

Директор департамента полиции, Лопухин¹ Алексей Александрович, истинный аристократ и внешне и по манерам, восседал за своим рабочим столом и надменно смотрел через пенсне на своего лучшего служащего Малышева, который стоял перед ним, теребя в руках папку с делом.

- Ну-с, докладывайте, что дал допрос арестованного? – спросил он нетерпеливо.

¹ Алексей Александрович Лопухин (1864, Орёл, Российская империя - 1928, Париж, Франция) – судебный и административный деятель Российской империи, директор Департамента полиции в 1902 - 1905 гг.

- Арестованный Тарасов признался, что следил за вами с целью покушения. Он назвал некоторые имена и адреса, но по названным адресам нам никого не удалось задержать. Сообщники Тарасова успели скрыться.

Лопухин свел брови:

- Плохо! Плохо работаете!

Он гневно сжал губы в тонкую линию. Затем резким тоном спросил:

- Выяснили, кто готовит покушение?

Помощник перевел дыхание:

- Все распоряжения Тарасову передавались от некоего Валентина¹.

- Валентин?

- Да. - Помощник помялся в нерешительности. - Это имя упоминал террорист Сазонов в бреду, когда был ранен во время покушения на ныне покойного фон Плеве².

Скулы Лопухина напряглись, а глаза сузились.

- Значит, опять объявился Валентин, – с трудом произнес он. – Что говорит агент Азеф³ об этом Валентине?

- Он ничего не знает. О готовящемся покушении тоже ничего не слышал. Но мы усилено работаем в этом направлении, Алексей Александрович.

Азеф – и не знает! Директор Департамента полиции вскочил на ноги и напряжено зашагал по кабинету взад-вперед. Затем резко, будто чеканя каждое слово, сказал:

- Надеюсь, вы еще помните, что убийство Плеве застало наш Департамент врасплох! Хотя возможность этого убийства мы давно предвидели. Целый ряд раскрытых подготовок к этому убийству достаточно убедительно подтверждал правильность подобного умозрительного заключения! И все же у Департамента и у самого Плеве прочно держалась уверенность, что удар удастся отвести. Каков же был результат, вам напоминать не нужно?!

Помощник отвел глаза, уставившись в сторону.

- Я не собираюсь повторять судьбу Плеве! Найдите мне Валентина! И в ваших интересах, чтобы это произошло как можно скорее. А теперь, оставьте папку с делом и идите!

Малышев аккуратно положил папку на стол, предусмотрительно развернув в правильное положение и расположив прямо напротив кресла директора. Затем отступил в сторону, отдал честь, щелкнув каблуками, и быстро вышел.

¹ Прим. автора: Революционеры использовали псевдонимы, подлинные имена знал только близкий круг доверенных лиц.

² Вячеслав Константинович Плеве (1846, Мещовск Калужской губернии - 1904, Санкт-Петербург) - министр внутренних дел Российской империи с 1902 по 1904 г. Убит боевой организацией партии эсеров.

³ Евно Фишелевич (Евгений Филиппович) Азеф (1869, г. Лысково близ Гродно - 1918, Берлин) - российский революционер-провокатор: эсер и одновременно - агент Охранного отделения.

Дождавшись, когда помощник закроет за собой дверь, Лопухин сел в кресло, открыл папку и стал изучать документы. Они содержали акты допросов Тарасова, а также сведения, касающиеся Валентина. Действительно, раненый при взрыве Сазонов в бреду назвал ряд имен, и среди них имя руководителя покушения - некоего «Вален-

тина», неуловимого, будто фантом.

Лопухин оттолкнул документы в сторону. Недовольство накатило новой мощной волной. Все следствие по делу об убийстве Плеве было проведено с величайшей небрежностью! При чтении документов Лопухину временами трудно было отделаться от мысли, что следователи только по обязанности участвовали в поисках виновников и в душе готовы были присоединить свои голоса к хору радующихся гибели министра внутренних дел. Теперь же покушение готовилось на него – директора Департамента полиции - Лопухина.

Лопухин встал и прошелся от стола к окну. Заложив руки за спину, хмуро уставился на заснеженную улицу, не замечая, что там происходит.

В последнее время Лопухин перестал доверять тем людям, которые его окружали. Он их опасался. Он знал этот мир власти, где каждый может предать, переступить через давнишнюю дружбу и службу, чтобы урвать более лакомый кусок. Со смерти Плеве, его наставника, честолюбивые планы Лопухина стали рушиться как карточный домик – пост министра внутренних дел, который прочил ему Плеве, получил Святополк-Мирский¹, а он – директор Департамента полиции - оказался в опале со стороны императора. И вот теперь, ко всему прочему, над ним нависла угроза расправы.

Лопухин считал, что если уж в Департаменте знали о том, что на Плеве готовится покушение, но не смогли его защитить, то нет никакой гарантии, что теперь его – Лопухина – смогут уберечь от покушения. И захотят ли? Кругом одни Иуды! Ко всему прочему он все больше убеждался в том, что убийство Плеве и готовящееся покушение на него взаимосвязаны. Лопухин стал подозревать, что покушение готовится кем-то, кто не любил Плеве, а теперь старался избавиться и от сторонников бывшего министра внутренних дел - то бишь от него - директора Департамента полиции. Значит, за таинственным Валентином может стоять не некая боевая группа террористов-революционеров, а политические лица или лицо, стремящиеся расчистить себе место во власти. Поэтому верить своему окружению нельзя!

¹ Пётр Дмитриевич Святополк-Мирский (1857, Владикавказ - 1914, Санкт-Петербург) - русский государственный деятель, князь. С августа 1904 г. занимал должность министра внутренних дел Российской империи, с которой был уволен в январе 1905 г. вскоре после начала массовых беспорядков.

Лопухин вздохнул, снял пенсне и двумя пальцами надавил на переносицу, закрыв глаза.

Необходимо найти такого человека, - убеждал себя Лопухин, - который бы работал ТОЛЬКО на него. Не те тупые, пустоголовые агенты, что работают в полиции и которых видно за версту. Ему нужен неординарный агент. Человек, который был бы ловок и сообразителен. Внешне интеллигентен. Равнодушен к власти, к которой стремятся сильные мира сего. Не амбициозен. И имеющий уязвимое место – «ахиллесову пяту», с помощью которой Лопухин будет держать агента в своих руках.

Сложность состояла в том, где найти человека, который верой и правдой сослужил бы ему службу и не вонзил, образно говоря, нож в спину.

* * *

Алексей Глебов просматривал газету, периодически поглядывая на дверь спальни, за которой находилась его жена.

Они опаздывали на премьеру концерта американской танцовщицы Айседоры Дункан, а Лиза была еще не готова. Это его нервировало, заставляло выходить из себя, но все же на этот раз он лишь крепче сжал зубы, удрученно вспоминая о том, что раньше он гордился своей выдержкой и хладнокровием. Но это все было до того, как он женился и встал на «путь праведный». Путь праведный заключался в том, что Алексей – авантюрист, аферист, карточный шулер, джентльмен удачи, по наследству получивший титул, не подкрепленный капиталом и землями, женившись на молоденькой взбалмошной провинциалке, покончил с прежней жизнью. На такое его подвигли действительно очень сильные чувства - любовь и страсть, которые он испытывал к ней. Она чувствовала к нему то же самое, он был в этом уверен.

Они были женаты меньше года и, хотя любили друг друга, но без скандалов не обходилось – оба были упрямы, себе на уме, имели разные, не схожие интересы, что приводило к разногласиям. Но чем громче был скандал, тем жарче, страстнее проходило примирение – они не вылезали из спальни сутками. А потом начиналось все сначала: вместо того, чтобы заниматься «домашним очагом», как хорошей добропорядочной супруге, несравненная Лиз пропадала до позднего вечера вне дома, выполняя поручения эсдеков¹. Алексея политические увлечения жены удручали, но чем больше он пытался повлиять на жену, тем больше было сопротивление с ее стороны.

Алексей только сейчас сообразил, что уже минут пять тупо смотрит в газету, ничего не читая. Он судорожно сжал ее края и стал считать до десяти. «Раз, два, три...»

За дверью спальни что-то грохнуло.

Алексей чертыхнулся и шепотом медленно стал считать снова.

¹ Эсдеки (разг.) - социал-демократы.

- Раз, два, три, четыре... Лиз, черт побери, сколько можно ждать! – Он вскочил на ноги и быстро направился к спальне.

Распахнув дверь, он устался на жену. Лиза, одетая лишь в панталончики и корсет, стояла возле их обширной кровати, на которой были разбросаны ее платья.

Она взглянула на него своими большими голубыми глазами с мольбой о прощении.

- Ты еще не одета, – с расстановкой произнес Алексей. – Позволь узнать, почему?

Он успел заметить, как в ее глазах полыхнул огонь, прежде чем она прикрыла их длинными ресницами, пряча от него свои эмоции.

- Я не могу выбрать, – ответила она обескуражено, театрально махнув рукой на платья.

Уголок рта Алексея недоверчиво изогнулся вверх. Выбрать наряд никогда не было трудностью для Лизы. Она затеяла игру по каким-то причинам, и он решил подыграть ей.

- Позвала бы меня. Я бы тебе помог, – сказал он, закрывая дверь. Затем повернулся к жене. Все-таки она чертовски хороша! Ее фигурка песочных часов сводила его с ума.

Лиза наклонилась к кровати за одним из платьев, и Алексей устался на ее аппетитную попку, невольно задержав дыхание.

- Может быть это? – прикладывая платье к себе и поворачиваясь к мужу, поинтересовалась Лиза. Одежда скрыла от него – к его глубокому разочарованию – ее восхитительное тело.

- Может быть, – ответил он, вздохнув. – Хотя... Возможно, лучше голубое.

- То, что с белыми лентами? – вновь склоняясь над кроватью, спросила она. Алексей снова задержал дыхание. Он с ума сходил по ее стройным ножкам! Кому к чертям нужен концерт?!

Когда Лиза повернулась, он стоял уже рядом, приблизившись к ней с грацией хищника. Ей пришлось приподнять голову, чтобы посмотреть ему в глаза. Алексей забрал из ее рук платье и бросил его на кровать, затем неторопливо положил горячие ладони на ее тонкую талию, переходящую в крутой изгиб бедер. Притянул к себе, не спеша склонился к ее губам.

- А как же концерт? – прошептала она. Ее руки скользнули по его плечам и оплели его шею.

- Концерт подождет...

Алексей поцеловал жену. Она мгновенно ответила ему с заразной пылкостью. В следующий момент он подхватил ее на руки и опустил на постель. Его губы скользнули по ее шее, коснулись в поцелуях плеч и спустились к так соблазнительно выпирающим из корсета нежным чувствительным грудям. Его руки прошлись по ее телу... и неожиданно его рука наткнулась на какие-то бумаги, спрятанные под простыней! Они так явственно хрустнули под его весом, что оба замерли – Лиза от страха, Алексей от неприятной догадки.

Он отстранился от жены и вынул бумаги, спрятанные видимо наспех и не очень удачно. Кинув взгляд на текст, носящий политический характер, и соскочив с кровати, он встал на ноги. Лиза напряженно смотрела на мужа, который раздраженно провел пятерней по черным, как смоль, волосам.

- Что это? - произнес он, сдерживая раздражение и гнев.

- Ленин. «Шаг вперед, два шага назад»¹, – вздернув подбородок, ответила Лиза, хотя точно знала, что Алексею не требуется ответа на его вопрос. Лучше было промолчать или мило так извиниться, но она не удержалась от сарказма. Муж не желал вникать в политику, то есть был политически совершенно неграмотен!

Алексей тоже не удержался от язвительности:

- Да! Как у нас – шаг вперед, два назад!

Он резкими движениями поправил воротничок и галстук и вышел из комнаты. У него никак не укладывалось в голове то, что пока он с нетерпением ждал ее в гостиной, его милая женушка изучала труды Ленина! Какого черта! Он надел пальто и шапку и покинул квартиру. Дверь громко хлопнула за его спиной.

Выйдя из дома, он сел в крытые сани, ожидавшие их на улице. Возничий хмуро посмотрел на него. Дожидаясь господ, он промерз до костей.

- Куда прикажете, барин?

Алексей молчал. Поймав лютый взгляд пассажира, возничий отвернулся и предпочел еще подождать.

Через пять минут вышла Лиза, на ходу запахивая меховое манто². Она села рядом с мужем. Он приказал возничему трогать, назвав адрес.

Некоторое время ехали молча. Глебов кипел от гнева, и Лиза не решалась с ним заговорить. Спустя некоторое время Алексей почувствовал теплую ладошку жены на своей замершей руке – он не взял перчатки, когда выскочил из дома. Ее рука согревала, но Алексей по-прежнему сохранял холодное выражение лица.

- Ну, прости меня, – прошептала она искренне, наклонившись к нему. - Любимый мой. Хороший. Ласковый. Добрый, – нежно с расстановкой шептала она ему на ухо.

- Ты читала, пока я тебя ждал, – произнес он, все еще сердясь.

- Ну, прости меня, – проканючила она, погладив его пальцы. Он повернул к ней голову и посмотрел в глаза. Она виновато улыбалась. Алексею стало совестно.

- Надеюсь, и ты не будешь сердиться на меня, – сказал он, сжимая ее руку.

- Конечно, нет, – поспешила с ответом Лиз. Затем нахмурилась и с подозрением спросила:

- Ты это о чем?

- Мы не опаздываем на концерт.

- Не опаздываем?

¹ «Шаг вперед, два шага назад (Кризис в нашей партии)» - произведение В. И. Ленина, изданное в Женеве в 1904 г. Содержит марксистское учение о пролетарской партии и организационные принципы большевизма, раскрывает политическое значение разделения РСДРП на большевиков и меньшевиков на 2-м съезде партии.

² Манто - широкое женское пальто, обычно меховое.

- Да. В последнее время мы так часто опаздываем куда-либо по твоей... э... нерасторопности, что я решил немного оставить времени про запас.

- Немного... Сколько?

- Полчаса... - соврал Алексей, но тут же признался. – Час.

- Час! – Лиз ахнула.

- Заметь, что и этого не хватило бы!

- Обманщик! – рассердилась Лиза и попыталась выдернуть свою руку из его руки, но безуспешно. Он притянул ее к себе и крепко обнял.

- Ты обещала не сердиться, – напомнил он со своей примечательной усмешкой проказника на лице.

- Ты меня обманул! – Лиза упорно сопротивлялась его обаянию и чувственной власти над ней.

- А ты в который раз обещала мне не опаздывать. – Он наклонился к ней поближе.

- И что теперь? Ты намерен мне всегда лгать?

- Ну, как сказать... Надеюсь, ты сама перестанешь меня обманывать.

Лиза молчала, покусывая губы.

- Я не хочу сейчас об этом говорить. – Она оттолкнула мужа и, усевшись как великосветская дама, выпрямилась стрункой.

Алексей насмешливо хмыкнул и, откинувшись на спинку сидения, засунул замершие ладони в карманы пальто.

* * *

В Дворянское собрание прибыли вовремя. Великосветские особы прибывали к парадному подъезду. Алексей выбрался первым из саней и протянул руку жене. Помогая Лиз спуститься с саней, он заметил, что под длинным платьем мелькнули ее голые лодыжки.

- Ты не надела чулки, – обличающе прошипел он жене на ушко.

Она искоса посмотрела на него:

- Конечно. Ты ведь хотел уехать без меня – я торопилась.

На этом перепалка закончилась. Войдя внутрь здания, они оказались в гуще чопорной светской публики. Приглушенные разговоры, шелест пышных женских юбок и дорогих нарядов, запахи изысканных духов и ароматных сигар...

Алексей смотрел на свою жену и испытывал гордость – она была естественна и великолепно и в этом зале дворянского собрания среди светской толпы, и где-нибудь среди обычных обывателей. Лиза, поймав его взгляд, улыбнулась.

- Что? – спросила она шепотом.

- Ты органично смотришься в этой роскоши, моя маленькая революционерка, – заметил он с ухмылкой. – Тебя это не смущает?

Лиза сердито стрельнула на него глазами:

- Опять глумишься над моими убеждениями? К твоему сведению, я борюсь за то, чтобы не было бедных, а не за то, чтобы «не было богатых»!

Алексей рассмеялся:

-Утопия, моя дорогая!

Лиза бросила на него сердитый взгляд, скинула ему в руки меховое манто. Когда он сдал верхнюю одежду в гардеробную и обернулся, Лиза уже исчезла из его поля зрения.

Он сокрушенно покачал головой и отправился ее искать. Присмотрев жену возле входа в зал, Алексей направился к ней, но нечаянно столкнулся с весьма представительным господином.

- Прошу прощения, – произнес Алексей и удалился к жене.

Господин в пенсне проводил его долгим внимательным взглядом, хмурясь, будто пытаясь что-то вспомнить. Затем отыскал взглядом невзрачного типа в толпе и кивком велел подойти.

- Что прикажете, Алексей Александрович?

- Тот господин, что только что столкнулся со мной. Я хочу, чтобы за ним проследили. Кто он, где живет, чем занимается, – отдал указание Лопухин.

- Будет сделано, ваше сиятельство. – Филер откланялся и исчез в толпе.

Лопухин узнал мужчину, с которым столкнулся. Много лет назад он был наслышан о нем, о его похождениях и талантах, которые он проявлял не только в учебе. Несколько раз сталкивался с ним в доме его дяди – графа Глебова, до разорения того, естественно. Потом некоторое время ходили слухи о том, что племянник покойного графа разбогател за границей, используя непревзойденный талант афериста. За руку его не поймали, но в хорошие дома не приглашали.

Лопухин задумчиво нахмурился. Его заинтересовала персона Глебова. Возможно, племянник покойного графа окажется именно ТЕМ, кого он так упорно искал...

* * *

Алексей обнаружил жену в компании молодого выскочки-повесы. Тот из всех сил старался произвести на Лизу впечатление, и та даже кокетничала с ним. Алексей жестом собственника обнял жену за талию и чмокнул ее в голое плечо.

- Куда ты пропала, дорогая? – произнес он, с ухмылкой смотря ей в глаза. Хотя он и улыбался, его улыбка не предвещала ничего хорошего. Он скользнул холодным жестким взглядом по собеседнику Лизы. Обескураженный молодчик неловко раскланялся и скрылся из виду. Лиза отстранилась от мужа.

- Тебе не нравится здесь? Может быть, хочешь уйти? – осведомился он.

- Ничего подобного! Мне очень хочется посмотреть выступление мадмуазель Дункан¹.

- Тебе она понравится. Говорят, она эмансипированная современная женщина без предрассудков. Вибрационная, как ты, – изрек Алексей, проводя жену в ложу.

¹ Айседора Дункан или Исидора Дункан (1877, Сан-Франциско, США - 1927, Ницца, Франция) - урождённая Дора Энджела Дункан, американская танцовщица, основоположница свободного танца. Разработала танцевальную систему и пластику, которую связывала с древнегреческим танцем.

- Прошу, не начинай, – предостерегла его Лиза, усаживаясь на предусмотрительно подвинутый Алексеем стул. Он сел рядом. До начала выступления супруги сохраняли молчание.

Наконец Айседора Дункан появилась на сцене, словно ее принесло музыкальной волной - девушка, одетая в прозрачную тунику и танцующая под музыку Шопена на фоне голубой шторы. Айседора мгновенно шокировала публику.

- Да она почти голая! – сорвалось с уст Лизы.

Алексей хмыкнул, и она кинула на него сердитый ревнивый взгляд. Затем повернулась к сцене.

На танцовщице не было ни корсета, ни лифа, ни трико. Лишь подвязанный у бедер хитон¹, подчеркивающий женский силуэт. Босоногая греческая богиня парила на сцене, сливаясь с музыкой, в действе отображая эмоции, изливающиеся звуками музыки. Танцовщица кружилась, замирала, парила и умирала... Страсть, боль, протест, борьба, желание... образы мелькали перед замершей публикой...

Замолкла музыка. Зал молчал.

Господин с седыми бакенбардами демонстративно встал и вывел из рядов пожилую даму. Их шаги гулко отдавались в зале, пока они шли к выходу. Танцовщица ждала, застыв на сцене, лишь высоко вздымалась ее грудь, пока она пыталась привести в покой дыхание.

Тишину разрушили очень громкие уверенные хлопки рядом, но Лиза не сразу поняла, что первый нарушил тишину Алексей. Словно проснувшись, на хорах вскочил на ноги мужчина и тоже оглушительно захлопал в ладоши. Толпа подхватила аплодисменты, которые нарастающей лавиной понеслись по залу.

Начался антракт. Лиза не тронулась с места. Она была поражена выступлением до глубины души, но большим потрясением для нее был поступок ее мужа. Ее потрясло, насколько продуманно и просто поступил он тогда, когда вся толпа замерла, не в состоянии определиться – то ли встретить выступление на ура, то ли освистать его. Он подтолкнул толпу. Он заставил ее принять его точку зрения! Она гордилась им и одновременно испугалась. Испугалась того, что и ей он также легко может манипулировать. Или уже манипулирует! Лиза вздрогнула. Нерешительно посмотрела туда, где сидел ее муж, но его на месте не оказалось.

Она глубоко вздохнула. Лишь теперь до нее стал доходить смысл слов, которые произносили люди поблизости.

¹ Хитон - мужская и женская одежда у древних греков, подобие рубашки, чаще без рукавов.

- Переворот в искусстве...
- Дункан – это Шлиман античной хореографии!
- Да бросьте! Талантлива, не более...
- Ее искусство без будущего...
- Все равно это прекрасно...

В это же время в другой ложе сидел Лопухин, погруженный в раздумья. Во время выступления танцовщицы он наблюдал за Глебовым. И от него также не ускользнул поступок Алексея. Похоже, он не ошибся на его счет.

* * *

Глебов тихонько выскользнул из ложи. Во время выступления ему все время казалось, будто за ним кто-то внимательно наблюдает. Следит. Оценивает. Как только по залу понеслись бурные аплодисменты, он быстро осмотрелся, выискивая своего преследователя. Ему казалось, что из ложи напротив за ним наблюдали, но разглядеть, кто там сидит, Алексей не смог. Он пробежался взглядом по залу и тут же заметил невысокого человека с румяными мясистыми щеками. Филер¹ – несомненно. Алексей переместился вглубь ложи. Ищейка отвернулся от сцены и взглянул в их сторону, но, не заметив Алексея, опешил и кинулся к выходу.

Тогда-то Глебов и вышел в коридор. Спустился по лестнице в вестибюль. Шпик стоял возле швейцара, по всей видимости, выясняя, не покинул ли Алексей здание.

Глебов прошествовал мимо него, отчего тот сразу примолк, на ходу достал портсигар. На выходе же, похлопав себя по карманам, развернулся, подошел к швейцару прикурить. Швейцар в мгновение ока чиркнул спичкой, услужливо поднес огонек к папироске Алексея. Подкуриив, Глебов кинул равнодушный взгляд на шпика, выпустил струйку дыма и вышел на улицу.

Холодный зимний воздух мгновенно пробрался сквозь одежду, однако был приятно освежающим после духоты заполненных помещений. Некоторое время Алексей стоял на террасе и курил. Шпик не заставил себя долго ждать. Явился, растеряно стал искать папиросы по карманам. Достал их, закурил. Искоса наблюдая за ним, Глебов заметил, как нервно подрагивали при этом его руки. Сделав пару затяжек, Алексей вернулся в здание.

Во время антракта многие покинули зал, предпочтя размяться перед вторым отделением, и теперь заполняли окружающее пространство. Алексей поднялся по лестнице, свернул в один из проходов, прошелся по заполненному людьми коридору. Администратор театра с большим трудом удерживал публику, желающую увидеть Айседору Дункан.

- Господа! Господа, прошу вас, мисс Дункан необходимо подготовиться к выступлению. Ей необходимо побыть в тишине, – увещевал он, преграждая толпе путь.

¹ Филёр - сыщик, агент Охранного отделения или уголовно-сыскной полиции в России конца XIX - начала XX в., в обязанности которого входили проведение наружного наблюдения и негласный сбор информации о лицах, представляющих интерес.

Алексей обошел шумное столпотворение и свернул в еще один коридор. Он знал – шпик по пятам следует за ним. Наконец оказавшись в тишине и одиночестве, Глебов поспешно свернул за угол и прижался к стене. В коридоре раздались приглушенные ковровой дорожкой торопливые шаги. Как только филер оказался на расстоянии вытянутой руки, Глебов схватил его за шиворот, рванул в сторону так, что ударил об стену лицом, а брызги крови остались на красивых узорчатых обоях. Алексей быстро обшарил шпика и, обнаружив оружие, навел ствол ему в лицо.

Филер всхлипнул, из разбитого носа капала кровь.

- Кто приказал следить за мной? – задал вопрос Глебов.

- Вы ошиблись, я не следил за вами, – ответил тот, смотря на дуло нагана. – Вы ведь не собираетесь стрелять?

- Посмотрим. – Алексей взвел курок и прижал ствол ко лбу шпика. – Рассказывай!

Глаза филера забежали, но он молчал. В коридоре так некстати раздались шаги. Шпик вырвался и бросился бежать. Глебов чертыхнулся, спрятал оружие за спиной. Мимо неторопливо прошел пожилой господин. Когда он удалился, Алексей посмотрел на наган, проверил. Не заряжен. Так вот почему подлец так спокойно себя чувствовал под прицелом!

Глебов зашагал в ту сторону, куда умчался филер. На ходу засунул оружие в карман с раскидистым тропическим кустом. Коридор был пуст. Сам того не ожидая, Алексей оказался где-то за кулисами. Внезапно дверь одной из гримерок открылась и на пороге возникла миловидная молодая женщина в хитоне.

Увидев Алексея, она растерянно улыбнулась и произнесла на плохом французском:

- Oh, monsieur, je vous en prie, aidez-moi...¹

Глебов улыбнулся.

- Мисс Дункан, можете говорить по-английски, – произнес он на ее родном языке.

- О! – На ее лице расцвела улыбка. – Как это замечательно! Наконец-то! Какая удача!

Алексей рассмеялся ее непосредственной живости.

- Я к вашим услугам, мисс Дункан.

- Пойдемте со мной, сэр. Мне нужна ваша помощь. – Она взяла его своими нежными ручками за локоть. Маленькая и очаровательная женщина в образе свободной античной греческой полубогини... из плоти и крови.

- С вами, куда угодно, – ответил с ухмылкой Алексей.

Иностранка заинтересовано кинула на него взгляд и повела в гримерку.

- У меня выступление, сэр. А эта русская гримерша, не понимает, что мне нужно, – произнесла она, кивнув на растеряно смотрящую на них розовощекую девицу. – Она не знает ни английский, не французский. Она меня не понимает!

- И что же вы хотите, мисс Дункан? – Глебов повернулся к танцовщице.

¹ О, месье, прошу вас, помогите мне... (фр.)

- Мне для выступления нужен мой алый палантин. Без него сорвется мое выступление! – Она театрально подняла руки вверх, отчего явственно выделились ее полные груди и темные круги сосков под тонкой тканью хитона, которые тут же привлекли внимание мужчины.

- Что ж, - он кашлянул в кулак, затем повернулся к гримерше и произнес по-русски:

- Госпоже Дункан нужен для выступления ее алый шарф. Будьте любезны, найдите его поскорее.

Девушка покраснела и кинулась из гримерной. Как только она исчезла, появился администратор. Кинув на Алексея недоуменный взгляд, он произнес:

- Мисс Дункан, прошу на сцену. Через две минуты мы начинаем!

Танцовщица ничего не успела ему ответить, так как в комнату влетела запыхавшаяся гримерша, неся на вытянутых руках огромный шелковый палантин ярко алого цвета. Айседора накинула его на свои голые плечи и повернулась к Алексею.

- Спасибо, мистер... - она вопросительно посмотрела на него.

- Глебов. Алексей Петрович, – представился он с легкой улыбкой сатира на губах, и она продолжила:

- Спасибо, мистер Глебов.

- Не стоит благодарностей, – произнес он. – Позвольте вас проводить, мисс Дункан. Никогда не был за кулисами. Хотелось бы взглянуть, как это - находиться по другую сторону сцены – не в зрительном зале.

Айседора рассмеялась.

- Что же, проводите меня, – ответила она, протягивая ему руку.

- С превеликим удовольствием. – Глебов галантно поцеловал ее пальчики.

Администратор вышел первым и зашагал по коридору, Айседора и Алексей шли следом за ним. Американка взяла Глебова под руку, кинула взгляд на его пальцы, примечая, есть ли обручальное кольцо.

- Вы женаты. Давно?

Алексей проследил за ее взглядом, посмотрел на золотой ободок вокруг своего безымянного пальца.

- Скоро будет годовщина, – ответил он, с тревогой подумав о том, что филер сбежал, а он оставил Лизу одну в ложе. Единственное, что успокаивало, это то, что в ложе находились и другие господа, так что, его жену не стали бы трогать при свидетелях, даже если преследователям пришла бы эта мысль в голову.

- О, думаю, что она счастливица! – высказалась Дункан и сменила тему. - Вам понравилось мое выступление, мистер Глебов?

- Вы великолепны, мисс Дункан! Вы потрясли публику до глубины души. Я не могу найти слов, чтобы выказать вам свое восхищение, – ответил он без славянского восторга, свойственного ярким поклонникам служителей Мельпомены. – В чем ваш секрет, мисс Дункан?

Айседора, довольная комплиментом красивого обаятельного мужчины, одарила его очаровательной улыбкой.

- Прежде чем выйти на сцену, я должна заставить работать в своей душе моторчик. Иначе я не смогу танцевать. И этот моторчик – мои чувства.

- Мисс Дункан! – позвал ее администратор.
- Мне пора, мистер Глебов. Прощайте.
- До свидания, мисс Дункан. – Алексей вновь коснулся губами ее пальчиков. Айседора выпорхнула на сцену. Началось выступление.

Улыбка покинула лицо Глебова, и оно вновь стало сосредоточенно серьезным. Пройдя к кулисам, он слегка отодвинул шторы. Место было выбрано удачно – отсюда просматривался весь зал, поэтому-то он и напросился с Айседорой за кулисы.

Алексей посмотрел туда, где должна была находиться Лиза. Увидев ее, он немного успокоился. Значит с ней все в порядке. Затем взглянул в сторону ложи, откуда, как он предполагал, за ним наблюдали. Там явно кто-то был, скрытый шторой и полумраком. Во мраке ложи что-то блеснуло. Что это? Монокль? Пенсне?

Глебов поспешно прошел за сценой, миновал коридор, поднялся по лестнице, вновь прошелся по коридору и оказался возле красивой резной с позолотой двери.

Он осторожно приоткрыл ее. Ложа пустовала.

* * *

Началось второе отделение, а Алексей так и не пришел. Лиза начала волноваться. Не выдержав безызвестности, она решительно направилась к выходу, но в дверях столкнулась с Алексеем. Он моментально обнял ее за талию и прошептал с ухмылкой на губах:

- Соскучилась по мне?
- Где ты был?

Он чмокнул ее в губы, не стесняясь того, что в ложе они были не одни. Лиза ради приличия отстранилась.

- Что-нибудь случилось? – спросила она, почувствовав внутреннее напряжение мужа.

- Ну что ты, – солгал он, улыбнувшись. – Хочешь уйти?
- Нет, давай останемся. Я хочу досмотреть выступление.

Глебов проводил жену до их мест. Помог сесть. Сел рядом, нежно поцеловал руку супруги. Она улыбнулась ему и повернулась к сцене. Выступление было захватывающим и окончилось настоящим триумфом. Алексей же, охваченный тревожным чувством, во время выступления американки хмуро осматривался, да и после не терял бдительности, когда они отправились домой. Ничего подозрительного он не наблюдал. Но он не мог ошибиться. Опасность реально существовала, только он не знал, откуда она исходит.

* * *

«...Алексей в рубахе, брюках, босой стоял посреди заснеженной улицы. Холода он не чувствовал, лишь ощущал нарастающую тревогу от звенящей тишины. Он оглянулся по сторонам. Раздался шепот. Едва уловимый он стал

нарастать как лавина. И вот голоса достигли таких высот, что Алексей заткнул уши. Душераздирающие крики, вопли, стоны, проклятия звучали со всех сторон. Снег, что стелился под ногами белым покрывалом, вдруг стал краснеть на глазах. Потоки крови хлынули по улицам, снег таял под этим напором, ненасытно поглощал ее, окрашиваясь в ярко-красный цвет. Эти потоки хлынули к его босым ногам, он попытался уйти в сторону, но чьи-то руки - множество рук - тянули его обратно в кровавую лавину. И вдруг посреди этого ужаса он услышал голос Лизы. Она звала его, звала, звала. Он рванулся на ее голос и освободился от держащих его рук...»

- Алеша, проснись! – услышал он встревоженный голос жены над самым своим ухом и открыл глаза.

Лиза с беспокойством и сочувствием смотрела на него.

- Что, опять? – спросила она, поглаживая его по щеке.

Алексей глубоко вздохнул, пытаясь выровнять дыхание и унять гулкое сердцебиение. Давненько его не беспокоили кошмары. И вот опять они вернулись.

- Да, опять кошмар, – ответил он охрипшим голосом.

Лиза ласково и заботливо погладила его по волосам. Поцеловала в подбородок, на котором проступила щетина. Ее молодое тело прильнуло к нему, ноги сплелись с его ногами.

Алексей обнял жену, ощущая, как тепло ее тела возвращает его к жизни, заставляет вновь ощущать и чувствовать. Он прижался губами к ее плечу, втянул носом притягательный запах ее кожи. Затем сжал жену в объятиях и, перевернувшись вместе с ней, подмял ее под себя. Его губы жадно впились в ее уста, а пальцы неистово сжали грудь.

Лиза застонала, с готовностью отдаваясь во власть его желания. Лишь только так - в порыве страсти - муж забывал о своих кошмарах, пророчащих беды. Он овладел ею быстро, без прелюдии. Лиза вскрикнула, прикусила губу, чтобы сдерживать вопль наслаждения. Страстная вспышка опалила обоих...

...Алексей еще некоторое время сжимал жену в объятиях, затем откатился в сторону. Лиза поправила ночную рубашку и бережно накрыла мужа одеялом. Затем придвинулась к нему поближе и обняла. Он прижал ее к себе, но уже не страстно, а умиротворенно, наслаждаясь ее теплом.

- Если бы я не был на тебе женат, я бы сделал это прямо сейчас, – пробормотал удовлетворенно он с усмешкой на губах.

- Не знаю, согласилась бы я опять, – поддразнила она его. - Вы так темпераменты, Алексей Петрович. Я чувствую себя такой незащищенной!

- Вот как? – изобразил удивление Глебов, заглядывая ей в глаза. При слабом лунном свете ее голубые глаза казались темными и бездонными.

- Да. – Она кивнула, кокетливо потупившись.

- И что же делать?

- М-м, не знаю... Может быть, если бы вы шли на уступки...

- Уступки? – Алексей насторожился.

Лиза кивнула, игриво проведя пальчиками по его обнаженной груди.

- И какие же уступки тебе нужны, моя несравненная женушка? – поймав ее за руку, поинтересовался он.

Она вздохнула:

- То, что я делаю, для меня очень важно, а в последнее время ты стал нетерпим к моей партийной деятельности...

- Та-ак! – протянул Алексей, усаживаясь. – Значит, я не терпим? Ты вообще осознаешь всю опасность, которой подвергаешь себя?

Лиза обиженно заморгала:

- Ты совсем меня не понимаешь!

- Думай что хочешь, но не забывай, что ты моя жена!

- Деспот! – выпалила Лиза. – Никогда не думала, что ты станешь таким!

- Каким?

- Приверженцем домостроя!

- Да! Думаю, пора взять за основу в наших отношениях правила, прописанные в «Домострое»¹. Особенно те, что касаются жен. Начну с того, что запрещаю тебе выходить из дома!

- Ты не можешь запереть меня!

- Еще как могу! – ответил он тоном, не вызывающим сомнения.

Лиза устала на него. Губы ее задрожали, а на глаза навернулись слезы. Отвернувшись, она легла к нему спиной. Плечи ее вздрагивали от беззвучного рыдания.

Глебов выругался, соскочил с кровати, натянул штаны и, закутив, вышел. Когда он вернулся, то некоторое время молча смотрел на жену, лежащую все в той же позе. Она не спала – это он точно знал. Алексей лег на своей половине, нерешительно протянул к ней руку. Затем решившись, придвинулся к жене ближе, бережно погладил по плечу.

- Пойми, ты для меня - всё – я не могу тебя потерять, – произнес он.

- Вы думаете только о себе! То, что ВАМ нужно, то, что ВАМ удобно, то, что ВАМ хорошо. Вы, вы, вы! – огрызнулась Лиза. – А как же то, что Я хочу?

- И чего же ты хочешь, чего я тебе не даю? – Глебов вздохнул. Жена всегда начинала обращаться к нему на «вы», когда особо сильно на него сердилась.

- Возможности самой решать, как поступать! Вы всегда вели себя так, словно вольны, свободны, независимы. Это привлекло меня, и я влюбилась в вас! Но чем дольше мы живем вместе, тем больше вы ограничиваете мою волю. Вы... Вы меня подавляете!

Алексей соскочил с кровати и, запустив пятерню в волосы и взъерошив их, зашагал по комнате взад-вперед.

- Думаешь, мне легко? Ты же изменила мою жизнь! – Он остановился. – Я дорожил тобой настолько, что принял перемены. Теперь ты ставишь мне в укор то, от чего я не хочу отказаться: ты - моя женщина, и я всегда буду защищать тебя.

-Если я дорога тебе, дай мне большей свободы!

¹ Домострой («Книга, называемая «Домострой»», XVI в.) - сборник правил, советов и наставлений по общественным, семейным, хозяйственным и религиозным вопросам жизни человека и семьи.

-Большей свободы?!

Лиза вскочила на ноги:

- Да!

Алексей обвел ее взглядом. Он смотрел на жену, одетую в тонкую ночную рубашку, и хотел крепко сжать ее в своих объятиях – так, чтобы она забыла обо всех своих обидах, - но вместо этого лишь крепко стиснул зубы и, засунув руки в карманы, сжал кулаки.

- Каким же образом? - Он невесело усмехнулся.

-Поступками! - Лиза вздохнула и, осознав, что муж готов пойти на уступки, безоговорочно заявила:

- Я иду завтра на заседание одного из гапоновских кружков.

- Заседание одного из кружков священника Гапона¹? – удивился Глебов. На его лице отразилось недовольство. – Зачем?

- Нам нужно узнать, что он из себя представляет.

- Нам? То есть твоим «товарищам»?!

- Опять ты начинаешь! – Она сжала кулачки. - Даже не пытайся отговорить меня, я все равно пойду.

Алексей недобро сверкнул глазами.

- Хорошо. Тогда я пойду с тобой.

- Нет!

- Это не обсуждается.

Они сражались взглядами. Наконец Лиза сдалась – возможно, если муж будет помогать ей, он проникнется идеями социал-демократов.

- Хорошо. Раз ты этого хочешь.

Глебов обреченно вздохнул. Приблизился к жене, все также стоявшей на кровати. Взяв за талию, приподнял супругу и поставил рядом с собой.

- Вот и договорились! – произнес он. Затем взял за руку и повел за собой. – А теперь давай ложиться спать.

Лиза не стала перечить ему и послушно легла на свою сторону кровати. Алексей разделся и лег рядом. Так они и лежали, уставившись в потолок. Лиза вздохнула, повернулась на бок и некоторое время смотрела на его лицо. Затем вздохнув, повернулась на другой бок и свернулась калачиком. Когда сон сморил ее, она сквозь дрему ощутила, как муж придвинулся к ней вплотную и обнял. Она улыбнулась и крепко заснула в его теплых объятиях.

* * *

По улице шли двое: рабочий и его жена. Алексею и Лизе не впервой было быть ряжеными. Однако на этот раз они направлялись не развлекаться, а на собрание, проводимое священником Гапоном. Лиза вкратце пояснила мужу суть своего

¹ Георгий Аполлонович Гапон (Гапон-Новых) (1870, с. Беяки Полтавской губ. - 1906, Озерки) - православный священник, лидер христианского профсоюза «Собрание русских фабрично-заводских рабочих Санкт-Петербурга».

задания: побывать на собраниях так называемого «Общества петербургских рабочих», послушать и понаблюдать.

- Зачем это нужно?

- У Гапона собираются сотни рабочих. Поэтому лучше быть в курсе происходящего, чем находиться в неведении, – ответила Лиза.

Глебов усмехнулся:

- И часто «ваши» бывают на его собраниях?

- Гапон не допускает социал-демократов, - Лиза поморщилась, - И у Рутенберга¹ тонкий нюх на эсдеков.

- Рутенберг?

- Земляк и друг Гапона. Он инженер, работает начальником мастерской на Путиловском заводе. Думаю, он из партии эсеров.

Лиза остановилась и с мольбой и беспокойством посмотрела на мужа.

- Алеша, милый, я прошу тебя, постарайся не привлечь к нам внимание. Гапон своих рабочих знает в лицо. Если ты привлечешь внимание, нас выставят вон. И я провалю задание. Ты мне обещаешь?

Глебов покровительственно ухмыльнулся, погладил жену по замершей щеке.

- Не переживай. Я же с тобой.

Она вздохнула:

- Вот это-то меня и пугает. Ты же не можешь без *épatage*².

Алексей весело рассмеялся:

- Раз уж я пошел с тобой, то постараюсь извлечь удовольствие от происходящего, моя дорогая!

Лиза тяжело вздохнула и первой вошла в парадную. Глебов последовал за ней.

Помещение с большим залом для собраний и вечеров было заполнено людьми - рабочие пришли с женами – после собрания намечался вечер с чаепитием. Как оказалось, темой предстоящего собрания было «Взаимопомощь, все за одного, один за всех».

- ...Ну, а что же тогда нам? – говорил один из рабочих, поблизости от Алексея и Лизы.

- Что? – произнес в ответ другой. – Одиннадцать часов работай, получи свои копейки, живи, как можешь и помалкивай, вот и все наши дела. А если невзначай забурчишь – вон, за ворота, на голодный отдых! У нас двоих рассчитали за то, что прилюдно мастера матюгнули. А у одного из них трое детей и жена в больнице – как он будет жить? На что?

- Надо пускать шапку по кругу. Двое по полтиннику, а ему рубль в дом.

- А что? Он дело говорит.

¹ Пётр (Пинхас) Моисеевич Рутенберг (1878, г. Ромны Полтавской губернии - 1942, Иерусалим, Британская Палестина) - инженер, политический деятель, активный участник русских революций.

² *Épatage* (фр.) – эпатаж, умышленно провокационная выходка или вызывающее, шокирующее поведение, противоречащее принятым в обществе нормам, демонстрируемые с целью привлечения внимания.

Лиза и Алексей, пробрались дальше и, устроившись на скамейке возле стены, постарались не выделяться из толпы рабочих и их жен. Вели себя скромно, говорили друг с другом шепотком.

- У Гапона есть помощники - рабочие Петров, Янов, Иноземцев, Карелин. Почти все они из рабочей верхушки, то есть имеют высокую квалификацию, неплохо зарабатывают и находятся на хорошем счету у фабрично-заводской администрации. Серьезные, непьющие, хорошие семьянины, - поделилась сведениями Лиза. – Они-то и должны подавать другим пример...

- А это что за колоритная фигура? – спросил Алексей у любопытного соседа - старичка, прислушивающегося к их разговору. Лиза замолчала.

Старик приставил ладонь к уху:

-А?

Глебов кивком указал на богатыря с окладистой бородкой и трубным голосом, попытавшегося привлечь внимание присутствующих.

-А! - Старичок пошамкал беззубым ртом. – Рабочий Филиппов, истово верующий человек. Отец Георгий для него - высшее слово разума и совести. – Старик со значением поднял скрюченный подагрой палец вверх. - А коли кто беспорядки на собраниях наводит, того поручают его заботам – под белы ручки и вон. – Его палец демонстративно указал в сторону дверей.

- Понятно. – Алексей повернулся к жене. Ну и нахальный же старикан!

В зале, наконец, стихло - появился поп Гапон в сопровождении мужчины лет сорока, как догадался Глебов, Рутенберга. Гапон тепло, по-отечески заботливо поприветствовал рабочих и стал выступать. Алексей некоторое время изучающе наблюдал за ним.

Густые темные волосы священника были зачесаны назад. Аккуратные усы, борода клинышком на длинном лице. Несомненно, он имеет успех у женщин. Бесформенный нос сдвинут влево, явно когда-то Гапону основательно вдарили в лицо. Длинные руки, стоило их хозяину проявить эмоциональность, взмывали вверх. Он умело пользовался голосом, сводя его то к трубному гласу, то к трагическому шепоту, в котором, тем не менее, было слышно каждое слово. У него, несомненно, ораторский талант, отметил для себя Глебов.

Тем временем священник говорил о силе рабочего товарищества.

- В Сибири говорят, на медведя в одиночку ходить – только сирот плодить. Вы стоите перед ликом Христа каждый сам по себе. А вы возьмитесь за руки, и на душе у вас станет светлее и теплее. Всегда помните: все от Бога. Абсолютно все. Бог дарит нам радости, но Бог посылает нам и испытания.

Среди рабочих прошел одобрителный шумок.

- Вы спрашиваете меня, братья и сестры, откуда обездоленному человеку помощи ждать? Мой вам ответ, уповайте на Бога, уповайте и помогайте друг другу! Не ждите помощи от политиков. Вы знаете об эсдеках, называющих себя рабочей партией. Не верьте им, братья и сестры! Все они - евреи, иноверцы, не заслуживающие доверия! Знаете вы и об эсерах. Да, эсеры готовы делать полезное дело, но нарушают заповедь «не убий». Я же призываю вас, братья и сестры, молитесь Бога, молитесь, чтобы царь сам даровал вам, своему народу, лучшую жизнь...

Чем дольше Глебов слушал Гапона, тем больше понимал, что перед ним стоит самолюбивый тип. «Спрашиваете меня», «мой ответ», «я призываю» подчеркнуто звучали в его речи. Священник чрезмерно тщеславен и потому опасен.

Алексей посчитал, что с него лекций на сегодня хватит, и посмотрел на жену. Однако Лиза сделала вид, что не заметила его призыва удалиться.

Глебов вздохнул. Желая спровоцировать соседа, он глянул в его сторону, но старик, привалившись бочком к стенке, прикорнул. Эх, значит, план с провокацией отпадает. Алексей искоса взглянул на Лизу. «Что же, прости, родная, обещание не сдержу». Он демонстративно зевнул, заерзал на месте, пытаясь устроиться поудобней. Даже расположился бочком к стене, как это сделал старик-сосед, осталось лишь заснуть с громким храпом.

Тем временем Лиза нервничала и злилась. Пару раз она локтем ударила Алексея в бок, чтобы он уговорился, но безуспешно. Когда же Гапон заговорил о том, что борется за лучшую жизнь для рабочих, чтобы не было среди них нищеты и голода, неожиданно и громко на все помещение раздался голос Глебова:

- Скажите, батюшка, что вы намерены сделать? За счет каких средств произойдет это улучшение жизни?

Лиза вздрогнула и замерла – все смотрели в их сторону. Даже старик проснулся. Многих вопрос чужака заинтересовал, стали перешептываться, кто одобрительно, кто раздраженно.

Гапон взглянул на Рутенберга и, после небольшой паузы, произнес:

- Надо заставить раскошелиться хозяев, наживающих состояние за счет тяжелого труда рабочих.

Глебов наклонился вперед.

- Батюшка, так этого же добиваются и социал-демократы, и эсеры. У эсдеков это называется «взять в свои руки средства производства», а затем и власть. А это значит, - Алексей сделал паузу, – «долгой самодержавие».

Гапон побледнел. Кинул взгляд куда-то в угол зала. Затем посмотрел на Глебова. Толпа роптала.

- Самодержавие тут не причем, – заявил Гапон категорично. Но от Алексея не ускользнуло, что голос священника дрогнул, как и его уверенность в себе.

- Как же это не причем, - вошел в роль Глебов, - если Власть всеми силами охраняет существующий в государстве «беспорядок»?

Гапон кинул быстрый взгляд влево, и Алексей краем глаза заметил, как поднялся со своего места Филиппов. Рутенберг же продолжал внимательно наблюдать за Алексеем.

Гапон на этот раз ответил на вопрос вопросом, обращаясь уже ко всем рабочим и привлекая их внимание:

- Братья и сестры, разве сам самодержец не хочет, чтобы рабочие в его государстве жили лучше? И разве он не в силах сделать что-то для этого? Не предосудительно пытаться привлечь внимание царя к нашим бедам! И вы знайте – большинство рабочих свято верят, что царь верно служит своему народу. Беда в том, что чиновники, окружающие царя, мешают ему знать правду о жизни рабочих...

Глебов, взяв Лизу за руку, поднялся и потянул ее к выходу.

- Идем!

Возле дверей они оказались в одно время с Филипповым. Тяжеловес хмуро

смотрел на них.

- Знаю, знаю, «незванные гости – хуже татар», – заявил Алексей. - Да ты, малый, не переживай, мы уже уходим.

Глебов сделал попытку обойти великана, однако тот преградил им дорогу.

Алексей отступил на шаг назад, одновременно спрятав Лизу за своей спиной.

- Хочешь устроить возню при всем честном народе?

Филиппов посмотрел куда-то вверх его головы. Глебов оглянулся. К ним продвигались два типа, не иначе, как ряженные легавые.

- Ба! Да у вас полицейские шпики на службе! - громогласно объявил он, в пол-оборота повернувшись к публике. - Люди добрые, да что же это творится!

Великан сердито засопел. Ряженные в рабочих шпики в нерешительности остановились, заметив интерес толпы.

- Да где ж это видано, чтобы людей насильно удерживали! – раздался звенящий голос Лизы. Филиппов отступил, по-видимому, пронзительные женские вопли пугали его гораздо больше, чем что-либо другое.

- Пусть уходят, – раздался чей-то голос. Алексей и Лиза обернулись. К ним приближался Рутенберг.

- Но, Петр...

- Пусть уходят. Нам не нужен скандал.

Филиппов нехотя отступил в сторону.

Глебов кинул на него взгляд, затем глянул на Рутенберга, и, крепко сжав ладонь Лизы, шагнул за порог.

* * *

- Что же ВЫ наделали?! – сердито заявила Лиза, когда извозчик помчал их по заснеженной дороге. Алексей обернулся, проверить, не преследуют ли их шпики. Затем уселся поудобнее.

- Дорогая моя Лиз, мы узнали достаточно и даже боле, – ответил он отстраненно.

- Объяснитесь!

Тон жены привел Алексея в раздражение. Он повернулся к Лизе, однако промолчал. Ее глаза пылали от негодования. Извозчик искоса с любопытством посмотрел на столь странную пару. Оба высокомерные и напыщенные. Рабочие, как же!

После очередного поворота Глебов приказал остановить, расплатился и сошел на тротуар. Лиза, проигнорировав протянутую им руку, спрыгнула с коляски. Извозчик укатил. Они же остановились друг перед другом.

- Вы не желаете объясниться? – не унималась Лиза, хотя видела, Алексей тоже недоволен.

- Я объясню. А тебе придется извиняться. – Он шагнул в проулок, Лиза, быстро осмотревшись, последовала за ним. Шли молча, пока не вышли на соседнюю улицу.

- И что же? – не вытерпела она.

Алексей остановился:

- Я устроил там словесную перепалку не просто так, чтобы позлить тебя или обидеть, а для того, чтобы показать, каков Гапон на самом деле. Каков он, когда говорит не заученные слова, а говорит сам, без чей-либо подсказки и научению.

Лиза промолчала, но по тому, как она отвела глаза, Алексей понял - она осознала, что погорячилась.

- Мои наблюдения таковы, – продолжил он, - что Георгий Гапон - амбициозный ловкий демагог, какого поискать. Умственно ограниченный, но умеющий использовать все и всех, кто может ему помочь сделать карьеру. Могу предположить, что за его спиной стоят сильные мира сего.

- Что ты имеешь в виду?

- Самое малое - ему покровительствует охранка.

- Ты думаешь, отец Гапон провокатор? – Лиза заинтересовано посмотрела на него.

- Не хочу быть голословным. Вот скажи, где он взял денежные средства, чтобы в короткий промежуток времени без препон открыть одиннадцать отделений своей организации по всему Петербургу?

Лиза неуверенно пожала плечами.

- Только не говори мне, что это было сделано на пожертвование прихожан. Поверь мне, это невозможно.

- Так он действует по научению охранки? А как же Рутенберг? Он ведь направлен эсерами для наблюдения за деятельностью Гапона и имеет на него сильное влияние.

- Согласен. Однако, думаю, что в своих амбициях Гапон решил пойти дальше, ставя себя выше замыслов Охранного отделения и эсеров. Исходя из его слов,

можно предположить, что задумал он что-то масштабное... не знаю что, но явно грандиозную аферу, цель которой – привлечь внимание царя.

- К чему привлечь?

Глебов посмотрел на жену, смотрящего на него с неподкупным доверием, снисходительно улыбнулся и погладил ее по щеке, как несмышленного ребенка.

- Привлечь внимание к своей персоне, и не только царя, а всего народа... - Он нежно сжал ее ручки. - Стремится стать пророком в своем отечестве... Лиза...

- О, мистер Глебов! – раздался поблизости женский голосок. Лиза вздрогнула и обернулась, а Алексей, сохраняя самообладание, спокойно взглянул на американскую диву, выпрыгнувшую из автомобиля и очень быстро приближающуюся к ним.

- Мисс Дункан, – поприветствовал кивком головы Алексей и продолжил на английском. - Позвольте представить вам мою жену. Елизавета Николаевна. Мисс Айседора Дункан.

Женщины холодно окинули друг друга взглядами, приветственно кивнули. Затем знаменитая танцовщица сосредоточила свое внимание на мужчине и опять стала милой и приветливой.

- О, я не поверила своим глазам, когда увидела вас! – заговорила она на родном языке. – Ваш наряд? Вы были на маскараде?

Алексей рассмеялся, окидывая взглядом свою одежду.

- О, да, в каком-то роде!

- Я скоро уезжаю - мне хотелось бы еще раз увидеться с вами. Я приглашаю вас сегодня вечером пойти с нами, – она кивнула в сторону автомобиля, в котором сидел статный мужчина в пенсне, - в ресторан.

Алексей, взглянув на сопровождающего танцовщицу мужчину, поймал на себе его пристальный взгляд.

Лиза взяла мужа под руку и, смотря на иностранку, приторно сладко заметила:

- Сверх неприличия вести разговор на языке не всем понятном! Тем более, - Лиза, прищурившись, пристально посмотрела на мужа, – когда рядом с собеседником стоит его жена.

Глебов с улыбкой смотрел на нее, затем поцеловал ее ручку и обратился к Дункан:

- Мисс, мы обязательно будем - я и моя жена.

Американка недовольно сжала губы.

- Хорошо, – с вызовом произнесла она, затем, назвав адрес ресторана, грациозно направилась к автомобилю.

Как только автомобиль скрылся за поворотом, увозя иностранную диву, Лиза выдернула свою руку из рук мужа и отскочила как ошпаренная в сторону.

- Ну что еще? – с досадой спросил Алексей.

- Когда ты успел с ней познакомиться? Уж не на концерте ли, когда оставил меня одну в ложе?! Ух! – Она гневно топнула ногой и быстро зашагала прочь.

Алексей последовал за ней. Догонять и что-либо объяснять - не было смысла.

* * *

Восторженные поклонники американской танцовщицы устроили ужин в ее честь в верхнем зале ресторана Кюба. Все здесь дышало чрезмерной роскошью. Лиза же среди этой роскоши выглядела превосходно: собираясь в ресторан, куда «их» пригласила Айседора Дункан, она приложила значительные усилия, чтобы блистать в этот вечер. И блистала. Лиза завораживающе смеялась очередной шутке очередного собеседника, кокетничала, но Глебов понимал, ее целью было заставить его ревновать. Он усмехнулся, помышляя о том, что поздно вечером, когда они окажутся в своей спальне, он с лихвой компенсирует недостаток внимания к своей персоне. Затем повернулся к Айседоре, стоявшей рядом.

- Русские женщины столь привычно и повседневно носят на своих плечах целые состояния, - высказалась она, поморщив носик. - Зачем так обременять себя? – Она кокетливо поправила свои легкомысленные кудряшки. - Я не ношу дорогих коле и браслетов и при этом не чувствую себя

ущемленной.

Алексей усмехнулся:

- Должен признаться - русские мужчины с любовью преподносят дамам своего сердца дорогие подарки. Это доставляет огромное наслаждение и тем и другим.

- Я в этом вопросе придерживаюсь точки зрения философа Жан-Жака Руссо о том, что человек обязан впитать в естество свое мудрость ограничения желаний. Он не должен всю свою жизнь гнаться за прелестями публичной славы и несметного богатства. Его цель - это поиски истинного счастья и нахождение его в интимных радостях сердца.

Алексей был несколько удивлен таким философским подходом к жизни красивой женщины, казавшейся ему легкомысленной. Айседора же с воодушевлением стала цитировать философа:

- *«Червь честолюбия людские души гложет.
В сердечных радостях философ счастье множит.
Блажен, кто смог вкусить от сих простых отрад,
Кто ими, чистыми, довольствоваться рад».*

Она вздохнула:

- Я же стать по-настоящему счастливой смогу лишь тогда, когда осуществится моя мечта, давняя и трудновыполнимая.

- Какая же, если это не тайна?

- Создание собственной танцевальной школы. Одного такого колёе хватило бы на это благородное дело, - сказала Айседора, взглянув на проходившую мимо величественную даму с пышными ювелирными украшениями.

- О чем вы, моя дорогая мадмуазель Дункан? – Подошедший господин, который задал вопрос, поцеловал танцовщице ручку, затянутую в перчатку.

- О, Алексей Александрович! Здравствуйте! - перешла она на французский. - Вы знакомы? Позвольте вам представить. Месье Глебов. Месье Лопухин.

Мужчины вежливо поприветствовали друг друга кивками. Лопухин вновь обратился к танцовщице:

- Так о чем же вы говорили, мадмуазель Дункан?

- Я говорила о своей мечте, - произнесла она, кокетливо махнув веером. - Вот если бы вы вложили в мою мечту мельчайшую частичку вашей роскоши, я открыла бы танцевальную школу в России. Я научила бы русских девочек движениям Терпсихоры. Не вымученным заученным телодвижениям, а данной самой природой человеку способности танцевать от рождения. Весь свет должен танцевать, так всегда было и будет.

- Что же, мадмуазель Дункан, я подумаю об этом, - уклончиво ответил Лопухин, улыбнувшись.

Тем временем гости, приглашенные на званый ужин, стали рассаживаться за столы, уставленные разнообразной снедью и дорогими винами. Их примеру последовали Айседора и ее собеседники.

Пробки из-под шампанского возвестили залпами о начале пиршества. Серьезные разговоры прекратились. Исчезли чопорность и величавость, которые прежде чувствовались в поведении гостей. Стали шутить, звучали тосты, признания в пылкой любви и симпатии.

Глебов, немного утомленный своим соседом Яном Ционглинским¹ (в своем почтенном возрасте пылающим юношеским восторгом), взглянул на покрасневшую жену. Она, почувствовав его взгляд, повернулась. Их глаза встретились... и сказали о многом. Алексей накрыл ладонью ее ладонь, спрятанную под столом и покоящуюся на ее коленях. Их пальцы сплелись...

Видя, что Глебов не обращает на него никакого внимания, Ян Ционглинский переключился на Александра Бенуа² и, наклонившись через стол к нему, произнес с польским акцентом:

- Ты понимаешь, Александр, что это такое? Айседора Дункан - это не женщина, это ангел, но черт какой-то!

Бенуа попытался возразить:

- Айседора произвела на меня впечатление, однако ее искусство вызвало у меня двоякое ощущение. Некоторые ее движения коробят меня своей неуклюже-

¹ Ян Францевич Ционглинский (Цёнглинский) (1858, Варшава - 1912, Санкт-Петербург) - польский и российский художник.

² Александр Николаевич Бенуа (1870, Санкт-Петербург - 1960, Париж) - русский художник, художественный критик, основатель и главный идеолог объединения «Мир искусства». Из семьи известных архитекторов Бенуа.

стью, и в то же время многие позы исполнены красотой. И признаюсь вам, дорогой Ян, что, как женщина она не обладает, на мой вкус, каким-либо шармом...

Алексей поморщился от пьяных рассуждений, но хмельной и влюбленный Ян не позволил Бенуа далее продолжать разглагольствования, он прервал его, вновь повторив свою восторженную фразу:

- Это не женщина, это ангел, но черт какой-то... Не смей говорить о ней в моем присутствии так критично! Ты ничего, как я вижу, не понимаешь в женщинах. Несчастный замороженный судак! Прости... Я в полном восторге от всего, что здесь происходит. Я влюблен в Айседору! – Он вскочил с места.

- Я влюблен в вас, Айседора! – воскликнул Ционглинский на весь зал и поднял бокал с шампанским в честь дамы своего сердца. Айседора засмеялась и приветственно подняла свой бокал.

После тоста Алексей тихонько увлек Лизу танцевать, но вскоре, к их огорчению, оркестр оглушительно грянул плясовую. «Замороженный судак» Бенуа, никого не видя перед собой, кинулся плясать. Захватская мелодия подняла Айседору и понесла в круг танцующих. Все постепенно расступились, давая ей большего пространства. Ее заразительные движения заколдовали... Неожиданно кончик туфли танцовщицы зацепился за край ковра, и Айседора упала. Глебов хотел было помочь ей, но она, ничуть не смутившись, поднялась сама и продолжила свой танец, не смотря на насмешливые взгляды некоторых из приглашенных.

Алексей одобритительно ей улыбнулся, затем обернулся к Лизе, но ее и след простыл.

Обходя зал в поисках жены, Глебов вдруг от неожиданности остановился. Неужели?! Он услышал знакомый голос певицы, исполняющий романс, и резко обернулся к сцене. Катарина! Катарина Хмельницкая! Как долго же он ее искал!

Она тоже заметила его и узнала. На мгновение сбилась, однако быстро взяла себя в руки. Дождавшись конца выступления, Алексей подошел к ней.

- Здравствуй, Катарина.

- Здравствуй, - сухо ответила она.

- Нам нужно поговорить.

Катарина окинула его холодным взглядом:

- Хорошо. Идем, - и зашагала к одной из двери, ведущей в коридор.

Глебов оглянулся в поисках жены, но, не увидев ее, последовал за Катариной.

Алексей и не предполагал, что Лиза, рассерженная тем, что он бросил ее и кинулся помогать Айседоре, захотела уйти без него, однако как раз в этот миг вернулась за забытым ридикюлем¹. Конечно же, она увидела своего мужа, уходящего из зала с певичкой. Ревность захлестнула ее новой волной. Лиза бросилась следом за ними, но ее перехватил пьяный и веселый до невозможности Бенуа. Когда ей удалось отделаться от него, она уже не знала, где искать своего неверного ненадежного супруга.

¹ Ридикюль - женская сумочка, украшенная вышивкой, на длинном шелковом шнуре, надеваемом на руку.

* * *

Глебов и Катарина вошли в небольшую гримерку. Заметив на тахте спящего пятилетнего мальчугана, Алексей захотел подойти, но женщина его остановила.

- Не буди.

- Я только хотел...

- Не важно. Я получила твоё письмо. Что тебе от нас надо, Глебов?

- Я просил тебя дождаться меня...

Дверь резко распахнулась и на пороге, так некстати, возникла Лиза. Она взглянула на Алексея, затем на женщину, потом на ребенка. После этого гневно уставилась на мужа.

- Ты... Ты – подлец! – выпалила она.

Мальчик побеспокоенный, пошевелился, но не проснулся. Лиза резко развернулась, однако Алексей успел ее поймать за руку, прежде чем она убежала.

- Лиза, ты все не так поняла! – прошипел он. Затем вывел ее в коридор и прикрыл дверь. - Катарина – подруга Костика, понимаешь?

Лиза недоверчиво фыркнула.

- Я прошу тебя, иди в зал и подожди меня, хорошо? Я тебе потом все объясню.

Он чмокнул ее в лоб и вошел в гримерку. Как только дверь за ним закрылась, Лиза гневно сжала кулаки. Грудь ее вздымалась, глаза прожигали закрытую дверь. Затем она резко развернулась на каблучках и бросилась прочь...

Глебов тяжело вздохнул, прошел через комнату, сел на стул. Вздвинув волосы, он посмотрел на стоящую перед ним женщину, весь вид которой говорил о том, как она его ненавидит и презирает.

- Катарина, Костик был моим другом...

- Но он погиб из-за тебя, не так ли?

Алексей вздохнул:

- Если бы я мог, я отдал бы за него жизнь, не задумываясь.

- Но не отдал же! - Она подошла к ребенку. - Посмотри на него. У него теперь нет отца.

- Я искал тебя почти полгода не для того, чтобы оправдываться. Я хочу помочь вам.

- Нам не нужна твоя помощь.

Понимая, что разговор не клеится, Глебов встал.

- У Костика осталась доля в игорном доме, денежные сбережения. Все это ваше, не забывай.

- Не забуду, уж не сомневайся.

Алексей взглянул на нее с сожалением, прошел к выходу, остановился, обернулся.

- Ты работала с нами, Катарина. Мошенничества - всегда риск, ты же знаешь.

- ТЫ втянул нас в свои аферы!

- Ты сама сейчас не осознаешь, что говоришь. Не отказывайся от помощи, Катарина. Я крестный Пашки, - Алексей кивнул в сторону мальчишки, - и готов помогать тебе в его воспитании.

- Нам не нужна твоя помощь. Уходи!

Катарина указала ему на дверь. Глебов вздохнул, открыл дверь и вышел. Когда дверь за ним закрылась, молодая женщина опустилась на стул и прикрыла лицо руками. Перед тем как отправиться вытаскивать друга из передрыги, Костик Абрамович сказал ей, что по возвращению они наконец-то поженятся. Из поездки Костик так и не вернулся...

* * *

Глебов шел по коридору, подавленный разговором с Катариной. На душе было гадко – Алексею, так же как и Катарине, очень сложно было пережить и принять смерть Костика Абрамовича - для него он был лучшим другом. По крайней мере, он нашел жену и ребенка Кости и постарается им помочь...

В этот момент Глебов вспомнил о том, как расстался с Лизой и поспешил ее найти. Среди приглашенных ее не оказалось. Швейцар, получив от Алексея звонкую монету, сообщил, что госпожа Глебова уже уехала.

Алексей вздохнул. Лиза опять не так все поняла. Дома предстояло объяснение с женой. По-видимому, она не поверила, что Катарина - жена его друга. Надо было раньше рассказать ей, что он занимался поиском Катарины и Пашки все это время.

Честно говоря, он не был готов выслушивать претензии жены - хотелось побыть одному в тишине и покое. Да и ей нужно дать время успокоиться и остыть. Однако задерживаться в ресторане Глебов тоже не хотел.

Он хотел было уже уйти, но к нему поспешила Айседора.

- Куда же вы? Веселье в самом разгаре.

- Я хотел бы откланяться, мисс Дункан.

- Зовите меня, Айседорой. Или Дорой - как вам угодно. – Она взяла его под руку.

- Хорошо. Дора.

- А я буду звать вас Алексом. Алекс Глебов. – Женщина произнесла его имя так, будто пробовала на вкус что-то новое и очень приятное. Затем она посмотрела ему в глаза.

- Вы чем-то опечалены, Алекс.

- С чего вы взяли? – Глебов надел маску ленивого безразличия.

- О, я вижу и ощущаю это, Алекс.

Глебов улыбнулся.

- Так вот что помогает вам творить - ваша чувствительность, - сменил он тему разговора.

- Знаете, Алекс, - произнесла она, - когда я прибыла в ваш город, я видела на рассвете длинную погребальную процессию. Несли несколько гробов... Это было очень, очень печально. Во время выступления моя душа плакала, вспоминая о ней. Я танцевала так, словно страдала и томилась при трагических звуках прелюдий,

протестовала и рвалась ввысь под бравурные полонезы... И вот, моя душа и мой танец пробудили в богатой, аристократической публике бурный отклик.

Алексей поцеловал руку, затянутую в перчатку.

- Вы танцевали божественно, Дора.

Айседора покраснела от удовольствия.

- О, благодарю!

Глебов решил напомнить:

- И все же, Дора, я хотел бы откланяться.

Дункан расстроилась.

- О, нет! Оставайтесь!

Алексей улыбнулся, сжал ее пальчики.

- Не могу. Я всегда буду поклонником вашего таланта. Прощайте.

Он забрал пальто из гардеробной и уверенно шагнул за порог ресторана. Дункан проводила его раздосадованным взглядом.

- И все-таки я не прощаюсь, - упрямо произнесла она и вернулась в зал.

* * *

Алексей закурил папиросу, затянулся, выпустил струйку дыма в морозный воздух и шагнул на скользкий тротуар.

Он шел по улицам столицы, погруженный в тяжелые воспоминания. Катярина обвинила его в смерти Костика. Да. Это случилось около полугода назад, боль же оживила память, и казалось, что это произошло совсем недавно. Алексей вспомнил, как в тот день со стоном открыл глаза...

...Лиза была привязана к столбу напротив, во рту кляп, а в глазах ужас. Он попытался пошевелиться, но ничего не вышло - руки были связаны, ноги тоже, а сам он был прислонен спиной к стене амбара.

- Ну вот, наш друг и очнулся, - услышал он знакомый голос, не предвещавший ничего хорошего. К Алексею приблизился Сычев.

- Не ожидал? Вижу, нет! Ты недооценил меня, мальчик! - Сычев склонился над ним. - Кстати, как тебя величать, Алексей Глебов или Черкасов? А? - Сычев посмотрел на него и усмехнулся. - А твоя жена знает, что ты мошенник? - Сычев взглянул на молодую женщину.

Алексей встретился с ее тревожным взглядом. Натянул веревки, связывающие руки. Исподлобья взглянул на Сычева. Тот ухмылялся, удовлетворенный тем, что заставил Глебова потерять самообладание. Алексей глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться. Нужно придумать что-то, чтобы спасти себя и Лизу.

- Знаешь, ты поступил глупо - нужно было самому убить меня, а не провоцировать хитроумный план, - Сычев вновь наклонился к Алексею. Зло усмехнулся. Подал сигнал своим головорезам - те схватили Глебова, резко поставили на ноги.

- Затяну-ка я веревку потуже, - хриплым голосом произнес худой, вставая за спиной Алексея. И тут Глебов почувствовал, как что-то холодит ладонь. Складень!

- Вот и ладненько, - прохрипел парень, с ухмылкой уставившись в лицо Алексея. Он взглянул на него и отвернулся. Глаза! Костик!

Хриплый вальяжно прошелся к Лизе, с похотливой ухмылкой осмотрел ее с ног до головы.

Во дворе раздался лошадиный топот. Сычев настороженно прислушался.

- Алексей, выходи! Нужно поговорить! – снаружи громко позвал Колдобин - отец Лизы.

Сычев обернулся к Алексею. Встретился с ним взглядом.

- Вот и все! – затем резко обратился к головорезу рядом:

- Кончай его! – и направился к двери, на ходу вынимая револьвер.

Головорез, вынув оружие, шагнул к Алексею, и приставил дуло к его виску. К этому моменту Глебов уже успел воспользоваться ножом и освободить руки – он отклонился в сторону, одновременно выбив оружие из рук убийцы. Поставив подсечку, повалил на пол. Тот грохнулся с шумом - Сычев обернулся. В одно мгновение Сычев вскинул револьвер и выстрелил в поднявшегося Алексея... Костик закрыл его собой. Дверь распахнулась, в амбар ворвался Колдобин. Вскинул ружье, выстрелил. Сычев медленно повернулся к Колдобину и рухнул на землю замертво.

Пока Колдобин занимался другим головорезом, к Алексею подбежала Лиза. Рыдая, ухватила за его рукав. Он взглянул на нее, затем бережно опустил Костика на солому. Из груди парня хлестала кровь. Он открыл глаза.

- Костик, – произнес Алексей, пытаясь улыбнуться.

Тот сжал его руку.

- Так и знал, что тебя нельзя оставлять одного, – произнес Абрамович. – Он мертв?

- Да. – Алексей попытался зажать рану, но кровь хлестала между пальцев.

- Хорошо. Теперь ты мой должник... - из горла Костика Абрамовича вырвался предсмертный хрип, но он смог выдавить из себя улыбку. – Согласись, я сыграл превосходно?

- Да. Ты лучший актер, – глотая подкативший к горлу комок, ответил Алексей.

Костик удовлетворенно кивнул и... затих.

Глебов не двинулся с места, смотря на друга. Затем бережно прикрыл ему глаза...

...Алексей зажмурился, пытаясь прогнать горестные воспоминания. Глубоко вздохнул, открыл глаза.

Сам того не заметив, он забрел на мост и сейчас стоял возле перил, смотря на покрытую льдом Неву. Месяц выглянул и скрылся за тучами. Газовые фонари тускло освещали улицы и каменную мостовую. Изредка проносились экипажи и сани, сопровождаемые лаем неугомонных собак.

Алексей вновь закурил. И тут понял, что находится на мосту не один! В темноте светились две красные точки - кто-то курил, наблюдая за ним. Находиться поздней ночью на улицах Петербурга – искать на свою голову приключений...

Алексей развернулся в другую сторону, но сделав пару шагов, понял, что пути отступления отрезаны - с противоположной стороны его тоже ожидали. Возле ближайшего к мосту здания стоял экипаж, в котором угадывались силуэты еще двух человек.

Алексей замедлил шаг, обдумывая ситуацию и оценивая обстановку. Затем остановился. Глубоко затянулся, неторопливо выпустил струйку дыма. Приблизился к краю моста. Еще раз сделал глубокую затяжку. Взглянул вниз, затем на месяц, медленно прячущийся за тучами. Опять затянулся. Наконец месяц утонул в мрачных тучах, погрузив улицу в темноту. И вдруг что-то произошло! Преследователи потеряли Глебова из виду. Вот только что он стоял подле перил и вдруг исчез из поля зрения. Они кинулись к тому месту, где мгновение назад находился Алексей.

- Черт! Где он? – воскликнул один из них.

- Прыгнул, наверно, - предположил другой.

- С моста что ли? Какого рожна?!

Оба перегнулись через перила.

- Черт! Ничего не видать!

- Разбился, должно быть. Лед, все-таки...

К этому времени раздался топот лошади и стук колес - подъехал экипаж.

- Где он? – спросил некто, не выходя из экипажа.

Те, что стояли у моста, не нашлись, что ответить. Господин в экипаже что-то буркнул себе под нос, с легкостью выбрался из экипажа и подошел к мосту. Наклонился над перилами, посмотрел вниз. Но месяц не торопился выглядывать из-за туч, поэтому внизу ничего не было видно. Господин из экипажа явно решил не сдаваться. Он наклонился еще ниже, осматривая мост. Прислушался.

- Видите что-нибудь, господин Малышев?

Господин из экипажа шикнул, предупредительно вскинув руку вверх, и вновь прислушался. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем он отошел от перил. Сел в экипаж.

- Возвращайтесь в отдел и ждите указаний, - распорядился он и приказал извозчику:

- Трогай!

- Ну все, теперь жди неприятностей, - произнес один, когда экипаж укатил.

- И где ж этот Глебов, а? – спросил другой, опять взглянув вниз на реку.

- Брось, пошли. Я промерз до самых костей!

- Этот парень сумасшедший, не иначе. Поначалу бродил как полоумный по городу чуть ли не всю ночь, затем, - вот те на! - сиганул с моста.

- Молись Богу, чтобы он был живой. Начальство с нас шкуры спустит, если он того... окочурился.

Тот, что смотрел вниз, взглянул на своего напарника, почесал затылок и отошел от перил.

И вовремя. Вовремя для Алексея. Висеть внизу моста, обхватив руками и ногами промерзшую сваю, было уже не выносимо. Ко всему прочему, месяц выполз из-за туч и предательски осветил округу.

Дождавшись, когда двое болтунов зашагают прочь, Глебов стал выбираться из своего укрытия.

* * *

Последнее выступление Катарина закончилось ближе к утру. Уставшая, она вернулась в гримерку, укутала одеялом раскидавшегося на узкой тахте сына и присела на стул. Приход Глебова выбил ее из колеи. Иначе и быть не могло.

...Все началось десять лет назад. Тогда Катарине исполнилось всего лишь четырнадцать лет. Она осталась сиротой и если бы не ее друг детства Костик Абрамович, который был старше ее всего на три года, то красивая девочка оказалась бы на улицах Одессы. Костик обладал актерским талантом и мечтал стать известным артистом. Хотел уехать из Одессы и обучаться актерскому мастерству, но планы остались планами - взяв на себя обязательство помочь Катарине, он стал зарабатывать выступлениями в местном цирке. Вскоре цирковая труппа должна была отправиться на гастроли, но оставить девушку одну без защиты и поддержки Костик не мог и не хотел. Директор цирка, поддавшись уговорам Костика Абрамовича и оценив голос, красоту и юность Катарина, согласился взять ее в труппу... Их гастроли проходили в разных уголках Восточной Европы – цирковая труппа, словно цыганский табор, кочевала из одного населенного пункта в другой. Украина, Кавказ, Румыния, Польша...

Со временем Катарина стала замечать, что отношение Костика к ней изменилось: он перестал с ней по-дружески дурачиться и разговаривать по душам. Все чаще она ловила на себе его задумчивый хмурый взгляд...

Когда Костик впервые подарил ей охапку полевых цветов, она посмеялась над ним. Костик рассердился, но ей не составило труда вновь поднять ему настроение - она просто нежно чмокнула его в щеку, и он растаял. И тогда Катарина поняла, что друг детства влюблен в нее.

Вскоре гастроли занесли их в Австрию. Когда же они оказались в небольшом австрийском городке, случилось то, что перевернуло их жизнь...

На одном из выступлений Катарину приметил богатый влиятельный барон и возжелал обладать юной красавицей. Получив отказ от перепуганной его навязчивостью девушки, старый развратник пришел в бешенство. Костик подросел вовремя - он бил барона основательно и яростно, не смотря на свою худобу. Как оказалось, внешность бывает обманчива. Костя был жилистым крепким парнем с хорошо развитой мускулатурой - в этом-то и убедился австрийский барон, да и его лакей тоже.

Успокоив рыдающую подругу, Костя сказал, что им необходимо скрыться и как можно быстрее. Но они не успели - явилась полиция и арестовала его. Катарине удалось бежать. Несколько дней она бродила в округе, однако ее выследили слуги барона и насильно увезли к нему в поместье.

Девушки повезло, что Костик основательно отделал барона и в весьма болезненных частях тела. Так что барону ничего не оставалось, как только вымещать на девчонке свою ярость. Он приходил к ней каждый день, бил плетью - до тех пор, пока она не начинала молить его о пощаде, валяясь у него ногам. А затем он говорил, что сделает с ней, когда его изувеченное тело исцелится. Катарине казалось, что этому не будет конца - хотелось умереть...

И вот однажды, когда она совсем отчаялась, появился один человек. Он буквально вынул ее из петли. А через три дня под покровом ночи этот человек и Костик выкрали ее из поместья. Потом он вывез их из Австрии...

Позднее Костик рассказал ей, что через пару дней после ареста в камеру, в которой он сидел, посадили еще одного арестанта - Алекса Гилмора, который задерживаться в заключении не собирался. Алекс сам завязал с Кости́ком знакомство, узнал, что с ним приключилось, и предложил план побега. Его план предусматривал как минимум два действующих лица и кандидатура Костика как раз подходила. Ко всему прочему новый знакомый пообещал помочь ему найти Катарину. Побег удался, Алекс Гилмор сдержал слово - помог разыскать Катарину и предложил Костику очередной план...

Гилмор явился в поместье барона по приглашению как «известный» лекарь, способный излечить его недуги. Таким образом, ему удалось проникнуть в дом и выяснить положение девушки. А спустя несколько дней, усыпив снотворным барона и его слуг, Алекс и Костик вывезли Катарину. Как впоследствии оказалось не только ее, но и драгоценности, и наличные барона...

Вернувшись на родину, Катарина и Костик перебрались в Херсонес, но ни работы, ни денег не было. Здесь их и нашел Алекс Гилмор, точнее Алексей Глебов, и предложил им немного подзаработать. Так они примкнули к удачливому аферисту...

А потом Катарина влюбилась. Влюбилась в Алексея. Так ей, по крайней мере, казалось. Однако объект ее притязаний остался к ней равнодушен. Костик же не смог простить ее. Они расстались... Лишь потеряв Костика, Катарина стала понимать, как дорог он был для нее все это время. Время шло, а она с тоской вспоминала годы, проведенные вместе, постепенно осознавая, насколько счастлива была, когда Костик был рядом...

Их встреча состоялась неожиданно, спустя год, и Катарина решила воспользоваться возможностью вернуть Костика. Она его соблазнила...

Однако за прошедший год Костик Абрамович сильно изменился, стал другим – больше не было того безумно влюбленного юноши, рыцаря, готового на все ради дамы своего сердца. Их отношения были сведены к кратким любовным встречам; признаний в любви он не произносил и не торопился жениться на Катарине. Наладить отношения мешало и то, что Костик надолго исчезал, как только Глебов вызывал его на очередное дело. Доведенная до отчаяния, Катарина считала Глебова виновником всех своих бед. Вскоре Катарина и Костик сильно поссорились и в очередной раз расстались...

Лишь позднее Катарина поняла, что беременна. Костик так и не объявился. Перед глазами представлялось ужасное будущее матери-одиночки - она и ее ребенок станут изгоями. И Катарина решилась – она приняла предложение и вышла замуж за одного приличного, но скучного господина...

Спустя два года она стала вдовой, а через полгода объявился Костик, нарушив ее покой. Он не скрывал свою неприязнь к ее замужеству, быстро избавлялся от ее поклонников, был то холоден, то небрежно ласков. И все. Никаких отношений, никакой любви. Катарина же разрывалась на части: она по-прежнему любила Костика, ее тянуло к нему как магнитом, но сын для нее был всем, поэтому думала она лишь о его благе. Мог ли Костик – вечный «перекати-поле» – стать благом для их сына? Захочет ли он подарить им семью, счастье и покой?

Каким-то образом Костик узнал, что Пашка – его сын. И пришел в ярость. При встрече посыпались обвинения. Костик обвинил ее в том, что она скрыла от него сына. В ответ Катарина обвинила его, что он бросил ее, когда ей так нужна была его поддержка. Он заявил, что она никогда по-настоящему его не любила. Она – что он тоже никогда ее не любил. И что она и ее сын не нуждаются в нем – он им не нужен. На что Костик сказал, что навсегда уйдет из ее жизни...

Он ушел бы, если бы дверь комнаты, в которой они находились, не оказалась запертой снаружи. Двадцать четыре часа, что они провели взаперти, сыграли свою роль. Они объяснились, сблизилась как когда-то прежде. Костик пообещал, что он завяжет с аферами, купит дом возле моря, где они, поженившись, поселятся всей семьей...

...Катарина вздохнула, заметив, что сын опять раскрылся. Подошла и вновь его укрыла одеялом. В гримерке было холодно, а мальчик и так простыл. Она погладила его по светлой головке. Он так походил на Костика! Точная его копия.

Катарина вздохнула, подошла к трюмо. Взглянула на свое отражение. В последнее время она чувствовала себя неважно: слишком уставала, по ночам мучил сухой кашель, под глазами появились синяки. Катарина коснулась пальцами под глазами, устало провела рукой по щеке. Затем вынула из волос шпильки и потянулась за гребнем. В дверь громко постучали.

Она кинула встревоженный взгляд на сына, нехотя встала и открыла дверь. На пороге стояли господин в черном и два довольно хмурых типа.

- Катарина Хмельницкая?

- Да, это я, – растеряно ответила она.

- Собирайтесь. Пройдемте с нами...

* * *

Мужчина в пенсне налил ей бокал вина. Катарина машинально взяла его в руки.

- Мне сообщили, что у вас есть сын. Это правда?

- Д-да. – Голос Катарины дрогнул.

- Вы воспитываете его одна?

- К чему все эти вопросы?

- В жизни случаются всякие неожиданности, госпожа Хмельницкая. Страшно представить, что будет с мальчиком, если с вами что-то случится.

Руки Катарина задрожали, и часть вина выплеснулась на руки и платье. Она поставила бокал. Спрятала руки под столом.

- Что вы хотите?

- О, такую малость! Вам ведь хорошо знаком Алексей Глебов?

Катарина напряглась.

- Нет, я совсем его не знаю.

- Не нужно меня обманывать, госпожа Хмельницкая. Мои люди слышали ваш с ним разговор в гримерной. Так что, вот вам бумага, перо, чернила и пишите все, что о нем знаете.

Катарина уставилась на письменные принадлежности, которые перед ней положил Лопухин. Она думала о Пашке, которого ей пришлось оставить одного в гримерной. А еще, он боится оставаться один в темноте. А если она не вернется, о нем некому будет позаботиться.

Она пристально посмотрела на господина в пенсне.

- Если я напишу, вы отпустите меня?

Лопухин оперся руками о стол и наклонился к ней.

- Конечно же. Вы сможете вернуться к сыну.

Катарина посмотрела на письменные принадлежности. Затем взяла перо, придвинула лист бумаги. И стала писать.

* * *

Глебов вернулся домой лишь утром. Убедившись, что слежки за домом нет, он пробрался в квартиру.

Алексей не знал, что сказать жене, чтобы убедить ее в необходимости уехать из Петербурга. Каково же было его удивление, когда жены не оказалось дома – ни ее, ни ее вещей. Первоначально он испугался того, что ее схватили, но тут же отменил это предположение.

Глебов позвонил в колокольчик, и вскоре явилась их приходящая рано утром прислуга Арина.

- Моя жена просила что-нибудь мне передать? – спросил он женщину.

- Да, Алексей Петрович, она оставила вам записку. - Арина передала Алексею небольшой согнутый пополам листок.

Глебов развернул его. Всего четыре слова. «Я уехала в Москву».

- Вам что-нибудь угодно? – неуверенно спросила прислуга, выводя его из ступора.

- Нет. Можете идти.

Когда Арина удалилась, Глебов смял листок и швырнул его в угол комнаты. Все отношения свелись к каким-то паршивым четырем словам! Он плеснул в бокал коньяк и залпом выпил. В записке Лиза даже не указала к кому едет и зачем. Значит, она не хочет его видеть. Как все некстати! Алексей встал, подобрал с пола записку Лизы, положил в камин и сжег. Скидал необходимые вещи в чемодан. Выглянул наружу и, убедившись, что слежки нет, вышел из квартиры.

* * *

Москва

Алексей, увидев Айседору Дункан, остановился как вкопанный. Третий день он безуспешно разыскивал жену по многолюдной Москве, а встретил американскую танцовщицу!

Она приветливо помахала ему рукой, «перепорхнула» дорогу и оказалась возле него.

- О, это вы! Я поражена!

- А я-то как поражен! – Он поцеловал ее ручку. – Как давно вы здесь?

- Я прибыла вчера. Составите мне компанию? – скорее попросила, чем спросила Айседора, приглашая его прогуляться.

Глебов мгновение поколебался.

- С удовольствием. Как вам Москва?

Дора шла рядом с Алексеем и улыбалась. Москва казалась ей солнечной, пестрой и крикливой. На фоне голубого неба высились многочисленные золотые купола. Деревья были окутаны воздушными облаками инея, а веточки покрыты снежной коркой. Московские люди же были шумными, нарядными...

- О, это сказка! Солнечная, легкомысленная и совершенно не страшная сказка, которую во всем мире могли придумать только русские люди. - Айседора глубоко вдохнула морозный воздух. - Россия... Вот, оказывается, она какая!

Алексей засмеялся, а Дора улыбаясь, посмотрела на него.

- Здесь, в Москве, кажется невозможным предаваться мрачным мыслям.

- Вы уже выступили Москве?

- Да.

- Не сомневаюсь, концертные залы были переполнены восторженной публикой.

- Да, так и было. И мне аплодировали известные представители художественного мира Москвы! Я познакомилась с самим Станиславским¹!

- Станиславским?

- Да. Он - талантливейший человек! В нем природа соединила все лучшие качества человеческой натуры: благородство, талант, интеллект, нравственную чистоту и величественную красоту.

- О, я вижу, вы очарованы им!

¹ Константин Сергеевич Станиславский (Алексеев) (1863, Москва - 1938, Москва) - русский театральный режиссёр, актёр и педагог, реформатор театра. Создатель знаменитой актёрской системы.

- Вы ревнуете?

- Немного.

- Ах, Алекс! Я очарована, околдована совершенно иным мужчиной. – Танцовщица многозначительно посмотрела Глебову в глаза. Он выдержал ее взгляд, лишь улыбаясь в ответ. Айседора вздохнула, отворачиваясь. – Я с радостью приняла дружбу Константина Сергеевича. Я познакомлю вас. А вот и он!

Алексей взглянул на высокого усатого мужчину, идущего навстречу к ним. Он, улыбаясь, сделал шаг к нему на встречу и они пожали друг другу руки.

- Так вы знакомы! – догадалась американка.

- Да, и довольно давно, - подтвердил Станиславский. – Алексей Петрович брал у меня уроки актерского мастерства.

Глебов улыбнулся:

- Да, и частенько слышал твою излюбленную фразу...

- «Не верю»! – в один голос произнесли Алексей и Айседора, и все дружно рассмеялись.

- Давно в городе? – поинтересовался Станиславский.

- Несколько дней.

- Один или с супругой?

- Пока что один. Мы должны встретиться на днях, - уклончиво ответил Глебов.

- Обязательно приходите в наш театр. Я знаю, что ей очень понравится новая постановка.

- Непременно.

Айседора взяла Станиславского под руку.

- Мы с Константином Сергеевичем едем кататься по Москве. Он обещал показать мне город. Составьте нам компанию.

Алексей хотел отказаться, но Дора и Станиславский его уговорили, и он отправился с ними на прогулку.

* * *

На главных улицах Москвы, как всегда, было жуткое движение: транспорт неся в различных направлениях, не признавая никаких правил, и только лишь трамваи двигались по рельсам. Айседора впервые оказалась на знаменитой русской тройке с бубенцами и радовалась как ребенок. Их извозчик – тот еще лихач - мчал их по улицам, ловко управляя лошадьми. Айседора вскрикивала при опасности столкновения, а когда столкновения удавалось избежать, тут же восхищалась виртуозностью возниц.

Их тройка выехала по направлению к Воробьевым горам, где можно было насладиться панорамой Москвы. Тройка летела по заснеженной дороге, из-под копыт взметались комья снега, которые тут же рассыпались в серебристую пыль, бубенцы весело звенели. Айседора, расставляя руки в стороны, смеялась, наслаждаясь свободной ездой.

На Воробьевых горах – свысока - заснеженная Москва казалось чудным зимним миражом. Яркие купола с крестами, длинная белая лента Москвы-реки, сизый густой дым, поднимающийся столбом из труб домов, - и все на фоне белоснежного ландшафта и чистого голубого неба... А потом вновь мчались на лихой тройке под звон бубенцов, возвращаясь в Москву.

Московские торговые ряды были самым шумным и многолюдным местом. Здесь было настоящее столпотворение – однако это место посещал только простой народ. Айседоре же было любопытно наблюдать за ними, находиться среди них. И господа ее сопровождали.

Торговцы и торговки громогласно расхваливали свой товар. Купчихи, и кухарки, укутанные поверх шуб яркими платками, и мужики в теплых тулупах присматривались к предлагаемому товару, торговались, что-то приобретали. Краснощечные от мороза бабы, восседая верхом на коробах со стряпней, голосисто зазывали отведать горячие аппетитные пирожки.

Успев довольно сильно проголодаться, Айседора ела румяный пирожок, надкусывая его маленькими кусочками, чтобы не обжечься. Ее глаза сверкали, и невольно мужчины, сопровождавшие ее, восхищались непосредственностью и простотой Айседоры Дункан.

- А не выпить ли нам чая? – предложил Константин Сергеевич, похлопывая себя по бокам.

Чай налили им из большого пузатого самовара, вместе с чаем подали дымящиеся блины с искристым медом. На морозе казалось, что ничего вкусней быть не может!

Они вновь уселись в сани и тронулись в путь. Айседора желала дальнейших развлечений. После осмотра достопримечательностей Москвы, Станиславский предложил совершить дальнюю поездку в загородный ресторан. Дункан его поддержала.

- Здесь все вокруг дышит чистой первобытной радостью! – прокричала восторженно она, когда сани, запряженные тройкой, заскользили по дороге.

Константин Сергеевич очаровано взглянул на Айседору, что не укрылось от Алексея. Щеки у нее разрумянились, на ресницах вырос иней белой пушистой бахромой и мило покраснел кончик носа.

- Ну что, нравится вам у нас? - спросил Станиславский.

- Очень... Очень! - ответила она...

...Загородный ресторан встретил их ароматом вкуснейших блюд. Это было дорогое заведение, сохраняющее своеобразие русского кабака и потрясающее посетителей обилием яств, приготовленных по старинным рецептам. Половые¹ - в белоснежных расшитых косоворотках, шароварах, заправленных в сапоги со скрипом, - проворно бегали между дубовыми столами, угодливо сгибались перед посетителями в низком поклоне, да так, что были видны намаженные гладкие прямые проборы. Улыбаясь, половые предлагали самые разнообразные блюда: стерляжью уху, белугу в рассоле, индюшку, откормленную грецкими орехами, поросенка с хреном, пельмени...

Звучала музыка, исполняемая на русских народных инструментах, главным из которых была балалайка. Отплясывали в народных платьях и кокошниках плясуньи...

Вечер пролетал быстро и незаметно. За последнее время Глебову впервые удалось отвлечься от мрачных мыслей. Ему доставляли удовольствие и обстановка, и общество знакомых - служителей Мельпомены. Все ощущали невероятное опьянение радостью жизни. А может эта бесшабашная радость была результатом неосторожно выпитой очередной рюмки русской водки? Что бы это ни было, но терять ощущение не хотелось!

Однако веселье не помешало Алексею заметить старого знакомого – Савву Тимофеевича. Извинившись перед Станиславским и Дункан, Глебов, направился к нему. Станиславский, заметив, с кем разговаривает Алексей, тоже поприветствовал бородатого господина.

- А с кем беседует месье Глебов? – поинтересовалась Айседора.

- С Саввой Тимофеевичем Морозовым². Фабрикантом. Представьте, он не только дал средства на строительство здания нашего Художественного театра, но и сам, представляете – сам! – работал на его строительстве маляром и штукатуром.

Айседора вновь взглянула на Глебова. Затем переключила свое внимание на Станиславского. Они довольно оживленно беседовали, когда к их столику вернулся Алексей. Его приподнятое настроение сразу бросилось в глаза.

- Что вас так порадовало? – полюбопытствовала Айседора.

- Хорошие новости. Очень хорошие, - ответил он. Затем разлил водки по рюмкам. – Давайте выпьем за то, чтобы в нашей жизни было как можно больше счастливых случайностей...

* * *

Было ли случайностью то, что Алексей и Айседора остановились в одной гостинице, Бог его знает. По крайней мере, Глебов сделал один логический вывод: когда-то Станиславский порекомендовал ему эту гостиницу, и, по всей видимости, он же занимался расселением американской гостьи.

Когда их программа развлечений подошла к концу, Станиславский высадил их возле парадной и укатил домой, где его ждали жена и дети.

¹ Половой - слуга в трактире, на постоялом дворе или в маленькой гостинице.

² Савва Тимофеевич Морозов (1862, Зуево, Богородский уезд, Московская губерния, Россия - 1905, Канны, Франция) - русский предприниматель и меценат.

Помахав ему на прощанье рукой, Дункан взглянула на Глебова, улыbnулась. Затем пройдя пару шагов, неожиданно пошатнулась. Алексей учтиво поддержал ее за локоток.

- Что с вами, Дора?

- Ничего страшного, просто закружилась голова, - ответила она, касаясь лба тыльной стороной ладони. Слабо улыbnулась. Затем пошатываясь, сделала пару неуверенных шагов.

- Я провожу вас. – Алексей подхватил ее под руку. – Обопритесь об меня...

Он довел молодую женщину до двери ее номера.

- Как вы чувствуете себя?

- Мне лучше, - прошептала она, продолжая опираться на его руку и прижиматься к нему всем телом.

Осознавая двусмысленность ситуации, Алексей осторожно отодвинулся от нее. Взял из ее рук ключ, открыл дверь.

- Я позову вам горничную, - сказал он, вложив ключ ей в ладонь.

- Хорошо, - согласилась Дункан. – До свидания, Алекс.

- До свидания.

Глебов сделал пару шагов, и тут услышал глухой звук позади. Он обернулся. Дора лежала на полу.

Алексей подхватил на руки упавшую в обморок женщину и, внеся ее в номер, бережно опустил на диван. Как только ее голова коснулась изголовья, Айседора обвила руками шею мужчины и притянула его к себе. Ее теплые нежные губы прижались к его губам в страстном требовательном поцелуе. Глебов ответил на поцелуй танцовщицы, но затем осторожно отстранился от нее.

- Нет, нет! Не уходите! – воскликнула она.

- Я не могу, Дора. Я люблю свою жену, – ответил он, поднимаясь.

Айседора встrepенулась. В полумраке она не могла видеть выражение его лица.

- Любите? Эту глупую девчонку, которая не любит и не ценит вас?!

Алексей рассердился.

- Дора, вы сейчас не в себе и несете всякие гадости. Не смейте так говорить о моей жене. Вы ничего о ней не знаете.

Глебов развернулся, чтобы уйти, но Дора кинулась за ним следом, обхватила руками, прижалась к его спине.

-О, Алекс, не уходите! Оставайтесь! Я так люблю вас! Так, что мне хочется носить вашего ребенка под своим сердцем! Оставайтесь! Прошу!

Мгновение, пока Алексей молчал, показалось вечностью. Затем он бережно разжал объятия Айседоры, поцеловал ей руку и покинул номер. Закрывшаяся дверь будто подрубила американку. Она упала на пол и зарыдала.

Айседора не заметила, сколько прошло времени, но слезы ее высохли, а на лице отразилась отчаянная решимость. Она твердо шагнула к телефону...

Через полчаса Станиславский уже стучался в ее номер.

- Что случилось, мадмуазель Дункан? – встревожено спросил он и тут же замолчал – Дункан встретила его во все оружие – при свете свечей в легком воздушном пеньюаре, подчеркивающим все ее достоинства.

- О, да, случилось, – мелодраматично ответила она и, опустив ресницы, вздохнула. Затем жестом пригласила его войти.

- Я не вовремя... - засуетился Константин Сергеевич, ища повод ретироваться.

- Нет, нет! Войдите, мне нужно с вами поговорить!

Станиславский принял приглашение.

- О чем вы хотите поговорить со мной, мадмуазель Дункан?

Дора неторопливо, грациозно, словно пава, прошла к столику и стала разливать по бокалам шампанское, которое несколько часов назад планировала распить с Алексеем. Она заговорила:

- Я приехала на гастроли в Россию, впервые увидела златоглавую Москву, Третьяковку, Большой театр. Я околдована вашим театром, теми реформами, которые пытаетесь принести в театральное искусство вы. А потом я увидела и вас самого — высокого, усатого, породистого мужчину.

Айседора протянула бокал с шампанским Станиславскому и села рядом с ним на диванчик.

Станиславский, пытаясь скрыться от ее пристального взгляда, пригубил шампанское. Он кожей чувствовал, что перед ним разыгрывают сцену. И хотя Дора была прекраснейшей танцовщицей, но как актрисе ему хотелось ей сказать: «Не верю!».

В следующее мгновение Айседора огорошила его:

- Я хочу иметь от вас ребенка. Прямо здесь и немедленно!

Такого поворота Станиславский не ожидал, но все же сохранил самообладание.

- Это интересно! – произнес он. Выдержал паузу, обдумывая ответ, затем продолжил: - Однако, ребёнок для меня - очень ответственный шаг. И я хотел бы знать, под какой юрисдикцией будет находиться наше будущее дитя.

- Естественно, он всё время будет со мной! — воскликнула обескураженная Айседора.

Станиславский с задумчивым видом отхлебнул шампанское, поставил бокал на столик и поднялся.

- В таком случае меня это категорически не устраивает, — заявил он и откланялся.

Когда он ушел, Айседора в сердцах швырнула бокал в дверь. Хрусталь вдребезги разбился и разлетелся мелкими осколками по полу.

- Русские мужики – дураки! - выкрикнула она, и слезы брызнули из ее глаз. А затем она рассмеялась.

* * *

Лизе не спалось. Она встала, зажгла лампу и подошла к окну.

Двухэтажный каменный особняк Шмитов, в котором она находилась, выглядел чужим среди покосившихся домишек с низкими заборами Пресни. Эту окраину города с центром соединял Горбатый мост. Рядом с особняком находилась мебельная фабрика Шмитов, на воротах которой среди золотых корон и медалей виднелась гордая надпись: «Поставщик двора его императорского величества...»

Лиза вздохнула. Почти неделю назад она прибыла в Москву к своей подруге Кате Шмит¹. Это был не только дружеский визит, но и партийное задание - и Катя и ее брат Николай, поддерживали социал-демократов. Хозяева особняка гостеприимно пригласили ее пожить в их доме – благо места всем хватало.

Лиза кинула взгляд на часы, тикающие на каминной стойке. Около двух ночи. В особняке было тихо – все спали. Только Лизе не спалось – ей было тревожно. Она прислонилась лбом к оконному стеклу и лишь теперь заметила светлое пятно на снегу - чуть дальше в одной из комнат через шторы пробивается слабый свет. Она отошла от окна и легла в кровать. Свет горел в комнате Николая Шмита. Он тоже не мог уснуть. Лиза вздохнула, вспомнив, их знакомство...

...Катя встретила свою гостью с восторженным криком, а ее мать – Вера Викуловна - осуждающе покачала головой. Девушка присмирела, представила свою гостью татап² - та взглянула сурово, кивнула и, опираясь на клюку, удалилась.

Катя провела замерзшую Лизу через приемный зал в кабинет, предложила погреться у пышущего жаром камина, и, сообщив, что на минутку удалится, исчезла за дверью. Сразу стало тихо и покойно. Горящий камин излучал тепло и уют. Лиза протянула озябшие руки к очагу и улыбнулась. В эту секунду дубовая дверь с тихим скрипом открылась, и она обернулась.

В кабинет вошел симпатичный молодой человек в студенческой гимнастерке. Увидев незнакомую девушку, он оторопел и некоторое время смотрел, не отводя глаз. Молчание затянулось, и Лиза смущенно улыбнулась. В кабинете вновь появилась Катя.

- Ах, вот ты где! Я хочу познакомиться тебя с моей подругой.

Она схватила молодого мужчину за рукав и подтащила к Лизе.

¹ Екатерина Павловна Шмит (1884 – 1941) – революционерка, с братом Николаем Шмитом принимала активное участие в революции 1905-1907 гг.

² Мама (фр).

- Елизавета Николаевна Глебова. Мой брат – Николай Павлович Шмит¹.

Лиза протянула ему руку.

- Здравствуйте.

Он с преклонением взял протянутую руку в свою ладонь, но заметив обручальное кольцо на ее пальце, не поцеловал ручку и не пожал. Посмотрел ей в глаза взглядом полным огорчения. Лиза смутилась, освободила свою руку и спрятала в складках юбки.

Возникла неловкая пауза, которую Катя поспешила заполнить, не понимая, что произошло с ее учтивым братом.

- Мы с братом не разлей вода. Возможно потому, что он старше меня всего на год, – пошутила она и, дернув Николая за рукав гимнастерки, шикнула:

– Что ты такой угрюмый? Улыбнись же!

Шмит вымученно улыбнулся, и Катя опять обратилась к Лизе: – С самого детства он такой серьезный. Но очень добрый и отзывчивый. И способный. Вот увидишь...

- Хватит, Катя. Зачем ты меня хвалишь? – попытался он уговорить сестру.

- Я хвалю?!

Лиза улыбнулась:

- Катя говорила мне о вас. Она гордится вами и очень любит вас.

Коля Шмит устремил взгляд на гостью, затем отступил к двери.

- Прошу прощения, я покину вас, - пробормотал он и исчез за дверью.

- Что это с ним? – удивилась его сестра.

Лиза промолчала. В отличие от Кати она догадывалась, что произошло с Николаем Шмитом. Он влюбился с первого взгляда...

После ужина, Вера Викуловна ушла к себе в опочивальню, а Лиза, Катя и ее младшая сестра – Лизина тезка - перебрались в теплый и уютный кабинет. Их младший брат Алеша, некоторое время, покрутившись рядом и сочтя их общество для себя неинтересным, вскоре удалился. Николай вернулся с фабрики довольно поздно, однако, поддавшись на уговоры сестры, присоединился к ним.

¹ Николай Павлович Шмит (1883 - 1907, Москва) - революционер, член РСДРП, участник первой русской революции 1905-1907 гг.

В течение вечера Шмит молчал, сестры подтрунивали над ним, пытались расшевелить, но он был слишком рассеян и задумчив. Временами Лиза ловила на себе его взгляд. Несколько раз вежливо улыбнулась в ответ, но в большей мере старалась не пересекаться с ним глазами.

Николай первым решил раскланяться и, извинившись, направился к выходу. Затем неожиданно вернулся, удивив сестер и гостью.

- Елизавета Николаевна, сестра сказала, вы увлекаетесь художественным творчеством.

- Да. – Лиза удивленно посмотрела на Катю, затем вновь на ее брата.

- В Третьяковской галерее новая выставка. Может быть, сходите со мной?

Лиза замялась, не зная, что сказать. Благоразумным было отказать - и она учтиво отказалась. Николай смешался, скрыл свое огорчение за маской учтивости, и ретировался.

В течение трех последующих дней они сталкивались крайне редко и практически не разговаривали. На собрания социал-демократов Лиза и Катя ходили вместе, однако Катя недоумевала, почему брат не ходит с ними.

...Сейчас, лежа на кровати, Лиза прокручивала в голове все, что случилось. Влюбленный взгляд Коли Шмита и та напряженность, что сложилась между ними, беспокоили ее. Она не могла себе позволить флиртовать с ним, хотя часто флиртвала с другими. Искусству невинного заигрывания она научилась после замужества, то ли стараясь заставить Алексея ревновать, то ли пытаясь заглушить собственную ревность.

Лиза вздохнула. В тот вечер в честь Дункан, она безумно его ревновала к танцовщице. А потом он уединился с певичкой!

Лиза поерзала на кровати. Уйдя в тот вечер из ресторана, она вернулась домой, надеясь, что муж скоро явится. Но наступило утро, а Алексей так и не вернулся. Тогда-то, наскоро собрав вещи, Лиза направилась к руководителю их группы и вызвалась поехать в Москву. Тот передал ей документы, которые нужно было отвезти московскому парткому, спросил, где она остановится. Затем разъяснил, что необходимо еще сделать в Москве, и проводил ее на вокзал.

Сейчас Лиза понимала, что позорно бежала, опасаясь того, что как только муж вернется, он, как всегда, убедит ее в том, что она ошибается, напрасно изводит себя; пожурит ее как наивное дитя и заставит опять поверить ему на слово. А он-то умел убеждать!

Лиза вздохнула, закрыла глаза и попыталась уснуть. По щеке сбежала невольная горькая слеза обиды и бессилия.

* * *

Лиза еще долго вертелась в кровати, прежде чем заснуть. Однако сон, сморивший ее, был беспокойным, так что проснулась она ранним утром, когда в доме все еще спали.

Одевшись, Лиза выглянула в коридор. При виде ее жалобно заскулила пятнистая гончая Лорд Байрон. Тихонько, чтобы не побеспокоить хозяев, Лиза в сопровождении собаки спустилась по лестнице и, пройдя мимо когда-то роскошных комнат, очутилась в

передней - оделась и через боковую дверь вышла на улицу.

Снег в утренней тишине громко скрипел под ногами. Воздух был холодным и пробирал до костей. Лиза поежилась, приподняла меховой воротничок и направилась следом за собакой. Поднявшись на вершину Горбатого моста, она в задумчивости остановилась.

С моста открывался вид утренней Москвы. Слева от Зоологического сада тянулась Большая Пресня¹, направо в гору Кудринская площадь с красивым Вдовьим домом, стоявшим рядом с безобразной пожарной каланчой и домом Пресненской полицейской части. Новинский бульвар казался лесом, на фоне которого виднелась церковь Девяти мучеников. Правее, на горе, чернели здания женской городской тюрьмы. От Смоленской площади и Арбата спускались к реке маленькие переулочки с низкими деревянными домами. За белым широким полотном излучины реки Москвы, в Дорогомилове среди лачуг и сугробов виднелись бараки, заменявшие еще не построенный вокзал². На переднем плане, у самого Горбатого моста, расположились высокие корпуса мебельной фабрики Шмитов.

Собака залаяла, призывая идти дальше. Лиза медленно спустилась с моста, пересекла Нижнюю Прудовую улицу³ и через ту же переднюю особняка вышла к аллеям шмитовского сада. Она тихо обошла замерзший пруд - Лорд Байрон бежал впереди - и направилась к низкому строению в глубине заводского двора. Здесь была зимняя оранжерея, сооруженная Николаем Шмитом - в нее-то Лиза и вошла следом за собакой. В оранжерее было прохладно - в печке догорал слабый огонек. Сторож видимо спал, забыв о своих обязанностях, и растения могли замерзнуть.

Разыскав дрова, Лиза растопила печь. Лорд Байрон, покрутившись, лег поближе к топке и положил морду на лапы. Сидя на корточках, Лиза задумчиво смотрела на яркие язычки пламени, охватившие смоляные поленья.

Неожиданно позади пахнуло холодом, собака насторожилась, и Лиза оглянулась. В оранжерею вошел Николай Шмит.

¹ Прим. автора: Ныне улица Красная Пресня.

² Прим. автора: Брянский вокзал, ныне Киевский вокзал.

³ Прим. автора: Ныне Дружинниковская улица.

- Лиза? Что вы здесь делаете? – растерянно спросил он, хотя и попытался скрыть волнение.

Лиза поднялась, смущено пряча руки, испачканные смолой и сажей.

- Да вот решила прогуляться. Зашла посмотреть оранжерею.

- Здесь прохладно! Сторож опять уснул и не растопил печь. Черт! – Николай принялся разглядывать свои растения, проверяя, не замерзли ли они.

- Зачем вы выращиваете рожь и пшеницу? – не смогла удержаться от вопроса Лиза.

- Я провожу опыты по выращиванию новых сортов. – Убедившись, что с его растениями все в порядке, Николай выпрямился и посмотрел на нее. – Меня интересует вопрос о возможности превращения путем культивирования однолетних растений в многолетние. Такие сорта пшеницы и ржи значительно облегчат труд крестьян.

- Как вам удастся все успевать?!

Заметив недоуменный взгляд Николая, Лиза пояснила:

- Проводить исследования, управлять фабрикой, помогать рабочим, участвовать в партийной деятельности?

Шмит пожал плечами:

- Ничего странного – я этим живу. Вот только хозяин фабрики из меня никудышный.

- Как так?

- Наша фабрика всегда славилась художественной мебелью. Мой дед, Александр Матвеевич, получил звание придворных дел мастера. Мой отец, Павел Александрович, часто выезжал во Францию для заключения договоров. В ряде парижских и версальских дворцов красовалась наша мебель. Да и сейчас, я думаю, красуется... По завещанию отца фабрику нужно было продать, а все полученные от продажи средства в равных долях разделить между его детьми по достижению их совершеннолетия. Но фабрику никто не покупает. Уже два года она влачит жалкое существование. Часто бывает, что не хватает денег, чтобы выплатить зарплату рабочим.

Он замолчал, задумавшись.

- Вам не хватает отца? – спросила тихонько Лиза, вспомнив о своем отце – купце первой гильдии Колдобине, столь же деятельном и способном дельце, как отец Коли и Кати.

- Да... Но мы не понимали друг друга. Часто бывая на фабрике, я видел несправедливость, но отец и слушать меня не хотел...

В соседней комнате раздался шум. Лиза вздрогнула. Николай успокоил ее:

- Не бойтесь, – он прошел в комнату и через минуту вернулся, держа на руках нескладное существо – мартышку, радостно цепляющуюся за лацканы его шинели. Обезьянка, повернув волосатую головку, уставилась своими большими черными глазенками на девушку.

- О, обезьянка! – воскликнула Лиза, протягивая к животному руку. Обезьяна вытянула лапу и пожала руку девушки. – О! Какая ты умница!

- Хотите ее подержать?

Лиза нерешительно посмотрела на Шмита.

- Не бойтесь. Она вас не укусит. Позовите ее к себе.

Лиза поманила обезьянку, и она перебралась к ней на руки, обняла за шею. Девушка тихонько засмеялась и погладила животное.

Некоторое время Шмит наблюдал, как гостя нянчится со зверьком.

- Вы любите музыку? – спросил он, вновь присев на край стола.

- Люблю, - ответила Лиза, взглянув на него. Обезьянка же, как маленький ребенок, ухватила за ее палец. - А вы чью музыку любите?

- Чайковского. Особенно мне нравится первый концерт для фортепиано с оркестром.

- Правда? И мне тоже! – Лиза напела мотив, а Николай подхватил его. У него был довольно приятный голос. Она беззаботно рассмеялась.

- Я любила играть на фортепиано. Когда я жила в родительском доме у меня был этот замечательный инструмент.

- А сейчас?

- Сейчас? – Лицо Лизы померкло. - Сейчас нет. Нет ни фортепиано, ни времени заниматься музыкой.

- Это... из-за вашего мужа?

Лиза вздохнула, вспомнив об Алексее.

- Отчасти.

- Я хочу пригласить вас в Московскую консерваторию, послушать авторский концерт Рахманинова, можно и Скрябина. Пойдете?

Лиза взглянула на Шмита. Он ей нравился – с ним было спокойно, и, оказывается, легко.

- Не хотелось бы в ваших глазах быть навязчивым... - Шмит отвернулся к топке печи.

- Я пойду.

Николай сразу же обернулся, посмотрел ей в глаза.

- Хорошо. – Он улыбнулся. Подошел к ней, поманил обезьянку. Та перебралась к нему на руки, и он отнес ее в соседнюю комнату. Затем вернулся к Лизе.

- У нас есть фортепиано. Вы нам сыграете?

Лиза засмеялась:

- Только не судите меня строго. Мне кажется, прошла сотня лет после того, как я играла в последний раз, – она улыбнулась.

- Уверен, что ваши руки помнят, - ответил он, пожимая ее пальчики. Затем отпустил их. – Пойдемте в дом...

* * *

После завтрака Лиза, как и обещала, сыграла по просьбе Николая его любимые сонаты Шопена – «Лунную», «Аппассионату», и Чайковского – «Времена года».

Он слушал ее, как зачарованный, а сама Лиза испытывала огромное удовольствие от игры. Пальцы действительно помнили, и душу переполняла радость.

Позже Шмит показал Лизе фотографии, которые сделал сам. На твердых листках бумаги были запечатлены бескрайние просторы России, до предела скудный быт крестьян, тяжелый труд рабочих фабрики... Не обошлось и без фотокарточек столь близких ему друзей и родных. Фотографии действительно были хорошими – Лизу они впечатлили.

В полдень Николай ушел на фабрику, а вечером, вернувшись, пригласил девушек на концерт. Московская консерватория Лизе понравилась, понравился концерт Рахманинова, нравилась и компания, с которой она проводила время...

На следующий день Лиза, Катя и Николай направились на сходку в одну из явочных квартир, расположенную в переулке близ Патриарших прудов. Шли пешком, Катя и Лиза впереди, за ними Николай Шмит, беседовали, шутили, смеялись, не замечая зимнего холода...

Подходя к Большому Девятинскому переулку, они услышали крики и плач: впереди расшумевшиеся женщины с детьми на руках не пускали своих мужей в трактир тратить последние деньги. Дети плакали, напуганные руганью взрослых. Спустя минуту появились городовые и стали отгонять женщин от дверей трактира. Женщины отчаянно не хотели отступать, тогда блюстители порядка учинили побои. Женщины завопили, мужья кинулись вступаться за жен, завязалась потасовка. Раздался выстрел в воздух, к полиции подоспела помощь. Смутьянов стали скручивать, арестовывать и уводить.

- Возмутительно! – не удержалась Лиза. – Как они смеют избивать женщин?!

Один из полицейских с подозрением посмотрел в их сторону.

Катя подхватила подругу под руку и повела прочь.

- Почему ты смеешься? – воскликнула Лиза, заметив, как та тихонечко хихикает.

- Прости! – ответила Катя и рассмеялась. Затем утерла выступившие от смеха слезы. – Понимаешь, несколько дней назад случилась такая же история! Мы шли с Колей, и здесь была такая же потасовка. Он не удержался и высказался громогласно по этому поводу. Так после этого за нами полицейский следовал по пятам, так что пришлось срочно свернуть с пути и зайти в гости к дяде - он живет здесь недалеко.

Лиза взглянула на Николая. Он раздосадовано смотрел на них.

- Придется зайти на Спиридоновку.

- К дяде – Савве Тимофеевичу, - пояснила непонимающей Лизе Катя, беря вновь ее под руку. – Подождем, пока вот тот полицейский от нас не отстанет...

* * *

Войдя в роскошный зал особняка, Лиза сразу увидела внушительную фигуру мужчины лет сорока - сорока пяти. Фабрикант и общественный деятель Савва Тимофеевич Морозов стоял перед креслом с высокой спинкой и, когда они вошли, повернулся в их сторону.

- А, племянники! – раздался его веселый бодрый голос. – Вместе со своей гостьей – Елизаветой Николаевной, если не ошибаюсь?

- Здравствуйте, дядя. Позвольте представить, - Катя сделала жест в сторону Лизы.

В это момент из кресла с высокой спинкой поднялся не замеченный пришедшими гость Саввы Тимофеевича, - и Лиза беззвучно ахнула. На нее с усмешкой смотрел ее муж.

- ... моя подруга Елизавета Николаевна Глебова.

Морозов склонил голову и представился сам:

- Савва Тимофеевич Морозов, - а затем с усмешкой обратился к племянникам:

- Познакомьтесь и вы с моим гостем. Глебов Алексей Петрович. А это мои внучатые племянники - седьмая вода на киселе: Екатерина Павловна и Николай Павлович Шмиты.

Алексей сдержанно поклонился. Отметил, как нахмурился племянник Морозова, услышав его имя. Затем внимательно с прищуром взглянул на Лизу. Та с досадой смотрела на него. Алексей неторопливо приблизился к жене.

- Здравствуй, дорогая, - сказал он, целуя ее в висок. Взял за руку, усадил рядом с собой на диван.

...Последние полчаса Савва Морозов бурно рассказывал что-то, Катя беседовала с ним, Лиза и Николай молчали, а Глебов, временами вступая в разговор, наблюдал за женой и молодым студентом.

- Как поживает господин Пешков¹? – поинтересовался Морозов у Алексея их общим знакомым.

Глебов рассеянно взглянул на него.

- Алексей Максимович? – переспросил он. – Я давно не виделся с ним. Скорее нужно спросить о нем мою супругу. – Он посмотрел на жену.

- Да, – Лиза без желания оторвала взгляд от камина и взглянула на Морозова, - я виделась с ним на прошлой неделе. Он в здравии, в прекрасном расположении духа.

- Я рад. Когда увидите с ним, засвидетельствуйте мое почтение.

- Несомненно.

¹ Алексей Максимович Пешков (псевдоним Максим Горький) (1868, Нижний Новгород - 1936, Горьки) — русский писатель, прозаик, драматург, автор произведений с революционным уклоном.

Лиза первый раз за весь вечер внимательно посмотрела на фабриканта. Она была наслышана о нем и то, что она знала, вызывало уважение. Он был фабрикантом, миллионером и в то же время прогрессивным деятелем, помогающим социал-демократам денежными средствами.

Савва Тимофеевич тоже с интересом смотрел на госпожу Глебову. Он оказался более прозорливым, чем племянница, и уже догадался, что Николай испытывает огромнейшую симпатию к жене его знакомого. И что госпожа Глебова знает о его симпатии и, по всей видимости, догадывается об этом и Алексей.

- Увидите Алексея Максимовича, засвидетельствуйте ему и мое почтение, - подал голос Николай, бросив безрадостный взгляд на Лизу.

- Непременно, - отозвался Глебов вместо жены. Она сердито поджала губы и отвернулась.

Алексей же, высокомерно смотря на Шмита, отвернувшегося к камину, продолжил:

- По всей видимости, вы увлечены... - он сделал паузу (Шмит на мгновение замер, затем продолжил помешивать угли в камине), - ...тем же, чем и моя супруга?

Лиза недовольно поерзала на диване. Морозов хмыкнул и тут же предпочел сгладить возникшую неловкость.

- О, Николая интересует все, чем живет прогрессивная Россия, - с усмешкой произнес он. - Мой внучатый племянник зачитывается произведениями Чернышевского, Белинского...

- Я читаю произведения и других авторов, - буркнул недовольно Николай, ковыряясь кочергой в камине.

Катя оживилась:

- Лиза, мой брат с чувством читает наизусть стихи ... Коля, пожалуйста, прочти!

Морозов хохотнул:

- Да, племянник, прочти нам что-нибудь этакое, а?

Николай напрягся. Лиза молчала, выпрямившись, как струна, а Алексей, вальяжно откинувшись на спинку дивана, смотрел на Шмита и его выдавали лишь опасно поблескивающие глаза.

- Извольте, - неожиданно решился Николай. Повернулся к присутствующим. Его взгляд остановился на Лизе. - Письмо Онегина к Татьяне.

На мгновение наступила напряженная тишина, но ее нарушил приятный голос чтеца:

Предвижу все:

Вас оскорбит печальной тайны объяснение...

Какое горькое презренье ваш гордый взгляд изобразит!

Чего хочу?

С какою целью открою душу вам свою?..

Какому злобному веселью, быть может, повод подаю!..

Я думал: вольность и покой замена счастью.

Боже мой! Как я ошибся, как наказан!

Нет, поминутно видеть вас, повсюду следовать за вами,

*Улыбку уст, движенье глаз ловить влюбленными глазами...
Внимать вам долго, понимать
Душой все ваше совершенство...
Пред вами в муках замирать, бледнеть и гаснуть...
Вот блаженство!..
Я знаю: срок уж мой измерен;
Но чтоб продлилась жизнь моя, я утром должен быть уверен,
Что с вами днем увижусь я!...
Боюсь: в мольбе моей смиренной
Увидит ваш суровый взор затеи хитрости презренной –
И слышу гневный ваш укор.
Когда б вы знали,
Как ужасно - томиться жаждою любви,
Пылать –
И разумом всечасно смирять волнение в крови.
А между тем притворным холодом вооружать и речь и взор,
Вести спокойный разговор,
Глядеть на вас веселым взглядом!..
Но так и быть:
Я сам себе противиться не в силах боле,
Все решено:
Я в вашей воле!..
И предаюсь моей судьбе.*

В комнате наступила тишина. Все молчали. Плотнo сжав губы, молчала и Катя, вдруг все осознав. Тем более жуткими показались сухие хлопки аплодисментов Глебова.

- Браво. Чтец вы действительно превосходный. Но безобразно выкинули слова и переврали текст, - сказал он. Посмотрел на жену. – Не правда ли, дорогая? «Пушкин» ведь ЛЮБИМЫЙ ваш поэт?!

Лиза промолчала.

- Я несколько дней не видел жену, - произнес Алексей, вставая. – Позвольте нам откланяться.

Лиза кинула возмущенный взгляд на мужа. Опять он решает все за нее!

- Но как же... - попыталась остановить их Катя, но дядя ей помешал.

- Конечно же, Алексей Петрович. Я вас прекрасно понимаю. Не смеем вас с супругой задерживать, - сказал он.

Коля Шмит, бледный как мел, отвернувшись, молчал. Лиза, проигнорировав протянутую Алексеем руку, встала, попрощалась, и вышла. Глебов откланялся и вышел следом.

Спустя некоторое время они уже ехали к гостинице, где остановился Алексей. Оба молчали. Лиза, хотя и ощущала исходящую от мужа тихую ярость и угрозу, упрямо не желала сдаваться и показать слабость. Держаться ей помогали гнев и обида. Хотя откровенное признание Шмита выбило ее из колеи: оно было неожиданным и высказанным в очень щекотливой ситуации.

Они так же молча проследовали в его гостиничный номер. Лиза осталась стоять посреди комнаты, когда Алексей закрыл дверь и прошел к столу. Он достал портсигар, вынул папироску, чиркнул спичкой. Закурил. Выпустил носом и ртом струйки дыма. Опять затаился, все также стоя к жене спиной.

Он ревновал ее по-настоящему. Второй раз в жизни. Первый - к Гирченко, который ухаживал за ней после того как они весной чуть было не расстались по стечению немислимых обстоятельств, о которых было жутко вспоминать. Теперь, второй раз – к Николаю Шмиту. Почему ревновал именно к ним? Да потому что видел в них соперников – жене нравились интеллектуалы-интеллигенты, притом не дурной внешности и подходящие ей по возрасту. Остальные всегда были мелкими сошками, пустышками, на которых не следовало обращать внимание. Эти же двое – вполне могли заинтересовать его жену.

Глебов напряженно потер переносицу. Выходка молодого студента вывела его из себя, но Алексей сдержался: если студент осмелился заявить при всех о своих чувствах, значит, пытался использовать последний шанс и признаться Лизе. Значит, объяснений между ними раньше не было, как и всего остального, исходя из перефразированного стихотворного отрывка. Об этом инциденте нужно пока забыть, иначе сгоряча можно наломать дров.

Глебов сделал еще одну затяжку, затем повернулся к Лизе, готовый к словесной баталии. Говорил он спокойно, не повышая голоса.

- Ты уехала из Петербурга, не дождавшись меня и не поговорив со мной. Что случилось, объясни мне?

Лиза кинула на него рассерженный взгляд:

- Объяснить? И вы еще требуете у меня объяснений?!

- Я надеюсь, как твой муж, я все-таки заслуживаю некоторых объяснений.

- А я, разве я не заслуживаю уважения и объяснений с вашей стороны?

Алексей еще раз затаился и затушил папиросу. Теперь он может спокойно объясниться с ней по поводу Катарини и отсутствия ночью дома - Лиза не станет затыкать уши или хлопать перед его носом дверью, так как сама потребовала от него объяснений.

- Мне нечего от тебя скрывать. Ты знаешь Костю Абрамовича. Он нам обоим спас жизни. Катарина – женщина, на которой он собирался жениться. Они уже были вместе, когда я с ними познакомился. Оба нуждались в помощи и деньгах. И я помог им заработать. Я стал крестным их сыну Пашке... После смерти Костика, я хотел найти Катарину и Пашку и предоставить им свою помощь. Но она вместе с сыном уехала в неизвестном направлении. А в тот вечер я случайно встретил ее.

Некоторое время они молчали.

- Но это не оправдывает того, что ты не ночевал дома, - сжав кулачки, проговорила Лиза.

- Ты ведь знаешь, чем я занимался раньше. Сычев просветил тебя по этому поводу без лишних слов, помнишь? Так вот, когда я покинул ресторан, то заметил слежку. И это уже не в первый раз. Эти ребята ищут предлог, чтобы арестовать меня. Преследуют по пятам.

- И где же они сейчас? Прячутся в соседней комнате? – фыркнула Лиза.

- Надеюсь, что нет. Но я боюсь, что скоро они вновь выйдут на меня.

- Как у тебя все складно! – Лиза явно не желала ему верить.

Он подошел к ней:

- Лиз, поверь. Все очень серьезно. Нам нужно уехать... скрыться где-нибудь на время.

По ее взгляду Алексей понял, что она все-таки поверила. Но он недолго радовался.

- Я никуда не поеду! – категорично заявила она, вырвавшись из его рук.

- А я не поеду без тебя. И скоро они найдут предлог арестовать меня!

Лиза яростно толкнула мужа:

- Ты опять пытаешься не оставить мне выбора! Уезжай!

- Я без тебя никуда не поеду, - отчеканил он каждое слово.

Лиза вскрикнула и выскочила из номера. Алексей последовал за ней.

И как на беду в дверях они столкнулись с Айседорой и Станиславским.

Лиза взбешенно взглянула на мужа и кинулась прочь по коридору.

- Лиза! – окликнул ее Глебов, но она не желала его слушать.

* * *

Лиза окликнула извозчика, забралась в сани и назвала адрес Шмитов.

Опять эта американка! Он что, притащил ее сюда с собой?! Лиза была в бешенстве. Но немного успокоившись, она вспомнила, что танцовщица была в обществе Станиславского, с которым, кстати, она даже не поздоровалась, забыв об учтивости.

Лиза судорожно вздохнула. Алексей говорил ей об опасности, требовал срочно уехать с ним. Но она не хотела уезжать! Это означало бы порвать отношения с партийными товарищами, и уехать с Алексеем туда, куда он скажет. Лиза решила остаться. Он подумает, здравый смысл одержит верх и, как только возникнет настоящая угроза, он сам уедет. Лиза вдруг поняла, что такой расклад ее тоже не устраивает. Алексей может и не отступить – останется и тогда его точно арестуют. Но если даже решит уехать – не потеряет ли она его навсегда? Лизе стало вдруг страшно. Что если она больше никогда с ним не встретится и придется прожить жизнь без него? Сердце от такой возможности заныло. Лиза не хотела уезжать, но он опять не оставлял ей выбора! Как же она за это его ненавидит!

Оказавшись у Шмитов, Лиза поднялась к себе в комнату. Села на кровать, бросила шапочку на покрывало, рывками расстегнула пуговицы пальто. Несколько мгновений сидела на месте, затем соскочила и стала собирать вещи. В комнату вошел Николай.

- Лиза, вы уезжаете?

- Я должна, - с отчаянием воскликнула она, запихивая платье в чемодан.

- Вы не должны уезжать. Он опять все решил за вас! – Николай остановил ее, взяв за руки.

- Вы не понимаете...

- Я понимаю то, что он снова навязал вам свое мнение! Он страшный человек. Вы с ним задохнетесь, зачахнете! Стоило ему появиться, как вы перестали быть самой собой – перестали улыбаться, смеяться, говорить на интересующие вас темы! Он душит вас своим авторитетом, своим «я»! Оставайтесь! Обдумайте все без его давления. Примите решения самостоятельно.

- Он мой муж...

- И что? Я безумно вас люблю, Лиза, но я никогда не заставлю вас делать то, чего вы не хотите! Вы вольны принимать решения самостоятельно, как взрослый полноценный человек.

Лиза в отчаянии опустила руки. Николай говорил именно то, что и она всегда думала и предполагала.

- Я ненавижу его! – вырвалось из ее уст.

Молодой мужчина заключил ее в объятия.

- Лиза... - выдохнул он, прежде чем прижался к ее губам своими губами. Лиза вздрогнула, но не оттолкнула Николая: ее ладони лишь легли ему на плечи... Ни один мужчина, кроме ее мужа, так не целовал ее.

Неожиданно Николай отпустил ее из своих объятий. Лиза посмотрела ему в глаза, не зная, что сказать, но он вдруг вздрогнул и взглянул вверх ее головы. Лиза оглянулась.

На пороге стоял Алексей. Стоял видимо давно. Его взгляд арктическим холодом обдал Лизу, так что она поежилась. Затем Алексей презрительно усмехнулся и вышел.

Лиза будто окаменела. Внутри стало холодно. Она хотела было броситься следом за мужем, но Николай удержал ее за руку.

- Вам лучше не ходить за ним, Лиза. Он опасный человек, - предупредил Шмит.

- Он мой муж! – ответила она сокрушенно. – Что же он теперь подумает обо мне?!

Молодая женщина без сил опустилась на стул и закрыла лицо руками.

- Так вы его любите? – удрученно спросил Николай.

- Конечно же, люблю... Безумно... - всхлипывала она, сотрясаясь от рыданий.

* * *

Айседора была всегда уверена, что рано или поздно любой мужчина, если ей этого захочется, подпадет под ее чары и падет к ее ногам. При том довольно красивым ногам. Она смотрела на Алексея, стоявшего на пороге и качающегося в разные стороны. Он был пьян до такой степени, что мог действительно в любой момент рухнуть перед ней и не только на колени.

- Добрый вечер, – произнес он по-английски, с трудом произнося слова. – Вы прекрасны, Дора.

- Вы пришли сказать мне это, Алекс? – с усмешкой спросила она, затем по сторонилась, пропуская его в комнату.

Глебов ввалился, зацепился за столик, чудом удержался на ногах, и к счастью Доры, плюхнулся на диван.

- Вы набрались... храбрости, прежде чем прийти ко мне, – сказала она, подходя к нему поближе. – Неужели я так пугаю вас?

- Вы прекрасны, Дора, – повторил Алексей, откинувшись на спинку дивана и смотря на нее сквозь полуопущенные ресницы.

- Да, вы уже говорили это, – сказала она с лукавой улыбкой на губах. Затем присела рядом.

- Вы красивы, добры, душевны. Вы идеальная женщина, Дора, – говорил Глебов, не замечая, что говорит пару слов на английском, пару слов на французском и переходит на русский.

Она коснулась его лба теплыми нежными пальчиками.

- Поцелуйте меня, Дора, – попросил Алексей. Женщина неторопливо склонила к нему свое лицо и поцеловала его в губы. Глебов ответил на ее поцелуй. Они целовались не спеша, пока всего лишь одно тихо сказанное слово не остановило женщину.

- Лиз... - прошептал мужчина.

Дора отстранилась от него. Глаза Глебова остались закрыты. А еще через мгновение он уснул.

Айседора вздохнула. Она была разочарована и уязвлена. При этом в большей степени она ощутила разочарование, чем была уязвлена. Ей стало скучно. Мужчина, уснувший рядом, больше ее не интересовал. Перед глазами встало лицо Станиславского. «Породистый мужчина». Так она его назвала. По сравнению с ним, Глебов был грубым, прагматичным и холодным. Он далек от мира искусства, в нем нет творческой жилки, безумства творческой души. Глебов воин, не поэт. Станиславский другое дело. Другой мужчина. Бог, бог театрального искусства!

Айседора встала с дивана, шарф сполз с ее плеча, запутавшись в руке Алексея. Она скинула его с себя на спящего мужчину и направилась в спальню.

* * *

...Алексей стоял посреди дороги, осматриваясь по сторонам. Он не знал этой местности, не узнавал дома вокруг, не знал, где он. Но вот вдаль он увидел Айседору. Ее алый шарф развивался на ветру посреди всего этого - ставшего вдруг черно-белым, серым, холодным.

Дора села в машину, помахала кому-то рукой, завела двигатель. Алексей ощутил холод, страх от предчувствия чего-то непоправимого и ужасного. Он крикнул Доре, желая, чтобы она остановилась, но она не слышала его. Алый шарф змеился в воздухе, трепыхал на ветру. Автомобиль Доры набрал скорость. Алексей бросился на встречу к ней. Шарф взвился вверх, затем кинулся под колеса. Голова Доры резко дернулась назад...

Алексей проснулся. С трудом открыл глаза. Шея затекла и болела от того, что он так и проспал, сидя на диване.

Глебов потер шею ладонью. Заметив на себе алый шарф, сбросил его в сторону. И тут услышал сладкий голос Айседоры.

- Милый, ты уже проснулся? Может быть, кофе?

Алексей взглянул на нее, пытаясь что-либо вспомнить, но ничего не получалось.

- Я... - Он не знал, что сказать. Потер виски кончиками пальцев. – Черт, я ничего не помню.

- О, ты был великолепен!

- Так между нами что-то... - Глебов осекся. – Так, минутку.

Пытаясь собраться с мыслями, он встал, осмотрелся. Пятерней провел по волосам, пытаясь хоть что-либо вспомнить. Тщетно.

Дора, понаблюдав за ним, пожала плечами и расположилась на диване, где только что спал Алексей.

- У тебя такой вид, будто ты проглотил муху, – сказала она.

Глебов посмотрел на нее:

- Между нами ничего не было, ведь так?

- Это ты так хочешь думать. – Она взяла в руки шарф и, игриво прикрыв им нижнюю часть лица, кокетливо заморгала.

Шарф в ее руках вызвал неприятные ощущения.

- Так ты будешь кофе, дорогой? – Ее голос отвлек его от тревожных мыслей.

Она явно издевалась.

- Нет, лучше я попью его у себя в номере. – Он направился к выходу. Затем остановился, обернулся и сказал:

- Прости меня, Дора. Я не хотел тебя обидеть.

Когда он был уже возле двери, она окликнула его. Алексей обернулся.

- Ничего не было, – произнесла она.

Глебов помедлил на выходе, затем вернулся, подошел к ней. Она по-прежнему держала шарф в руках, наслаждаясь его шелковистостью.

- Дора, я прошу тебя, – он наклонился к ней и посмотрел в глаза, – если ты дорожишь жизнью, не носи это. – Он стянул с ее шеи шарф и положил на диванчик. – Поверь мне.

Она озадаченно захлопала пушистыми ресницами. Алексей бережно поцеловал ее в лоб и вышел.

Пару минут Дункан смотрела на закрывшуюся дверь, думая о том, какие же странные эти русские, затем посмотрела на длинный шарф, улыбнулась и взяла его в руки.

* * *

Вернувшись в свой номер, Глебов оделся и вышел на улицу. В раннее зимнее утро еще было сумеречно, но ему не сиделось на месте. Тоска и боль в груди гнали его куда глаза глядят. Он не мог простить Лизу. Он не хотел сейчас о ней думать. Но тщетно, мысли о ней безудержно лезли в голову.

Алексей поежился от холода и приподнял воротник пальто. Возникло огромное желание явиться к Шмитам и покалечить воздыхателя супруги. Лишь бы только сгоряча не придушить «любимую»!

Глебов зашагал по тротуару, за ночь покрывшемуся снегом. Прийти к Шмитам, неплохая идея!

В какой-то момент Алексей ощутил, что за ним опять слежка. Он скрежетнул зубами. Что за напасть! Не подав виду, что обнаружил преследователей, Глебов продолжил идти дальше. Один слева, другой справа. Держались они на почтительном расстоянии, но старались не упустить его из виду.

Неожиданно Алексей нырнул в проулок и бросился наутек. Позади раздался топот преследователей – пустые улицы звонко оповестили об их приближении. Глебов, сворачивая из проулка в проулок, ускорил бег. Морозный воздух обжигал легкие. От дыхания иней вырос на воротничке пальто коркой. Алексей на миг остановился, тяжело дыша, огляделся по сторонам и нырнул в одну из парадных дома. Поднялся этажом выше.

Преследователи были рядом – он слышал их разговоры и шаги – они искали его. Следы на свежем снегу выдали – преследователи остановились возле входа. Глебов глянул себе под ноги, вытер подошвы ботинок об коврик возле одной из дверей квартир и поднялся выше. Быстро достал самодельную отмычку и осторожно вскрыл замок одной из квартир. Тихонько вошел и прикрыл бесшумно дверь.

Оказавшись в полутемном помещении, он несколько секунд постоял, привыкая к убогому освещению. В углу комнаты стояла кровать и на ней кто-то спал. Стараясь не шуметь, Алексей прошел к вешалке, снял с нее ротонду¹ и накинул ее на себя. Затем вынул несколько бумажных купюр из портмоне и положил их на столик. По сдержанному дыханию хозяйки квартиры (в том, что это была женщина, Глебов не сомневался) он понял, что она проснулась и с ужасом наблюдает за «ночным гостем». Он вернулся к двери, прислушался, тихонько ее приоткрыл и вышел в коридор. Преследователи, по всей видимости, поднялись выше.

Алексей вышел из дома и быстро зашагал прочь.

Через пятнадцать минут он был на вокзале и сел в первый же проходящий поезд.

* * *

Январь 1905 г. Петербург

Алексей, отхлебнув из стакана горячий ароматный чай, - благо подстаканник не позволял обжечься пальцам, - развернул газету и пробежался глазами по статьям.

Несколько дней назад он вернулся в Петербург и явился к Алексею Пешкову. Не вдаваясь в подробности, он попросил его об услуге: найти ему на несколько дней жилье. Писатель не отказал в помощи и поселил его на квартире своего знакомого, уехавшего на воды в санаторий.

¹ Ротонда - верхняя теплая женская одежда без рукавов в виде длинной накидки.

Несколько раз Глебов попытался пробраться в свой дом, но постоянно замечал филеров, ожидающих его возле подъезда. Знал он и то, что Лиза вернулась и проживает в их квартире. По-видимому, Лиза совершенно не осознала серьезность того, о чем он ей говорил. Видеть ее он не желал, но не хотел, чтобы она подвергалась опасности. Поэтому попросил Пешкова передать ей, быть осторожной – за домом и за ней следят.

Алексей отложил газету на край стола и задумчиво отхлебнул чай. Встал, прошел в спальню, сложил вещи в чемодан. Затем вернулся в гостиную, застегивая на ходу запонки на рукавах. И тут скорее почувствовал, чем заметил, ее присутствие. Поднял глаза и столкнулся с подавленным сокрушенным взглядом голубых глаз.

Глебов плотно сжал губы и отвернулся. Сердце неприятно заныло.

- Зачем пришла?

- Между мной и... господином Шмитом ничего не было, – произнесла Лиза с трудом.

Алексей не выдержал.

- Как официально - «господин Шмит»! – фыркнул он. – Хватит, не будь лицемеркой!

- Был всего лишь один поцелуй! – воскликнула она, делая шаг в его сторону.

- Ты жила в его доме!

- И что? Я гостила у своей подруги, а не у него.

- Но ведь никаких гарантий нет, что все именно так?

Лиза побледнела.

Глебов осознавал, что теряет над собой контроль, но ничего поделать с собой не мог, и от этого еще больше злился.

- Тем более, мне ли не знать, какая ты «горячая штучка». Я помню времена нашего знакомства! Приличные девушки так себя не ведут!

Бледность на лице Лизы сменилась красными пятнами. Она сжала кулачки, подалась вперед.

- Приличные девушки себя так не ведут, говорите? Откуда вам, господин Глебов, знать, как ведут себя приличные девушки! Вините меня в измене, которой не было, а сами! Помните, что произошло после нашей свадьбы? Это мне не забыть тот бордель, в котором я нашла вас среди... всех этих... падших женщин! – Голос Лизы задрожал, как и ее губы. Она готова была разрыдаться. Показать себя слабой перед ним в этой ситуации ей было неприятно, но взять себя в руки она не смогла.

- Ненавижу! – слетело с ее губ, прежде чем слезы брызнули из ее глаз. Лиза резко развернулась на каблучках и бросилась к выходу.

Глебов поймал ее за руку, грубо прижал к себе. Сломив слабую попытку вырваться, он жадно прижался к ее губам, смял их до боли своими поцелуями, заставил раскрыться. Лиза судорожно вцепилась в его плечи. Поддалась бурным эмоциям, охватившим ее. Запрокинула голову, жадно принимая его поцелуи. В этот момент они и злились, и страстно желали друг друга. Алексей оторвался от ее губ, продолжая крепко прижимать жену к себе. Его ладонь прошла по ее шее, спустилась к груди и грубо смяла ее. Лиза изогнулась к нему навстречу, еще теснее прижимаясь к бедрам мужа, ощущая его возбуждение и свое – внутри все горело и ныло от желания.

- Это ничего не значит! – услышала она его озлобленный голос.

Лиза открыла глаза, попыталась отстраниться, но он собственнически прижал ее к себе и вновь страстно поцеловал. От злости она укусила его, он чертыхнулся, грубо смял ее губы своими, затем спустился ниже к ее шее, прикусил нежную кожу, всасываясь до боли. Лиза вскрикнула, схватила его за волосы. Он отступился, поднял голову. Мгновение они смотрели друг другу в глаза, в которых отражались и злость и страсть одновременно. Затем Лиза притянула его голову к себе и жадно поцеловала в губы. Он ответил ей тем же, и она принялась стягивать с него пиджак, затем вытянула края его рубашки, желая прикоснуться к его обнаженному телу...

Алексей не стал церемониться, прижал ее к стенке, задрал юбки. Лиза застонала, обхватывая его за шею, чтобы ему удобно было ее приподнять. И вот он уже овладел ею. Она потеряла над собой контроль, отдалась полностью, без остатка. Рассталась с жизнью...

...Тяжело дыша, он уткнулся в ее шею. Крепко сжал ее в объятиях, будто не желая отпускать. Затем резко отстранился, - так, что она чуть не упала, потеряв опору, - и отошел в сторону.

- Я уезжаю, – произнес он, резкими движениями поправляя одежду и не смотря в сторону жены.

- Куда? – спросила машинально она, уязвленная его отстраненностью. Пуговицы платья не желали поддаваться одеревеневшим вдруг пальцам и протискиваться в петли.

Глебов неопределенно пожал плечами.

- Не знаю. В Париж. Лондон. Все равно.

Лиза промолчала. Ощущая слабость в ногах, села в кресло.

- А как же... мы?

- Мы? – Он дернул плечом. – Не знаю.

- Не знаешь... - тихо повторила она.

Алексей стоял к ней спиной, тяжело дыша. Оба молчали. Затем он вышел из комнаты, а когда вернулся с чемоданом, комната была уже пуста. Лиза ушла, не сказав больше ни слова.

* * *

Алексей поправил галстук, задумчиво глядя на свое отражение в зеркале. Губа от укуса Лизы припухла и саднила. Он коснулся ссадины, бросающейся в глаза. Сурово свел брови и отошел от зеркала. Надел пальто, шапку, подхватил чемодан и вышел на улицу.

Глебов не успел сделать и пару шагов, как возле него резко остановился автомобиль. Из машины выскочил мужчина и направился к нему. В том же момент Алексей ощутил за спиной, возле себя, еще двух крепких парней.

- Господин Глебов, пройдемте с нами, – заговорил вежливо, но настойчиво тот, что стоял перед ним. Алексей узнал этот голос – это был голос господина из экипажа на мосту. Алышев? Малышев? Да, точно, Малышев.

Алексей кинул взгляд через плечо, оценивая ситуацию.

- С какой стати? – поинтересовался он.

- Вас хочет видеть один очень влиятельный господин.

- У меня есть выбор?

Тот отрицательно покачал головой:

- Не вынуждайте нас применить силу. Нам приказано доставить вас любым целесообразным способом. - Он кивнул, указывая на своих помощников за спиной Алексея.

Глебов еще раз оглянулся и заметил, как дула револьверов оттопыривают карманы шпиков. То, что это агенты департамента, он уже не сомневался. В любом случае, выбора не было.

Алексей протянул чемоданчик одному из филеров.

- Позаботьтесь, – произнес он спокойно, затем прошел к машине и сел в нее. Рядом с ним по обе стороны разместились двое шпиков. Третий - Малышев - сел впереди рядом с шофером, и автомобиль тронулся с места.

* * *

Стоя у зеркала, Лиза поправила прическу. Засос на шее, оставленный на память мужем, был хорошо виден. Лиза провела по нему пальцами, затем сердито запахнула воротничок платья так, чтобы позорная отметина не была видна посторонним. После того как Пешков передал ей предупреждение Алексея о слежке, она переехала на конспиративную квартиру, где в данный момент и находилась.

В дверь постучали. После разрешения войти, дверь открылась, и в комнату вошел Макар, поздоровался с ней, сел на предложенный стул.

- Лиза, вам есть поручение от Филиппова, – произнес он. – Отец Гапон пригласил на срочное собрание рабочих делегатов революционных партий. Вы вместе с товарищем Ивановым пойдете туда.

- Гапон стал приглашать революционеров на свои собрания? - удивилась Лиза. - Что происходит?

- На Путиловском заводе было уволено четверо рабочих. Это было последней каплей: рабочие на собраниях стали требовать справедливости. Просто разговорами уже было не обойтись, поэтому-то Гапону ничего не осталось, как допускать на свои собрания представителей ревпартий с их предложениями. Были организованы три рабочие депутации, которые с требованиями пошли: одна – к директору завода, другая – к главному заводскому инспектору Чижову и третья – к градоначальнику, генералу Фуллону¹. Так вот, сегодня делегации должны отчитываться перед собранием.

- Хорошо, мне все понятно, - ответила Лиза, поправляя воротничок. Что, в конечном счете, ее личные проблемы по сравнению с проблемами других?

* * *

С утра зал Нарвского отделения гапоновской организации был полностью заполнен. Собралось до шестисот человек. Лиза и Иванов², пекарь филипповской булочной, с трудом пробрались в первые ряды.

Депутации уже отчитывались. В общем, как стало понятно, они ничего не добились, только лишь одного из четырех уволенных рабочих должны были восстановить на работе.

Депутатов выслушали в полном гнетущем молчании.

Иванов протиснулся вперед и решительно поднялся на подмости.

- Неужели вы всерьез думали, что кто-то прислушается к вашим требованиям? – заговорил он.

Толпа возмущенно загудела, и Иванов поднял руку:

- Погодите, не торопитесь. Сейчас я скажу главное.

Толпа продолжала гудеть. Гапон вышел вперед, поднял руку, призывая собравшихся к тишине.

- Братья и сестры! Послушаем, что нам скажут социал-демократы, какой выход они нам предлагают.

Когда гул затих, Гапон повернулся к Иванову, жестом предлагая говорить. Иванов сурово взглянул на толпу и Гапона.

- Выход очень простой, - заговорил он. – Завтра - всем собраться на заводском дворе и - без крика и шума, без размахивания кулаками - объявить, что путиловцы будут бастовать. Сами увидите, как закрутится ваша администрация.

Зал молчал. Затем загудел. Волна голосов, поддерживающих предложение, Иванова стала нарастать.

- Бастовать! – раздался громогласно голос под ухом у Лизы. Она посмотрела на высокого худого мужчину, стоявшего рядом с ней. Его худая жилистая рука затряслась над головой.

¹ Иван Александрович Фуллон (1844 -1920, Петроград) - русский военный и государственный деятель, Санкт-Петербургский градоначальник в 1904 - 1905 гг. Оказывал всестороннюю поддержку «Собранию русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга» во главе со священником Г. Гапоном. Уволен после событий «Кровавого воскресенья».

² Прим. автора: Псевдоним Василия Андреевича Шелгунова (1867 – 1939) - участника революционного движения в России. Один из первых рабочих социал-демократов.

- Бастовать! – подхватили в толпе, сотрясая руками.

Иванов сбежал со сцены и подошел к Лизе. Воодушевление толпы передавалось и ей. Сердце гулко билось в предчувствии чего-то важного, масштабного.

- Бастовать! – подхватила она и ее слова слились с общим гулом...

* * *

Алексея продержали в одиночной камере в полной темноте сутки, прежде чем, надев на глаза повязку, повезли в неизвестном направлении.

Сыскарь¹ Малышев – тот самый, что произвел арест - провел Алексея в кабинет и снял повязку. Глебов, привыкнув к свету, осмотрелся. Обстановка кабинета, в котором он оказался, была скромной и несколько домашней, как в не очень богатой квартире. Стены оклеены коричневыми обоями, на окнах – плюшевые гардины, на этажерках – горшки с цветами.

Глебов сел на деревянный диванчик. Сыщик молча стоял возле двери. Ждали минут десять, прежде чем в кабинет вошел... Лопухин. Алексей сразу узнал его.

- Так вот кому я обязан гостеприимством! Господин Лопухин, директор департамента полиции, – съязвил с усмешкой Алексей.

- Вижу, вы в прекрасном состоянии духа. – Лопухин сел в кресло. – Как вам кабинет?

- Скромненько, учитывая ваше положение.

- Особый кабинет для встреч сугубо конфиденциального характера. Оказываясь здесь, сразу вспоминаю господина Зубатова². Это его обитель.

Глебов видел пару раз Зубатова - бывшего начальника охраны. Приятная внешность. Сдержанная улыбка. Голос низкий и мягкий. На самом же деле – несколько не безобидная фигура.

- Чем заслужил чести присутствовать здесь? – спросил с сарказмом Алексей.

Лопухин наклонился вперед, сцепил руки в замок.

- Что же, перейдем к делу. – Он некоторое время с любопытством смотрел на Глебова. - Надеюсь, вы понимаете, что раз вы находитесь здесь, а не в комнате для допроса, ваше положение отличается от положения заключенного. Однако все может измениться. И это зависит только от вас.

Лопухин сделал паузу, наблюдая за реакцией Алексея.

- И что же вы хотите?

- Я хочу предложить вам сотрудничество.

- Сотрудничество?

- Удивлены?

- Признаться, да. Я не вижу причин, по которым вы мне предлагаете... сотрудничество, и не вижу причин, по которым мне стоит согласиться.

Лопухин улыбнулся:

¹ Сыскарь (жарг.) – полицейский, сыщик; тайный агент, занимающийся выслеживанием, слежкой.

² Сергей Васильевич Зубатов (1864, Москва - 1917, Москва) - крупнейший деятель политического сыска и полицейский администратор. Его можно назвать создателем системы политического сыска дореволюционной России. Приобрел известность благодаря созданной им системе легальных рабочих организаций.

- О, причины есть, уверяю вас. Вот, ознакомьтесь.

Лопухин вынул из несгораемого шкафа папку и протянул Алексею.

Глебов неторопливо с ленцой взял ее, хотя внутри все напряглось как пружина. Как только он раскрыл ее, то сразу понял, что пропал. Досье было составлено на него и содержало материалы, касающиеся не только его бывшей преступной деятельности, но и личной жизни. Вся подноготная, все!

Алексей медленно закрыл папку.

- Вот видите, господин Глебов, мы знаем о вас все, или почти все. Вам грозит пожизненная каторга, не меньше. Вы же - человек огромнейших способностей! Зачем же ваш талант будет пропадать даром?

Алексей откашлялся – в горле пересохло.

- О каких талантах вы говорите? Я обычный человек.

- Ну что вы! Не скромничайте, господин Глебов. Вы прекрасно образованы, говорите на французском, английском, немецком языках. Объехали всю Европу. Точнее, обокрали... К каждому своему делу подходили творчески. Умны. Находчивы. Предприимчивы. Ловки. Вы один стоите десятерых моих агентов.

Алексей откинулся на спинку дивана.

- Вы только что чуть ли не назвали меня сверхчеловеком. Не боитесь, что я обведу и вас вокруг пальца?

- Нет. Не боюсь. Вы ведь очень любите свою супругу? Да, вижу, что очень – вы сразу напряглись. – Лопухин удовлетворенно улыбнулся. - Мы многое знаем и о ней. К примеру, Елизавета Николаевна имеет связи с революционными организациями. Мы можем в любой момент арестовать ее. На допросе пытаться. Жаль будет испортить такой эталон русской красоты.

- Странно то, что вы ее до сих пор не арестовали.

- Пока в этом нет большой надобности. Мой человек всегда поблизости, а она об этом даже не подозревает. А, может быть, вы хотите, чтобы мы продемонстрировали свои возможности?

Алексей молчал. Хотя его лицо было непроницаемо, но он лихорадочно обдумывал все услышанное. Заявить о том, что они с женой практически расстались? Нет, со своей революционной деятельностью она сразу попадет в тюрьму. Пока же, по каким-то своим причинам, полиция ее не трогала. Лопухин пытался с ним договориться. Пока – мирно, потом – жестко надавит. Он для чего-то нужен ему, несмотря на все совершенные преступления...

- Я жду ваш ответ, Алексей Петрович.

- Я согласен сотрудничать, - выдавил он из себя.

- Что ж, я рад.

- Что вы хотите, чтобы я сделал?

- Сразу к делу? Что же... Найдите мне убийц Плеве. Проникните к ним. Выведайте их планы.

Алексей изумился:

- Удивлен! Я слышал, что вы арестовали убийцу.

- Не все так просто, Алексей Петрович. Мне нужен не просто исполнитель, мне нужен заказчик. Для этого вам нужно найти Валентина.

- И кто же этот Валентин и где его искать?

- Эту задачку предстоит решить вам. - Лопухин протянул Алексею очередную папку. - Вот взгляните. Здесь все, что нужно.

Глебов открыл ее и углубился в чтение. Лопухин наблюдал за ним. Алексей задумчиво потер подбородок. Он вспомнил разговор с Кони¹, с которым был очень хорошо знаком. Тот вскользь упоминал беседу с Плеве. На утренней прогулке на Аптекарском острове Плеве гулял один, без всякой охраны, и Кони спросил его тогда, как может он идти на риск подобных прогулок, зная, что революционеры мечтают о покушении на него. Плеве в ответ самодовольно усмехнулся и сказал, что обо всех их планах будет знать заблаговременно. Как показала жизнь – не обо всех.

- Я так понимаю, у господина Плеве был агент, внедренный в революционную группу эсеров, который должен был предупредить о возможном покушении. Кто он?

Лопухин присел на край стола напротив Глебова. Выдать агента? Почему бы и нет – Раскин был глубоко ему не симпатичен, к тому же Лопухин считал, что департамент напрасно выплачивает Раскину деньги – он их просто не заслуживает.

- Его зовут Евно Азеф. Он член Боевой организации эсеров.

- Департамент доверяет ему?

- Как сказать. Считали, если Азеф ничего не знал о покушении на Плеве, то дело совсем плохо.

- Значит, доверяли. Чем же Азеф объяснил свою неосведомленность?

- Департамент полиции недостаточно, по его словам, осторожно относился к сообщаемым им сведениям, слишком часто пользуясь ими для предупреждения замыслов социалистов-революционеров, которые под впечатлением обусловленных таким образом неудач стали исключительно осторожны. Это и пресекло для Азефа источник осведомленности как раз в самое тревожное время.

- Каковы же донесения Азефа сейчас?

- Своей ближайшей задачей боевая группа ставит убийство царя. Это решение, по донесению Азефа, принято на съезде заграничных организаций социалистов-революционеров, и Азеф несколько раз подчеркивает, что «покушение на Его Величество готовится, — это не подлежит никакому сомнению».

Алексей молчал.

- Послужите своему Отечеству, господин Глебов.

- Вы ведь преследуете личный интерес, господин Лопухин? – наконец произнес он.

- Не скрою, да, в некоторой степени, личный.

- А если мне не удастся найти ваших, так скажем, «врагов»?

Лопухин вздохнул:

- Тогда, господин Глебов, полетят головы.

- Ваша, в первую очередь?

¹ Анатолий Фёдорович Кони (1844, Санкт-Петербург - 1927, Ленинград) - государственный и общественный деятель. Юрист, судья, судебный оратор, действительный тайный советник, член Государственного совета Российской империи, Почётный академик Императорской Санкт-Петербургской Академии Наук, доктор уголовного права, профессор, литератор.

- И ваша тоже, уж поверьте мне. Дело пойдет в ход, впрочем, как и дело вашей супруги. Хотите взглянуть и на него?

- Ваше агентство переводит слишком много бумаги, - съязвил Алексей.

- Издержки производства.

- И где же мне искать ваших врагов?

- Вы поедите к Азефу в Париж...

* * *

Глебова несколько дней натаскивали по делу, которое он должен был расследовать. В большей степени этим занимался доверенное лицо Лопухина Малышев.

До отъезда оставался всего лишь день. Алексей, лежа на кровати, задумчиво уставился в потолок. У него не проходило ощущение, что и сейчас за ним следят. Наконец лязгнул замок и дверь открылась. На пороге появился Лопухин в сопровождении Малыша – так Алексей прозвал плечистого немногословного Малышева.

Лопухин стянул перчатки, улыбнулся.

- Сегодня прекрасный день для прогулок, господин Глебов. Одевайтесь.

Алексей нехотя сел.

- Хотите еще чем-то удивить меня?

- Хочу продемонстрировать. Одевайтесь. Жду вас внизу.

Через некоторое время Глебов вышел из здания в сопровождении Малышева и сел в крытый экипаж Лопухина. Кроме них троих в карете находился худощавый мужчина с покрытым глубокими щербинами лицом. Малыш пристегнул наручниками руку Алексея к ручке дверцы, Алексей же презрительно усмехнулся.

Карета покатила по улицам столицы. Ехали молча. Щербатый со скучающим видом вынул ножик и стал ковыряться в ногтях. Алексея от разглядывания странного и неприятного типа отвлек Лопухин.

- Я вижу, вас гложут сомнения, - сказал он. – Мне хочется вам помочь.

- В самом деле?

- Вы должны быть уверены в необходимости завершить дело, за которое беретесь. Сейчас в вас я этой уверенности не вижу.

- По-вашему, я должен подпрыгивать от радости в ожидании поездки?

- Вы совсем не думаете о том, как расследовать это дело, а думаете о том, как избавиться от сотрудничества с нами. Неправильные мысли.

Глебов промолчал. Оспаривать слова Лопухина он не хотел. В принципе тот был прав.

Наконец карета остановилась. Через несколько минут в дверное оконце заглянул ничем не приметный парень. Он кивнул в подтверждение вопрошающему взгляду Лопухина и вновь исчез из виду. Лопухин подал сигнал Щербатому с ножом, и тот выскользнул из экипажа. Лопухин повернулся к Алексею.

- Посмотрите в окно, господин Глебов.

Алексей кинул взгляд на директора Департамента и выглянул в оконце. По улице торопливо шла Лиза, не замечая, что за ней следует Щербатый. Алексей похолодел, по телу пробежали мурашки. Его взгляд приковался к рукаву филера, за которым тот спрятал нож. Щербатый ускорил шаг, приближаясь к Лизе...

Алексей рванулся вперед, забыв о наручниках. Рука заныла от боли. Еще миг и он кинулся к Лопухину, но Малышев был наготове – одним ударом в лицо он свалил Глебова с ног.

- Черт! – сорвалось с губ Алексея. - Остановите его!

Кровь шла носом. Перед глазамиплыли цветные круги. Лопухин склонился к нему.

- Успокойтесь, это была лишь демонстрация. Теперь вы понимаете, что мы в воле сделать все, что захотим? Готовы сотрудничать? – Он протянул ему носовой платок.

Алексей дотронулся до разбитого носа. Шмыгнул, взял платок, прижал к носу так, чтобы не шла кровь.

- Готов.

Лопухин сел на прежнее место.

- Вот и прекрасно.

Карета покатила обратно. Алексей напоследок выглянул в окно. Лиза стояла посреди улицы, расстроено разглядывая надрезанный рукав пальто. Щербатого рядом уже не было.

* * *

Дни для Лизы летели стремительно, наполненные политически значимыми событиями, в которых она принимала участие.

Столицу охватила волна забастовок. Все началось с Путиловского завода, затем забастовали другие заводы и фабрики, железнодорожные мастерские. Улицы были наполнены тысячами недовольных возмущенных рабочих. Среди толпы действовали представители революционных партий, агитировали, произнося речи и распространяя листовки.

Но инициатива по-прежнему оставалась за Гапоном - на 9 января планировалось народное шествие к Зимнему дворцу с наивной подданнической петицией царю. Эсдеки не одобряли намерение шествия безоружной толпы, считая, что кровопролития не избежать. Предупреждали народные массы, предлагали продолжать забастовку, но вскоре, убедившись, что Гапон не отступится от своей идеи, приняли участие, как и эсеры, в составлении петиции и настояли на включении в нее политических требований.

Лиза копию этого документа держала в руках, поэтому знала из первоисточника его содержание. Петиция состояла из трех частей, в которых прописывались меры против невежества, бесправия народа, нищеты и гнёта. Документ отражал сознание рабочих, верящих во всемогущество справедливого царя: «Не откажи же в помощи твоему народу, выведи его из могилы бесправия и невежества». В петиции содержались требования отмены выкупных платежей, всеобщего равенства перед законом, восьмичасового рабочего дня, нормальной заработной платы, отделения церкви от государства и тому подобное¹. Заканчивалась петиция требованием созыва Учредительного Собрания. По мнению Лизы, этой петицией священник Гапон старался угодить всем без исключения...

Лиза, выполняя партийные поручения, носилась, будто белка в колесе. Свободного времени не оставалось. Поздними вечерами, возвращаясь в конспиративную квартиру, где у нее был свой угол, Лиза падала на кровать без сил. В полной темноте перед глазами проплывали воспоминания. Год назад в это время, она была по-настоящему счастлива. Рядом с ней был Алексей и между ними были самые чистые нежные добрые чувства. В то время она не сомневалась в его любви. Теперь же не была уверена, что он ее любит. Горькая слеза скатывалась по ее щеке, Лиза поворачивалась на бок и проваливалась в глубокий беспокойный сон.

За несколько дней до шествия на конспиративной квартире социал-демократов состоялось очередное совещание, на котором Лиза присутствовала и конспектировала обсуждаемое на заседании.

Кто-то высказывался, что Гапон – зубатовец². Хотя прямых доказательств тому не было, но уже тот факт, что Гапона за его речи не арестовывают, говорил лучше всяких данных. Кто-то выступал в его защиту, говоря о том, что Гапона поддерживают многие рабочие, даже некоторые интеллигенты, считая его идеалистом, бескорыстным защитником народа.

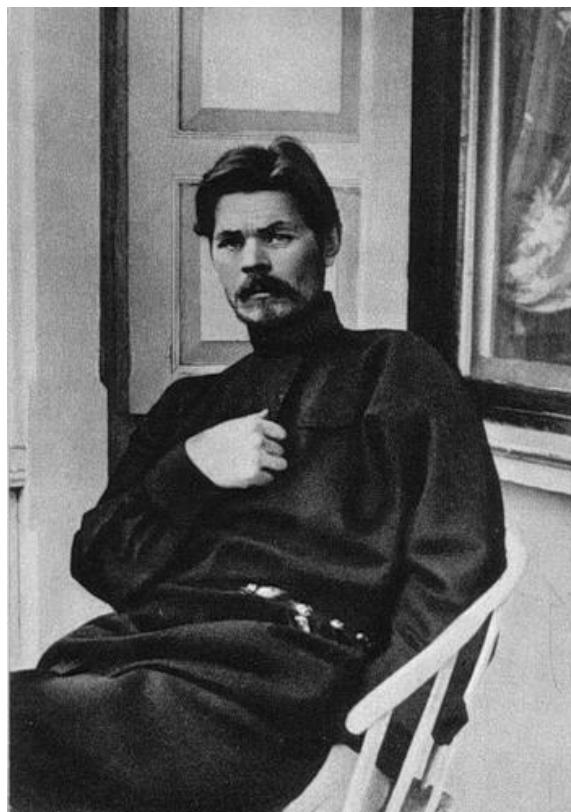
¹ Прим. автора: Из петиции рабочих и жителей Петербурга императору Николаю II.

² Зубатовцы - сторонники политики полицейского социализма, заключавшейся в создании в 1901 - 1903 гг. по инициативе начальника охранного отделения С. В. Зубатова легальных рабочих организаций для отвлечения рабочих от политической борьбы. Зубатовцы старались направить рабочее движение в русло узких экономических требований, внушить мысль, что правительство готово удовлетворить требования рабочих.

Осознавали, что мирное шествие закончится кровопролитием. Рабочие и их жены слишком доверяли Гапону, не веря словам эсдеков, что будет бойня. Гапон убеждал их в том, что батюшка-царь примет их и выслушает. Эсдеки же предлагали крайнюю меру – не мирное безоружное шествие, а революцию, без которой было невозможно полное и последовательное осуществление демократических, социальных требований народа. Стране нужен не царь со своей монархией, а республика с представителями народных масс. Говорили о том, что на Гапона имеют значительное влияние эсеры – Петр Рутенберг находился подле попа в последние дни ежеми-

нутно. Обсуждали действия меньшевиков, которые были согласны уступить руководящую роль в революционном движении различным непролетарским элементам и на страницах своей газеты заявляли, что будут рады, если русская революция обогатится священником, генералом или видным чиновником в качестве вожака.

В конечном счете, на собрании постановили: участвовать в развитии забастовки; способствовать революционированию масс товарищескими беседами, а также публичными выступлениями; распространять прокламации и брошюры. На основании записей, сделанных Лизой, ответственный секретарь тут же написал письмо с отчетом Ленину в Женеву.

Лизе часто приходилось бывать у Горького (Пешкова), а за два дня до намеченного шествия к Зимнему дворцу на его квартире собрались представители левой печати и революционных партий. Было душно, накурено, и Лиза с трудом сдерживала нарастающую тошноту. Совещались уже довольно долго, обсуждали действия Гапона и скорое его выступление с рабочими и их семьями.

- Мне Гапон кажется подозрительным, нельзя его оставлять во главе нарастающего движения. Нужно, пока не поздно, идти к рабочим, бороться с Гапоном и провокаторами. Гапоновское «Собрание» не что иное, как замаскированная полицейская организация, - говорил Иванов, революционер, с которым Лиза бывала на собраниях священника.

- Думаю, что Гапона остановить невозможно, - сказал Горький, вынимая курительную трубку изо рта, - процесс необратим. Сегодня не вышло ни одной газеты, кроме «Ведомостей градоначальства» и «Правительственного вестника»! Вот послушайте, - он развернул газету, - в них появилось объявление: «Ввиду прекращения работ на многих фабриках и заводах столицы Санкт-Петербургский градоначальник считает долгом предупредить, что никакие сборища и шествия таковых по улицам не допускаются, что к устранению всякого массового беспорядка будут приняты предписываемые законом решительные меры».

Анненский встал со своего места, с серьезным видом обвел взглядом присутствующих.

- Нельзя допустить шествия рабочих с Гапоном, - сказал он. - Это «мирное» шествие к царю ни к чему хорошему не приведет. Вы видели, в столицу прибыли дополнительные воинские части. В рабочих районах - пехота, кавалерия, казаки - в общей сложности не менее 40 тысяч штыков и сабель. Город превратился в военный лагерь.

- Но как? Что вы предлагаете? — раздались голоса.

- Нужно попытаться предотвратить кровопролитие. Нужно создать депутацию представителей передовой части русской интеллигенции и идти к высокопоставленным чиновникам.

Собравшаяся интеллигенция с воодушевлением поддержала предложение.

- Алексей Максимович, предлагаю вам возглавить делегацию. Необходимо завтра же добиться встречи с министром Святополк-Мирским и потребовать отменить некоторые предпринимаемые военные меры.

После обсуждения определили, кто войдет в депутацию. Пешехонов, Анненский, Гессен, Мякотин, Семевский, Кедрин, Кареев и Горький. С собрания разошлись с возникшим чувством тревоги и обреченности.

На следующий день Лиза отправилась на заседание Петербургского комитета РСДРП. Атмосфера заседания была мрачной, тревожной. Было принято решение - участвовать в шествии к Зимнему дворцу, чтобы быть с народом и по возможности руководить массами. Распределили, кто в какой колонне пойдет. Лизе и нескольким другим эсдекам надлежало утром прийти к Нарвскому отделению собрания, откуда должна была идти одна из колонн.

Возвращалась Лиза к себе довольно поздно, с наступлением сумерек, благо Миша Фрунзе¹ вызвался проводить ее.

Город будто замер. Не было слышно привычной переклички, гудков, не дымилась заводские трубы. Остановилась конка. Не зажигались уличные фонари.

¹ Михаил Васильевич Фрунзе (партийные псевдонимы Михайлов, Трифонов, Арсений) (1885, Пишпек, Семиреченская область - 1925, Москва) — революционер, впоследствии советский государственный и военный деятель.

Шли молча. Каждый думал о своем. Лицо Миши было задумчиво-сосредоточенным, а Лиза думала о том, что может произойти завтра. Мысль о том, что возможно она больше никогда уже не увидит мужа, заставляло ее сердце болезненно сжиматься. Проститься с ним, взглянуть на него, возможно, в последний раз... Лиза остановилась. Михаил, не сразу заметив, что она отстала, сделал еще несколько шагов, затем остановился и обернулся.

- Миша, мне нужно встретиться с одним человеком. Вы идите. И спасибо вам, что проводили, - сказала быстро она.

- Но на улице слишком опасно бродить одной, Лиза.

- Не опасней, чем завтра идти в толпе к Зимнему, - парировала она.

- Позвольте, я провожу вас.

- Не переживайте, здесь недалеко. – Лиза на прощанье махнула ему рукой.

...Пешков был слегка озадачен поздним приходом Лизы, но он был слишком удручен событиями дня, чтобы заострять на этом внимание.

Усадив гостью на стул, он предложил ей чаю. Лиза, устало стянув с головы шапочку и шаль, отрицательно покачала головой.

- Спасибо, Алексей Максимович, я ненадолго. – Она помолчала. – Скажите... вы знаете, где мой муж?

Пешков с долей сочувствия посмотрел на молодую женщину.

- Нет, не знаю... Он с неделю как съехал с квартиры.

Лиза склонила голову. Значит, уехал...

- Что решил ваш комитет? – поинтересовался писатель.

Лиза встрепелась, выпрямилась, вздохнула, отгоняя заставляющие сжиматься сердце мысли.

- Вы же знаете, удержать рабочих от шествия к царю невозможно. Завтра, в случае столкновения с войсками, мы должны будем призвать массы к оружию, к постройке баррикад; находиться вместе с народом, куда бы он ни двинулся... Мы обратились к солдатам с листовкой отказаться стрелять, не слушать офицеров и перейти на нашу сторону. - Она снова вздохнула, собираясь с силами. – А у вас как прошла делегация?

Пешков раздосадовано махнул рукой.

- Нам не удалось добиться встречи с министром внутренних дел - Святополк-Мирский отказался принять нас. Ни к чему не привела и встреча с председателем Комитета министров Витте. Можно сказать, правительство отвергло всякие попытки помешать готовящейся расправе.

- Значит, власти твердо решили стрелять в безоружных людей, - задумчиво произнесла Лиза.

- Гапон утверждает, что шествие разрешено властями. Да и у нашей делегации сложилось впечатление, что власти полностью информированы о происходящем.

- Самим священником?

Пешков промолчал.

Лиза встала.

- Я провожу вас.

Она мгновение колебалась, затем кивнула.

- Да, прошу вас. Я хотела бы побыть сегодня дома...

...Пешков проводил Лизу до их с Алексеем квартиры.

- Будьте осторожны завтра, Лиза, - на прощание посоветовал он.

Она улыбнулась. Промолчала.

Оставшись одна в квартире, Лиза прошла по пустым комнатам. Взяла с камина рамку с фотографией, на которой она и Алексей были вместе. Затем вернула ее на место и прошла в спальню. Опустившись на кровать, Лиза свернулась калачиком и обхватила себя руками. Однако уснуть ей так и не удалось.

* * *

Лопухин, на ходу снимая шинель, прошел в свой рабочий кабинет, распорядился вызвать к нему Малышева. Затем закурил и, заложив руку за спину, устроился в окно. Только что он побывал на совещании при императоре, где собрались важнейшие чины для обсуждения сложившейся ситуации в столице.

В дверь постучали.

- Разрешите? – спросил Малышев, приоткрыв дверь.

- Входите. – Лопухин прошел к столу, затушил окурок в пепельнице. Затем сел в кресло.

- Готовьте Глебова к отправке. Рано утром он должен сесть на поезд.

- Алексей Александрович, он не совсем готов, и мы еще не подобрали человека, который будет его сопровождать...

- Дело не требует отлагательств, - отрезал Лопухин. Помолчал, раздумывая. – Вы будете сопровождать агента и проследите за его действиями. Если он выйдет из-под контроля – действуйте по ситуации. Вплоть до устранения. Вам ясна задача?

- Так точно. Разрешите идти?

- Идите.

* * *

Хотя время было раннее – за зарешеченным окном только забрезжил рассвет, - однако Глебов уже давно не спал. Чувство тревоги, охватившее его среди ночи, не уходило. Алексей встал, оделся. Затем закурил, повернувшись к окну. Было тревожно, но не за себя, а за Лизу. Перед отъездом Алексею хотелось убедиться в том, что с женой все в порядке, иначе он не сможет уехать.

Наконец дверь камеры открылась, и на пороге появился Малышев.

- Собирайтесь.

- Мы отправляемся в путь?

- Да.

Алексей сделал затяжку:

- Я должен побывать дома, собрать вещи.

- Ваш чемодан с вещами уже готов.

- Этого недостаточно.

- Обойдетесь-с и этим.

Алексей подошел к Малышеву. Неторопливо затянулся, с прищуром смотря ему в глаза, и сквозь зубы выпустил струю дыма ему в лицо. Малышев поморщился, но стерпел.

- Я никуда не поеду, пока не увижу жену и не буду уверен, что с ней все в порядке.

- Это исключено.

Глебов вновь выпустил струю дыма, бросил окурок под ноги, раздавил подошвой ботинка, затем прошел к кровати, улегся на нее, сложил ноги на одеяло.

- Либо я увижусь с женой, либо никуда не поеду.

Малышев молчал. Лопухин не простит ему, если он не вывезет Глебова из столицы до начала выступления рабочих.

- Хорошо. Увидеть ее на расстоянии будет достаточно?

- Вполне. – Алексей поднялся, прошел к вешалке, надел пальто. – Чего вы ждете? Идемте. Сударь.

* * *

Экипаж остановился возле дома, в котором жили Алексей и Лиза. Малышев выглянул наружу, глазами отыскал филера, который был приставлен следить за Глебовой, сел на место и посмотрел на Алексея.

- Мы дождемся, когда ваша жена уйдет, затем поднимемся, и вы возьмете все необходимое вам для поездки, - сухо заявил он.

Глебов молча согласился.

Прошло с полчаса, в экипаже становилось все холоднее, Малышев все больше нервничал, напряженно поглядывая на карманные часы.

Наконец дверь парадной открылась и на пороге возникла Лиза. Его Лиза. Как же хотелось окликнуть ее, подойти, заглянуть в глаза...

- Вы обещали, - раздался предупреждающий голос Малышева. - Не подвергайте ее опасности своими действиями.

Алексей напрягся, сурово сдвинул брови и взглянул на него. Сдержался, хотя желание двинуть здоровяку в физиономию было огромным. Он вновь взглянул на Лизу, шагающую по заснеженной за ночь улице.

- Теперь вы убедились, что с вашей супругой все в порядке?

- Идемте. – Глебов выбрался из экипажа и зашагал к дому. За ним, не отставая, следовал Малышев.

Оказавшись в квартире, Алексей под пристальным взглядом сыскаря собрал нужные вещи, взял с камина семейную фотографию, задумчиво разглядывая ее, остановился перед Малышевым, посмотрел на него.

- Вы давно женаты? – спросил он. Малышев опешил. Откуда Глебов мог узнать о его семейном положении? Но тут же сообразил, что тот заметил белую полосу на пальце, там, где должно было быть снятое им кольцо.

- Думаю, что вы женаты уже относительно давно. – Алексей поставил фотографию на столик и повернулся к сыщику. – Лет семь-восемь, не более. И судя по всему, у вас есть ребенок. Дочь, вероятнее всего.

Малышев не смог скрыть беспокойства: Глебов был во всем прав.

- Вы собрались? Тогда идемте, - раздраженно произнес он.

- Идемте.

Когда они спускались по лестнице, Алексей был доволен собой: ему удалось оставить предупреждение Лизе. Она все поймет.

* * *

Наступило 9 января. Утром с заводских окраин для шествия к Зимнему дворцу стали собираться колонны рабочих. Гапон, только что отслуживший молебен о здравии царя в часовне Путиловского завода, перед выступлением из Нарвского отделения «Собрания» делал последние наставления:

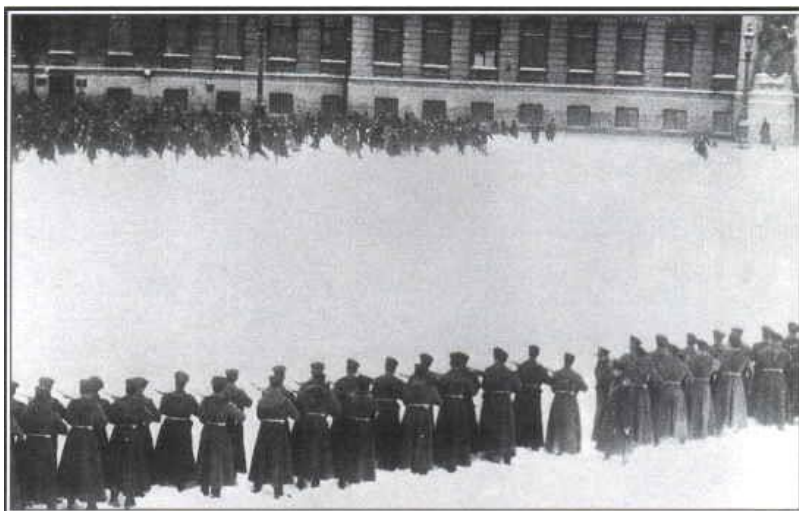
- Ну, вот, подам я царю петицию; что я сделаю, если царь примет ее? Тогда я выну белый платок и махну им, это значит, что у нас есть царь. Что должны сделать вы? Вы должны разойтись по своим приходам и тут же выбрать своих представителей в Учредительное собрание. Ну а если... царь не примет петицию... что я тогда сделаю? Тогда я подниму красное знамя, это значит, что у нас нет царя, что мы сами должны добыть свои права.

Лиза поморщилась. Ей вспомнилась точная оценка Гапона, которую дал Алексей. Лицо ее сразу опечалилось: воспоминания о муже были болезненны и отвлекали от дела. Она вновь сосредоточено уставилась на Гапона.

Он продолжал говорить, и его слова магически действовали на наивных слушателей, воспринимавших его как пророка. В неясных очертаниях развивавшейся над толпой рясы, в каждом звуке доносившегося хриплого голоса Гапона, в каждом слове прочитанных из петиции требований окружавшему люду казалось, что приближается избавление от мучений. В толпе раздавалось: «Пойдем!», «Не отступим!», «Стоять до конца!»...

Как всегда, неподалеку от Гапона находились Васильев и внимательно наблюдавший за происходящим эсер Рутенберг. Лиза предполагала, что Пинхас Рутенберг, в некоторой степени управлявший тщеславным священником, вполне осознает, чем закончится сегодняшнее шествие. Неужели эсеры стремятся к массовому пролитию крови безоружных людей?..

Наконец колонна людей двинулась по улице. Лиза знала, что в этот момент по городу к Зимнему дворцу движутся еще десять подобных колонн, собранных отделами гапоновского «Собрания», в общей сложности примерно 140 тысяч человек. Празднично одетые рабочие с жена-

ми и детьми несли хоругви, образа, кресты и портреты Николая Второго в золоченых рамках. Шествие напоминало крестный ход, люди пели молитвы и здравницы государю императору. Раздавалось: «Спаси, господи, люди твоя...».

Их шествие с песнопением, торжественностью с каждой минутой вызывали в Лизе все большую тревогу. Она, продолжая идти в толпе, оглядывалась по сторонам.

Когда же огромная толпа мирно настроенных людей подошла к площади у Нарвских ворот, колонна наткнулась на солдат и остановилась. Лиза встревожено уставилась вперед. Миша Фрунзе взял ее под руку.

- Держитесь ближе к домам и проулкам, - посоветовал он и исчез в толпе.

И тут раздался резкий звук сигнального рожка. Кавалеристы с шашками¹ наголо во весь опор двинулись на манифестантов. Люди заволновались и поспешно посторонились, а всадники промчались вдоль колонны, разделив ее надвое. Затем, не дав толпе опомниться, кавалеристы промчались тем же путем обратно. Толпа зароптала, но продолжила движение: устрашающий маневр не подействовал – рабочие по-прежнему не верили, что начнут стрелять.

- Стойте! – закричала Лиза. – Они будут стрелять! Стойте!

Находившиеся рядом тревожно и опасливо посмотрели на нее, обошли стороной, двинулись дальше.

Лиза расслышала, как в толпе то там, то тут призывали остановиться, но на рабочих окрики большевиков, а это были товарищи Лизы, не возымели действие.

Лиза застыла на месте, не в силах сделать шаг к смерти. Рядом проходили мужчины, женщины, дети. Лизу охватила паника.

- Стойте же! Они будут стрелять! – закричала она, схватив одну из женщин за рукав. Женщина остановилась, растерянно посмотрела на Лизу, затем на своего ребенка.

¹ Шашка - длинно клинковое рубяще-колющее холодное оружие.

И тут раздался залп. Он прокатился и, замолкая, смешался со стонами и проклятиями. Первыми упали те, кто шел впереди, неся хоругви, кресты и императорские портреты. Лиза выпустила рукав женщины, в шоке наблюдая, как некоторые бросились бежать к домам, другие, опасаясь быть настигнутыми пулями, прижимались к земле.

Стрельба резко прекратилась. Лиза не верила происходящему! Она успела прижаться к стене дома – то ли пытаясь укрыться от пуль, то ли не в состоянии удержаться от пережитого на ногах. Все, кто мог, поднялись, понимая, что надо спасаться. И тут грянул второй залп... пауза... третий... четвертый... пятый!... Те, кто был впереди, упали на мостовую. Повалился старик, в руках которого был царский портрет. Портрет подхватил другой старик, шедший рядом, но следующий залп сразил и его. Упал мальчик лет десяти, державший фонарь с лампадой. Десятки смертельно раненых взрослых и детей, женщин и мужчин бились в предсмертных муках на снегу, по которому разрастались пятна крови. Лиза закричала, но от ужаса голос не слушался ее – губы лишь беззвучно раскрылись, хватая воздух.

Ужас охватил толпу. Люди бросились в разные стороны, толкая и опрокидывая друг друга, прыгая через трупы. Вслед бегущим летели пули. Они настигали даже тех, кто успел укрыться в воротах и за заборами домов.

Рядом вновь оказался Фрунзе.

- Уходите же скорее! – закричал он на нее, схватив и потянув за собой.

Фрунзе втащил Лизу в переулок и прижал к стене. Она испуганными глазами смотрела на него, но не замечала – ей по-прежнему виделись убийства, страх и смерть, которые она наблюдала.

- Лиза, очнитесь!

Фрунзе огляделся по сторонам. Среди спасающихся бегством, он заметил, как двое мужчин уводят отца Гапона в направлении Троицкого моста.

- Вот гад! – прошипел он сквозь зубы и за руку потащил Лизу проулками за собой. Затем остановился, тяжело переводя дыхание.

- Подождите меня здесь! – сказал он и исчез. Прошло несколько минут, прежде чем Лиза осознала, что осталась одна. По щекам ее потекли слезы. И тут страх и шок сменились гневом. Она резко стерла руками слезы с лица и зашагала обратно.

На пути попадались жертвы случившегося.

- За что стреляли?.. По какому закону?

- Вот тебе и царская милость!

- Благодарение Господу, спасли нашего батюшку верные люди...

На опустевшей площади осталось около ста бездыханных тел. Кто-то стонал, истекая кровью. Недавно еще пушистый и белый снег стал багряно-красным, истоптанным, грязным.

Лиза двинулась по площади, ища тех, кому еще можно было оказать помощь. Благо опыт был – около года назад она некоторое время была сестрой милосердия в родном городке, принимавшем раненых в боях русско-японской войны...

Ее взгляд остановился на худеньком студентике, сидящем на земле. Держась за разбитую голову, он со стоном раскачивался из стороны в сторону. Лиза присела на корточки рядом.

- Я помогу тебе, - произнесла она, привлекая его внимание. Разомкнула его руки, осмотрела рану. – Пойдем.

Она помогла ему встать и повела прочь с места побоища.

Внезапно в проулке появился офицер, держа в руках окровавленную шашку. Он неторопливо шел вперед, всматриваясь в жертв, лежащих на земле. И вот остановился, присмотрелся к раненому, занес клинок... и воткнул острие в живую плоть.

Студент с воплем вырвался и бросился к офицеру. Тот оглянулся. Паренек неловко поскользнулся и упал. Золотопогонник быстрыми шагами преодолел разделяющее их расстояние и замахнулся шашкой.

Лиза бросилась к офицеру, успела схватить за руку. Он развернулся к ней всем корпусом, отшвырнул в сторону. Лиза упала, больно ударившись головой, и все же попыталась встать. Паренек тем временем повалил офицера на землю. Лиза, понимая насколько силы не равны, кинулась мальчишке на помощь, но тут же получила сильный удар, вновь сваливший ее с ног.

К ним подскочили двое солдат. Один бросился помогать офицеру, другой развернулся к Лизе и резко замахнулся на нее прикладом. Резкая боль пронзила живот, перед глазами все потемнело, и Лиза потеряла сознание.

* * *

На вокзале Алексея продержали часа два в закрытой комнате. Малышев куда-то ушел. Он был явно встревожен – поезд довольно значительно опаздывал. Когда поезд прибыл, Глебова под конвоем переодетых в гражданское полицейских сопроводили в купейный вагон.

Обстановка на вокзале казалась Алексею несколько необычной: чего-то не хватало, казалось что воздух наполнен тревогой и гнетущим напряжением.

Глебов взглянул на Малышева, сидящего напротив. Еще один сопровождающий их филер сидел рядом с Алексеем. Все молчали. По глазам Малыша Алексей понял, что тот с нетерпением ждет отправления, но поезд не торопился трогаться в путь.

Наконец Малышев встал, прошел к двери, дал распоряжение филеру не покидать купе ни в коем случае, затем вышел и плотно закрыл за собой дверь.

Глебов отогнул край занавески и выглянул в окно.

- Не велено, - услышал он голос филера.

- Что не велено?

- Не велено смотреть в окно.

Алексей окончательно убедился, что что-то происходит. Сел на прежнее место, откинулся на спинку сидения.

- Что вы думаете, сударь, обо всем происходящем?

Филер оторопел:

- Не велено обсуждать!

Глебов наклонился вперед.

- Полноте-с, ведь и вы, и я понимаем, что происходящее значит, - доверительно заметил он.

На лице филера отразилась паника. По-видимому, он поверил в то, что Алексей в курсе происходящего. Но чего «происходящего»?

- Откуда знаете? Вам не положено знать! – сорвалось с губ филера. По всей видимости, его проинструктировали обо всем том, чего Глебову не следует знать.

Алексей некоторое время молчал. Затем достал папироску и закурил. Подошел к окну, приоткрыл створку.

- Не велено!

- Да полноте-с, - отмахнулся он.

Филер не знал, что делать. Пока он в замешательстве обдумывал, что предпринять, Алексей прислушивался к беседе мужчин и дамы, стоящих на перроне.

- Это просто ужасно! – сокрушалась дама, а мужчина тем временем продолжал:

- ...поэтому повсюду расставлены кордоны солдат, которые не должны пропустить колонны рабочих к Зимнему дворцу.

- Неужели будет дан приказ стрелять? – спросил другой.

- Будет? Он дан!

- Это просто ужасно! – вновь воскликнула дама.

Дальше Глебов их уже не слушал: все мысли его были о жене. Получается, что Лиза с утра пораньше вышла из дома для того, чтобы примкнуть к выступлению рабочих. О том, что произойдет потом, или уже произошло, ему было страшно думать.

Тем временем филер, приблизившись к нему, неуверенно произнес:

- Отойдите от окна, сударь. Не разрешено...

Алексей вновь выглянул в окно, будто наблюдал там что-то интересное и забавное. Усмехнулся, поманил охранника взглянуть. Тот поддался искушению, наклонился к окну, чтобы посмотреть, что происходит на перроне... и тут же со всего маху ударился головой о раму. Глебов еще раз стукнул его головой - охранник обмяк - Алексей подхватил его под мышки, усадил на сидение. Затем прислушался все ли спокойно. Неторопливо приоткрыл дверцу, выглянул в коридор, но неподалеку от двери заметил филеров.

Заперев дверь, Глебов подошел к окну и окинул внимательным взглядом перрон. Убедившись, что этот путь самый безопасный, он полностью раскрыл створку. Не медля, Алексей протиснулся в оконный проем и соскочил на перрон под удивленными взглядами окружающих. На ходу застегивая пальто, стал пробираться сквозь толпу.

Алексей торопился: с минуты на минуту должны были обнаружить его отсутствие и начать преследование. Уже когда он пробирался к выходу с вокзала, то заметил Малышева, оглядывающегося по сторонам. Завидев сбежавшего Глебова, тот бросился к нему наперерез, но пробраться сквозь толпу оказалось не так-то просто.

Глебов свернул в сторону, побежал, Малышев за ним. Очутившись на открытом пространстве, Алексей на ходу подхватил с тележки носильщика чемодан, а когда сыщик оказался рядом, резко развернулся и, со всего маху, чемоданом сшиб преследователя с ног. Малышев рухнул, Глебов оглушил его поклажей, швырнул ношу в сторону и рванул бежать. Пока сыскарь приходил в себя, поднимаясь и потирая ушибленную голову, беглец исчез из виду.

* * *

Выстрелы гремели по Петербургу. Залпы по демонстрантам были произведены у Нарвской заставы, близ Троицкого моста, на Васильевском острове, близ Гостиного двора и в других местах города.

Войска и полиция свирепствовали. Передвигаться по городу было не безопасно. На Садовой улице Алексей увидел отряд казаков с обнаженными шашками, окруживших конку¹.

- Кто кричал «убийцы»? - допытывался рассвирепевший казак, размахивая оружием. - Признавайтесь, не то всех порубаем!

Глебов свернул на Мойку и у первых же ворот наткнулся на трупы. На снегу лежал дворник с бляхой на груди, недалеко от него — женщина, державшая за руку девочку. На небольшом пространстве шагов в десять-двенадцать Алексей увидел еще девять трупов, распростертых на заснеженной брусчатке, среди которых были женщины, дети, старики, все ещё державшие в окоченевших руках хоругви и иконы.

- Лиза! Лиза, открой!

Преодолев место побоища, Глебов остановился возле железной решетки, чтобы перевести дыхание, но тут же невольно шарахнулся в сторону — прямо перед его глазами оказался кусок черепа с волосами, примерзший к железным прутьям решетки. Невольно к горлу подкатила тошнота. Алексей отвернулся и быстро зашагал прочь.

Впечатление было удручающее. На лицах встречных людей был виден ужас, у многих - озлобление. Местами встречались уже вооруженные группы рабочих.

Оказавшись возле своего дома, Глебов стремглав промчался по лестнице и стал колотить в дверь своей квартиры.

¹ Конка — вид общественного транспорта, представляющий собой открытый или чаще закрытый экипаж (иногда двухэтажный с открытым верхом - империал). Вагон по рельсовым путям тянула пара лошадей, управляемая кучером.

Его надежды не оправдались – жены не было дома. Алексей в отчаянии еще раз ударил в дверь кулаком и стремительно пронесся вниз по лестнице.

* * *

Алексей Максимович Пешков с любопытством смотрел на непрошенных гостей - в три часа Петр Рутенберг и священник Гапон явились к нему на квартиру.

Гапона было трудно узнать: одетый в пальто и шапку, по-видимому, одного из рабочих, остриженный, обритый, он произвел на Пешкова двойственное впечатление человека значительного и одновременно отталкивающего своим нынешним состоянием. Остановившиеся, полные слез и ужаса глаза Гапона, охрипший голос, дрожащие руки, нервозность, возгласы дополняли неприятную картину.

- Что делать? Что я буду делать теперь? Проклятые убийцы! – повторял Гапон, нервно расхаживая из угла в угол, схватившись за голову.

Рутенберг осуждающе посмотрел на попа:

- Довольно, Георгий! Довольно вздохов и стонов. Рабочие ждут от тебя дела. – Он подошел к священнику и крепко сжал его плечи. - Иди, пиши им!

Гапон, поймав его суровый проницательный взгляд, несколько оправился. Рутенберг отпустил его, прошел к столу, сел, положил перед собой листок бумаги, придвинул чернильницу и перо. Гапон послушно сел на табурет, но затем вновь соскочил, заходил по комнате, хотя больше не роптал. Спустя какое-то время Гапон стал диктовать обращение к рабочим.

- Братья, спаянные кровью... Да, так и пиши - «спаянные кровью»! У нас... у вас больше нет царя...

Пинхас что-то пробубнил под нос, однако писать не перестал.

- Он... убит теми пулями, которые убили тысячи ваших товарищей, жен, детей...

Пешков встал, прошел к окну. Он был удручен тем, что произошло в столице. В его сознании рисовались образы окровавленных трупов, стоны раненых, окрашенный кровью и тающий от нее снег, и безрассудный героизм жертв.

- Кровавое воскресенье... - пробормотал он.

Рутенберг взглянул на него и продолжил писать, не обращая внимания на то, что Гапон замолчал, уставившись в пол.

Пешков оглянулся, не слыша больше отрывистой шумной речи священника. Тот будто опомнился и продолжил:

- И теперь царя, потопившего правду в крови народа, я, Георгий Гапон...

Удары в дверь заставили всех встрепенуться.

Рутенберг потянулся за револьвером.

Пешков прошел к двери:

- Кто там?

- Алексей Максимович, это Глебов, – раздался нетерпеливый голос Алексея.

Пешков обернулся к Рутенбергу и Гапону, отрицательно покачал головой, и Рутенберг убрал револьвер за пояс.

- Одну минуту. - Дождавшись, когда Гапон и Петр уйдут в соседнюю комнату и прикроют за собой дверь, Пешков открыл входную дверь.

- Алексей Максимович, где Лиза? – с порога произнес Алексей.

Пешков с тревогой посмотрел на него:

- Я не виделся с вашей женой со вчерашнего вечера.

- Она что-нибудь вам говорила?

Пешков опустился на стул, снизу вверх посмотрел на встревоженного взбужденного мужчину.

- Она принимала участие в шествии, Алексей Петрович.

Глебов выругался.

- Где?

Пешков сожалеюще пожал плечами.

Дверь в соседнюю комнату предательски заскрипела и, оглянувшись, Алексей мельком заметил мужчину, показавшегося ему знакомым.

Пешков встал, прикрыл дверь и повернулся к Глебову.

- Мне очень жаль, но я не знаю, что с Елизаветой Николаевной.

- А кто может знать? - Алексей заходил по комнате, схватившись за голову, затем рванул в соседнюю комнату. – Я знаю, кто!

Его появление застало Рутенберга и Гапона врасплох. Ударом двери Глебов сшиб Пинхаса с ног и рукой вцепился в горло Гапона.

- Ты! Это все ты!

Гапон захрипел, не в силах разжать пальцы Алексея. Рутенберг выхватил револьвер и наставил на Глебова.

- Не стреляйте! – закричал Пешков. – Алексей, отпустите отца Георгия!

Пинхас внял его словам – выстрел мог привлечь внимание - поэтому бросился к Глебову, схватил его за плечо, рванул к себе...

Алексей пошатнулся, его будто понесло в темноту, закружило. Бледное лицо Рутенберга с веревкой в руках... Гапон с петлей на шее...

Очнулся он от запаха нашатыря.

- Ну вы его и приложили, Пинхас, - раздался рядом осуждающий голос Пешкова.

- Да я его и пальцем не тронул...

Алексей открыл глаза.

- Ну, слава Богу, вы очнулись! – Пешков убрал ватку с нашатырем в сторону.

Глебов кинул взгляд на Рутенберга. Пинхас невольно вздрогнул:

- Я вас вспомнил, – он отступил в сторону, – и ее... Ваша жена, она была сегодня в колонне...

- Где она?! – Алексей вскочил с места. Рутенберг вновь сделал шаг назад.

- Не знаю. Нас обстреляли у Нарвских ворот...

Глебов сжал кулаки, резко развернулся и направился к выходу. Но вдруг вспомнив, оглянулся, шало посмотрел Рутенбергу в глаза.

- Вы тоже «это» видели?

Пинхас вздрогнул, побледнел.

Алексей развернулся и вышел из квартиры.

- Что видел? – поинтересовался недоумевающий Пешков у растерянного Рутенберга.

- Чертовщина... - непроизвольно слетело с губ Петра.

Из соседней комнаты выглянул Гапон и, убедившись, что неожиданный визитер ушел, вышел из укрытия.

- У вас небезопасно, Алексей Максимович. Завтра переберемся к литератору Батюшкову, от него куда-нибудь еще, - заявил он хриплым голосом, потирая горло.

Рутенберг взглянул на него, отвернулся, отошел к окну. Отодвинув занавеску, увидел спину удаляющегося Глебова. Тряхнул головой, прогоняя наваждение...

- Нужно покинуть пределы империи, - заявил он. – Как только будут необходимые документы, мы выедем за границу...

* * *

Кареты «скорой помощи» развозили раненых по лазаретам, госпиталям и больницам. Полицейские и солдаты подбирали трупы, иногда силой отбивая их у обезумевших от горя людей. Отдельные отряды продолжали наводить ужас на тех, кто ослушался предупреждения властей: проявлял вооруженное сопротивление или бродил по улицам столицы...

Алексей, предусмотрительно избегая ненужного контакта с кем-либо, спешил добраться до Нарвских ворот. Однако вблизи площади, не дойдя всего лишь несколько десятков шагов, натолкнулся на казаков. Отряд со свистом, улюлюканьем, хохотом излавливал арканами попадавших им прохожих.

Глебов свернул в проулок, желая дворами обойти неприятное соседство, но пройдя пару шагов, услышал за спиной цокот подков. Он оглянулся - казак, показавшийся из-за угла, пришпорил лошадь. Алексей отскочил в сторону, и вовремя - всадник промчался совсем рядом. Осадив лошадь, казак развернул ее и, усмехаясь, вновь направил на Глебова. Пришпорил.

Алексей быстро огляделся. Схватил с земли металлический прут, выломанный кем-то из ограды, и приготовился. И вот лошадь совсем рядом. Глебов уклонился и со всего маху ударил ее по крупу - лошадь взвилась на дыбы и сбросила седока.

Свалившийся казак быстро оправился и с руганью поднялся на ноги. Смахнув снег с перекошенного от злобы лица, он выхватил пашку и кинулся на Алексея. Глебов отбил удар прутком, но поскользнулся и упал. Казак ударил - Алексей увернулся в сторону, сделал подсечку и опрокинул противника на спину. Не дав опомниться, выбил из руки пашку, прижал его к земле и стал бить по физиономии.

К этому моменту из-за угла вывернули еще двое казаков. Завидев своего товарища на снегу, они оголили шашки и пришпорили лошадей. Когда осталось преодолеть небольшое расстояние, разделяющее их, из проулка, им наперерез, вылетел экипаж и преградил дорогу. Из экипажа выскочил Малышев, на ходу выхватывая из-за пазухи документ, вытянул руку вперед, закричал:

- Отставить! Особые уполномоченные Департамента полиции! Отставить!

Всадники осадили лошадей, но шашки не убрали. В один момент, подскочив к Глебову, Малышев грубо схватил его за ворот, однако тут же получил от озлобленного Алексея удар и отлетел в сторону. Казаки рванули вперед.

- Стоять! – завопил Малышев. Его филеры схватили Глебова, повалили на землю, завернули руки за спину. Алексей от бессилия яростно зарычал.

Казак, сжимая шашку, поднялся на ноги и, качаясь из стороны в сторону, ринулся к нему.

- Не смей! – В руке Малышева оказался револьвер. Он предупредительно пальнул в воздух.

Казак остановился, чертыхнулся, сплюнул на снег кровавую слюну. Его товарищи, оказавшись под дулами револьверов одного из филеров, не осмелились двинуться с места.

- А теперь мы, без лишнего шума, разойдемся, - заявил Малышев. Он кивнул филерам, и они отступили к экипажу.

Оказавшись возле экипажа, Малышев схватил Глебова за плечо и от души врезал под дыхло. Алексей согнулся, хватая ртом воздух. Его без церемоний запихнули внутрь, Малышев и филеры заскочили следом, и экипаж быстро помчался по улице, провожаемый мрачными взглядами озлобившихся казаков.

* * *

- Что же вы делаете, господин Глебов, - пожурил Алексея Лопухин, хотя во взгляде директора Департамента полиции не было ни капли доброты.

Алексей исподлобья взглянул на него.

- Вы обещали мне, что с моей женой ничего не случится, - сквозь зубы процедил он.

- Не торопитесь с выводами, господин Глебов. При всем том, что я лишь обещал не наносить вред вашей дражайшей супруге, я не обещал вам удерживать ее от всякого рода глупостей. Ваша жена участвовала в антиправительственном шествии... Но не беспокойтесь, с ней все в порядке.

- Где она?

- В одном хорошем месте. О ней позаботились.

- Она арестована?

- Нет. Не арестована. Хотя следовало бы арестовать.

Глебов смотрел на Лопухина и стремительно обдумывал полученные сведения. При всех сложившихся обстоятельствах Лопухину выгоднее было бы арестовать Лизу и тем самым заставить Алексея работать на него. Но Лопухин этого не сделал. Спрашивается, почему?

- Я хочу увидеться с ней.

- Это невозможно.

- Я никуда не поеду, пока не увижусь со своей женой.

Лопухин снял пенсне, неторопливо протер платком. В стране началась революция, а значит, активизируются Боевые организации. Произойдет ряд политических покушений на видных государственных чиновников. Лопухин считал, что должен заранее знать, откуда ждать предательского удара. Искать же вместо Глебова кого-либо иного - не было времени.

- Хорошо. Завтра с утра вас отвезут к ней. После встречи с женой вас доставят на вокзал, и вы отправитесь за границу. И не пытайтесь бежать. Повторного побега с вашей стороны я не потерплю - вас подстрелят, а ваша супруга окажется в тюрьме. И я обещаю, что в тюрьме смерть привидится ей счастливым избавлением.

- Я сдержу слово. – Глаза Алексея недобро блеснули. - Я найду Валентина. Добуду сведения, которые вам нужны. В обмен на безопасность моей жены.

Лопухин снисходительно улыбнулся:

- Сделайте работу, Глебов. Главное - сделайте работу...

* * *

Перед Лопухиным лежала тощая папочка с надписью «Положение в Петербурге после 9 января». В ней находилось несколько агентурных донесений. Он открыл папку и пробежался глазами по одному из них. Агент по кличке «Ржаной» сообщал: «Положение на заводе спокойное, почти половина рабочих исправно трудится, и разговоры о забастовке притихли. Усилились разговоры о предстоящем захоронении жертв 9 января, которое де следует использовать для демонстрации против кровавого режима дома Романовых и для высказывания проклятья военным, стрелявшим в народ».

Лопухин хмуро свел брови, придвинул к себе письменные принадлежности и сделал надпись на донесении: «Ввиду повсеместного распространения этих разговоров, необходимо рекомендовать генерал-губернатору принять меры, чтобы захоронение происходило на разных кладбищах в разное время». Он отложил донесение в сторону и принялся за другие.

Закончив их прочтение, Лопухин отодвинул папку в сторону, взял чистый лист бумаги и скрепя сердце принялся писать доклад императору.

Слова приходилось подбирать тщательнейшим образом, поэтому скрупулезно продумываемый текст скоро стал содержать жирные поправки. Доклад был ответом на требование царя дать ему исчерпывающую справку о событиях 9 января, Лопухин же находился в очень сложном положении и пытался из него выкрутиться. Он понимал, что означает «царская немилость», так как знал неких лиц, кого коснулась сия кара. Так, Зубатов еще при Плеве по повелению царя получил отставку и был выслан из столицы. Не говоря уже об опале Витте! А вот у Фуллона сдали нервишки, и вечером того же 9 января градоначальник сам передал прошение об отставке.

Лопухин вздохнул. Потерять пост и оказаться в опале наподобие Зубатову или, того хуже, как Витте? Ну уж нет! Лишиться привилегий и власти Лопухин не желал. Однако, ни привилегии, ни власть, ни деньги ему уже будут не нужны, если его убьют террористы. Не свершил ли он глупость всей своей жизни, передав важную миссию в руки афериста?

Лопухин сгоряча толкнул папку - чернильница покачнулась и упала. Черные чернила разлились грязным пятном по деревянной полированной поверхности стола.

Лопухин чертыхнулся, раздраженно позвонил в колокольчик.

- Приберитесь тут, - дал распоряжение он и повернулся к окну.

Вечерело. По улицам Петербурга кружила поземка: поднимаемый ветром снег заметал следы намеренного свершенного преступления...

* * *

За окнами больницы раздавалась песня:

*«Побежденный на Востоке,
Победитель на Руси, —
Будь ты проклят, царь жестокий,
Царь, запятнанный в крови!»*

Голос кричал:

- Отец провозгласил для нас, братья: «У нас больше нет царя... Берите бомбы и динамит, - все разрешаю!»

Палаты были забиты ранеными. Кто-то стонал, кто-то причитал, кто-то звал доктора. Лиза лежала на одной из кроватей, бледная как мел. Ее без кровинки лицо застыло в глубокой печальной маске. Лизе не хотелось думать. Ей хотелось забыть, не вспоминать, не ощущать. Не ощущать ту пустоту, которая образовалась внутри. Не думать о беременности, о которой она и не догадывалась, не ощущать потерю ребенка, и не только этого ребенка, но и последующих, других...

Рядом послышались шаги, кто-то присел на край кровати. Лиза даже не посмотрела в сторону пришедшего.

- Лиза, доктор сказал, что мы можем забрать тебя, — произнесла Катя Шмит, положив свою теплую ладошку на холодную руку подруги.

Она не шелохнулась.

- Лиза... Может быть все еще обойдется... Может, доктор ошибается... - попыталась приободрить ее Катерина.

Слеза скатилась по щеке Лизы.

- Ничего уже не обойдется... Понимаешь... Не обойдется...

Подруга крепко обняла ее. Поцеловала в плечо.

- Лизонька, ну, не надо, не надо...

Лиза всхлипнула. Она не сможет простить себе безрассудную неосторожность. Алексей всегда хотел, чтобы у них были дети. Теперь этого никогда не произойдет...

* * *

Глебов быстро шел по больнице, заглядывая в палаты. Малышев шагал следом. Низенькая хрупкая сестра милосердия попыталась их остановить:

- Господа! Господа, вам нельзя!

- У нас разрешение, - сохраняя полную невозмутимость, ответил Малышев.

- Чье разрешение?

Малышев сурово взглянул на настойчивую девицу и повторил:

- У нас разрешение.

Тон его голоса заставил ее отшатнуться.

- Может быть, все-таки спросишь меня, в какой она палате? – обратился он к Глебову. Алексей обернулся, с нескрываемой враждебностью посмотрел на него.

- Где?

- Палата в конце коридора. И ее выписывают сегодня.

Последние слова Малышева полетели Глебову вдогонку: Алексей быстро зашагал по коридору.

Заглянув в палату, Глебов увидел Лизу. Она стояла возле кровати одетая в теплое дорожное платье и пальто и в печальной задумчивости натягивала на руки перчатки.

- Лиз! – облегченно воскликнул Алексей, шагнув к ней, однако выражение ее лица остановило его. – Дорогая, с тобой все в порядке?

- Со мной все в порядке, – ответила она. Отвернувшись и отошла к навесной ширме.

Алексей сжал зубы. Жена делала ему больно своей отстраненностью. Лежащие на соседних койках с любопытством смотрели на них.

- Я отвезу тебя домой, – произнес он, делая решительный шаг в ее сторону.

- Не стоит, – упреждающе ответила она и отступила. – Я уезжаю в Москву.

Это был ощутимый удар с ее стороны. Глебов резко задернул ширму, скрывая их от посторонних глаз. Приблизился к жене.

- Со Шмитами? – спросил он с сарказмом.

Лиза молчала.

- Это так?

- Я так решила. – Она напряженно выпрямила спину.

- Решила, значит? – Алексей начал закипать. Глубоко вдохнув, попытался взять себя в руки.

Огромным желанием было взвалить жену на плечо и насильно увезти с собой. Но куда?! Лопухин втянул его в свои грязные игры и ясно предостерег о последствиях, если Алексей не будет с ним сотрудничать. Он не допускал и мысли поставить Лизу под угрозу, а при сложившихся обстоятельствах остаться с ней он не мог. Однако отпустить ее было сверх его сил!

- Ты не забыла? Ты моя жена! – предостерегающим шепотом сказал он.

Она отвернулась. Помолчала. Вдохнула. Затем ответила:

- Я хочу пожить одна – без тебя. Понять, как быть дальше.

- Нонсенс! – Алексей резко развернулся, не находя себе места. Хлопнул ладонью по стене.

Лиза посмотрела на него грустными глазами.

- Ты хотел уехать. Уезжай. Я не держу тебя...

- Так в этом все дело? Ты не можешь простить мне... - Алексей горько рассмеялся. Затем стал серьезен. - Да, я был очень расстроен тем, что увидел... - он скрежетнул зубами. - Однако ты дала мне повод.

Лиза заткнула уши:

- Я не хочу это слышать!

Наступила тягостная тишина. Лишь за ширмой кто-то тихо кашлянул и притих.

- Прости. - Глебов обреченно вздохнул. - Сейчас не время и не место выяснять отношения.

Лиза опустилась на край койки. Алексей нервно взъерошил волосы, видя, насколько расстроена его жена. Он вздохнул, подошел к ней, опустил на колено, осторожно взял за руки.

- Все, что мне нужно - это твоя любовь, - сказал он, пытаясь заглянуть ей в глаза.

- И тебе этого будет достаточно? - Лиза с малой долей надежды посмотрела на мужа.

- Да. - Он крепко сжал ее пальцы. Однако Лиза в нерешительности колебалась.

- Но, помимо любви, тебе нужен домашний уют... дети? Ведь так?

- Да, так... Лиз...

Она резко отвернулась:

- Тогда тебе нужна другая жена.

- Что?

Лиза судорожно вздохнула, встала и отошла в сторону:

- Я никогда не стану такой женой, какую хочешь ты.

Глебов поднялся, раздраженно вздернул подбородок:

- Раз я женился на тебе, значит, такая жена и была мне нужна! Еще есть какие-то сомнения?

- Перестань мучать меня!

- А ты меня!

Лиза замолчала. Замолчал и Алексей.

Глебов вновь заговорил первый:

- Послушай, Лиз, обещаю, у нас все наладится...

Лиза судорожно набрала воздух в легкие:

- Мы должны расстаться...

Ее слова сразили Алексея. Он побледнел.

- Это все из-за Шмита? - Он схватил ее за руку. - Шмит тебе нужен, да? Признайся - Шмит?

- Прекрати! - Лиза вырвалась из его рук, выскочила наружу. Алексей последовал следом, однако, запутавшись в навесной ширме, отстал. Лиза уже выбежала в коридор. Глебов кинулся вдогонку, задев плечом Малышева.

- Лиза!

Она оглянулась. В ее глазах читалась отчаянная решимость:

- Оставь меня!

Лиза подхватила подол платья и бросилась по коридору к идущей ей навстречу Кате Шмит. Лиз схватила ее за руку. Катя взглянула на Глебова, взяла подругу под руку и повела прочь. Неизвестный Алексею господин, сопровождавший Катю, последовал за ними.

Лиза ушла, а Алексей больше не стал останавливать ее. Он все еще смотрел туда, где она скрылась за поворотом, когда Малышев подошел к нему.

Глебов склонил голову. Он сейчас ненавидел их всех: Шмита, Лопухина, Малышева. Сдерживаемая ярость готова была вырваться наружу. Он сжал кулаки. Скажи Малышев хотя бы слово, Алексей бы выплеснул на него всю свою злость. Но сыщик молчал. Глебов кинул на него взгляд исподлобья, однако лицо Малышева было бесстрастным.

- Я готов ехать, - сквозь зубы процедил Алексей и зашагал по коридору. Малышев последовал за ним.

* * *

Лиза в сопровождении Кати вошла в квартиру, где проживала последние месяцы с мужем, и печально осмотрелась, словно была здесь в последний раз. Катя коснулась ее руки, Лиза грустно взглянула на нее и направилась собирать вещи. Подруга помогла ей. Наконец, упаковав вещи, они присели на дорожку.

В квартиру вошел знакомый Кати - адвокат Андриканис¹, сопровождавший ее в больнице, и взял чемоданы.

Перед входной дверью Лиза остановилась. Затем вернулась к столику в гостиной и схватила фотографию. Алексей переставил ее! А это значит, что ей грозит опасность!

- Что случилось? – спросила встревожено Катя.

Лиза посмотрела на нее:

- Я думаю, за мной следят!

- Почему ты так решила?

- Вот, взгляни. Алексей переставил нашу фотографию с камина на столик. Это наш условный знак опасности.

- Но почему в больнице он ничего тебе не сказал?

Лиза неуверенно пожала плечами.

- Я не знаю.

- И что же теперь делать?

Лиза осторожно выглянула в окно, но слежку не обнаружила. Затем повернулась к подруге.

- Я не могу подвергать вас опасности, - сказала она.

- Тебе нельзя здесь оставаться. Прежде всего, мы уедем в Москву и там решим, что предпринять.

Лиза помолчала. Провела пальцами по изображению мужа. Вернула фотографию на прежнее место.

¹ Николай Адамович Андриканис (1876-1947) - юрист, участник революции 1905-1907 гг.

- Хорошо, - согласилась она и шагнула к порогу.

* * *

Спустя час, Алексей, столь же хмурый, как и выдавшийся морозный январский день, сидел в купе вагона. Малышев читал, или делал вид, что читает, газету «Русское слово» и словно не обращал на Глебова внимание.

На обороте газеты статья гласила:

«Под Мукденом. Чансямутунь. 10-го января. Здесь теперь оттепель. Сильный южный ветер носит облака пыли и песку. Участившиеся залпы осадных орудий раскатываются с необыкновенной силой. Итак, русско-японская война продолжается, а недовольство масс растет».

Попутчик перевернул страницу.

«Официальное сообщение. Петербург, 10-го января.

Фанатическая пропаганда, которую в забвении святости духовного сана вел священник Гапон, и преступная агитация злоумышленных лиц возбуждали рабочих настолько, что 9-го января огромная толпа стала направляться к центру города.

В некоторых местах между ними и войсками вследствие упорного сопротивления толпы подчиняться требованию «разойтись», а иногда даже нападения на войска, произошли кровопролитные столкновения. Войска вынуждены были произвести залпы...

Общее число потерпевших от выстрелов по сведениям, доставленным больницами и приемными покоями, к 8 часам вечера составляет убитыми 76 человек, в том числе околоточный надзиратель, ранеными 203 человека...»

Глебов отвернулся к окну. Поезд набирал скорость, унося его прочь из Петербурга и... от жены. Алексей хмуро свел брови. Вот также быстро, как этот поезд, он и Лиза отдаляются друг от друга. И нет возможности все исправить, навести мосты. Как так вышло? Она так настойчиво отталкивала его, будто он ничего не значит в ее жизни! Раз так, то пусть... А что «пусть»? Что? Отказаться от нее? Забыть? Можно ли?

Глебов настолько глубоко погрузился в раздумья, что Малышев некоторое время, не таясь, открыто наблюдал за ним. Дорога предстояла неблизкая. Да и работа ожидала не из легких. А подопечный и вовсе непредсказуем. С ним нужно держать ухо востро.

Малышев посмотрел на свою руку, потер безымянный палец там, где белела полоска от снятого с пальца обручального кольца. Каждый раз, выходя из дома, он снимал его. Потому что опасался. Опасался постороннего вторжения в свой уютный семейный мирок...

Глава 2. Азеф

*Январь 1905 г. Франция,
Париж*

Париж! Глебов любил этот город, расположенный по обе стороны реки Сены. Алексей знал каждый проулок, каждое укромное местечко. Его авантюрную натуру притягивала «колыбель» Парижа - остров Сите: здесь были Консьержери¹, Сент-Шапель², Нотр-Дам-де-Пари³. «Оцени силу правосудия, понеси наказание и покаяйся» - так он с усмешкой называл остров...

Особые чувства Алексей питал к свободолобивому Монмартру⁴. После смерти дяди, оставшись без средств к существованию, изгнанный из университета, в Петербурге он наделал ошибки, чуть не сломавшие его. Прибыв в Париж, Глебов нашел прибежище именно в Монмартре - среди бедных художников и поэтов, снимавших комнатухи в Бато-Лавуар⁵. В этом захудалом общежитии не было света, комнатки отапливались печками-буржуйками, а имеющийся единственный водопроводный кран обслуживал все пять этажей. Однако жители Бато-Лавуар – «парижская богема» - не унывали, веселились и прожигали жизнь в «Проворном кролике» «Чёрном коте», «Мулен Руже»⁶. Глебов сам бывал здесь не раз: продолжал картежничать, проворачивать мелкие аферы, а затем - тратил, тратил, тратил - в тех же кабаре и на тех же людей, что обманул и обыграл...

А потом Алексей стал частью этого города и этой жизни. Душевные раны затянулись, вкус к жизни постепенно возвращался, обретая нотки беспечности, лихой бесшабашности и веселья...

¹ Нотр-Дам-де-Пари (Собор Парижской Богоматери) - католический собор, географическое и духовное «сердце» Парижа.

² Сент-Шапель (Святая капелла) - готическая часовня на территории Королевского дворца (позже Консьержери).

³ Консьержери - бывший королевский замок и тюрьма, часть комплекса Дворца правосудия.

⁴ Монмартр (Гора Мучеников) – название холма на севере Парижа и поселения. В конце XIX в. - богемный квартал.

⁵ Бато-Лавуар («Плавучая прачечная») - общежитие на Монмартре, обитель многих знаменитых художников.

⁶ Прим. автора: Известные кабаре в Париже.

В Париже - и на шикарных улицах, и в трущобах - сохранялась жажда удовольствий и впечатлений. Здесь мужья говорили комплименты своим женам и в то же время успевали ухаживать за женами других мужей. Неумное желание испытать полноту жизни зачастую было единственным мотивом, перемещаться от одного салона или кабаре к другому, от одной спальни к другой...

Улицы Парижа затягивали непрерывной сменой впечатлений. Играли музыканты, торговцы навязывали свой товар, бранились извозчики, которые после ссоры обменивались рукопожатием и пропускали по стаканчику вина... На пути встречались словоохотливые девицы, улыбчивые, с лучезарными глазами, часто раздавался непринужденный смех...

Когда одолевала усталость или же хотелось тишины, покой и уют давали укромные терраски кафе, которых имелось тысячи в Париже. Кофе, круассаны, вино, сигареты... При желании можно было написать письмо - учтивый *garçon*¹ бесplatно приносил бумагу. А потом опять - в городскую суету²...

Париж!.. Париж сделал Глебова таким: излечил, вскормил, испортил. Да, он любил Париж и чуточку презирал и ненавидел... Но не смотря на это, не мог не попасть под его окутывающие чары.

Вот и сейчас, прибыв во французскую столицу, Глебов ощутил его притягательную силу: город манил его, звал окунуться в атмосферу свободы и прожигания жизни, однако для нынешнего Алексея он был ловушкой и таил опасность...

- Эй! – крикнул Малышев, заметив, что Глебов, натянув поглубже шляпу, подхватил чемодан и отправился к выходу с вокзала.

- Поторопитесь, - последовал ответ Алексея, и не думавшего остановиться.

Малышев хмуро последовал за ним – еще не хватало потерять Глебова из виду.

Сев в коляску, Малышев распорядился извозчику следовать в гостиницу, однако Алексей перебил его и назвал другой адрес.

- Господин Глебов, вы забываетесь! – Малышев схватил его за плечо. Алексей смерил его надменным взглядом.

- Сударь, это вы забываетесь, - процедил он сквозь зубы. Сыскарь отпустил его и сложил руки на груди.

Извозчик недоуменно смотрел на двух иностранцев.

Глебов повторил адрес, кучер тронул лошадей, и коляска покатила по выложенной брусчаткой дороге.

- Потрудитесь объясниться, - сказал Малышев. - Надеюсь, мне не нужно вам напоминать, по какому делу мы здесь оказались. В ваших интересах сотрудничать со мной.

- Господин Малышев, – в голосе Алексея зазвучали стальные нотки, - вам не приходило в голову, что находиться в Париже для меня не безопасно?

- Вас ищет французская полиция?

- Не только.

¹ Официант (фр.)

² Прим. автора: Описание Парижа взято из драмы «Вчерашний мир» австрийского писателя Стефана Цвейга.

Коляска остановилась возле одного из магазинчиков одежды. Расплатившись с извозчиком, они прошли внутрь. К ним навстречу вышел хозяин магазина. Узнав Алексея, он перевел взгляд на Малышева, затем указал на дверь в подсобку.

- Ждите здесь, - сказав это, Алексей последовал за хозяином магазина. Малышев не стал с ним спорить, однако прислушался к тому, что происходило в соседнем помещении. Глебов разговаривал с французом. Хозяин вышел. Вскоре появился и Алексей с небольшим чемоданчиком в руках.

Малышев вначале его не признал - Глебов изменился: усы и борода прибавили ему лет эдак десять, очки отвлекали от выражения глаз. Напомаженные волосы были тщательно зачесаны назад. Костюм сидел свободно, скрывая подтянутую фигуру. Манера держаться тоже изменилась. Перед ним стоял ничем не приметный среднестатистический мужчина европейской внешности, среднего достатка, каких встретишь на улице и не запомнишь...

Хозяин магазина с ожиданием посмотрел на Малышева.

- Заплатите, сударь, - произнес Глебов, поправляя одной рукой воротничок.

Малышев скрыл, как впрочем, и всегда, свое недовольство, вынул портмоне, извлек из него несколько купюр, но под пристальным взглядом хозяина магазина, добавил еще несколько бумажек сверху. Вдохнул. Хозяин магазина произнес «merci¹» и вернулся за прилавок.

* * *

Извозчик ловко управлял экипажем, везя двух иностранцев до одной из неплохих, по его мнению, однако, недорогих гостиниц столицы.

Господа молчали. Малышев смотрел по сторонам, не обращая внимания, или стараясь не обращать внимания, на внешне изменившегося Алексея.

- Вам нужно расслабиться. За версту несет, что вы легавый, - констатировал Глебов, даже не повернувшись в его сторону.

Малышев хмуро свел брови, однако, не удостоил «подопечного» и взглядом. Алексей продолжил:

- Я уже не говорю о ваших людях, которые ведут нас с самого вокзала.

На этот раз Малышев внимательно посмотрел на него. Как Глебову удалось их приметить?

Алексей усмехнулся:

- Не будьте предсказуемы. Я блефовал².

Малышев вернулся на прежнее место и вновь стал лениво смотреть по сторонам.

- Надеюсь, ваши люди окажут помощь, если возникнет необходимость?

- Нет, - ответил он коротко и бесстрастно.

- Следовало полагать, - Глебов с сарказмом усмехнулся. Значит, его будут непрестанно пасти, а в случае необходимости выкручиваться ему придется самому.

¹ Спасибо (фр.)

² Блефовать - преднамеренно вводить в заблуждение, обманывать, создавая ложное представление.

Алексей оставил Малышева в покое и погрузился в раздумья. Еще в пути во Францию он ломал голову над тем, что же подвигло Лопухина выбрать его кандидатуру для столь щепетильного дела. Неужели во всей полиции не нашлось ни одного стоящего агента? А может Лопухин опасался тех людей, которые его окружали и не доверял им настолько, что предпочел его - афериста?

Глебов невесело усмехнулся. А ведь придется играть по их правилам, ведь, не смотря ни на что, Лизу в опасности он не оставит...

Итак, есть цель – найти Валентина. А для этого нужно расколоть Азефа. Лопухин был уверен, что этот осведомитель полиции знает намного больше, чем говорит. Но как заставить Азефа заговорить? По сути, Алексей мало что знал о нем. Какие-либо умозаключения можно сделать лишь только после наблюдения за объектом, выявив его привычки, интересы, слабости. А потом умело ими воспользоваться...

- Осторожно! – крикнул Алексей, заметив, как женщина ступила с тротуара на дорогу поднять откатившуюся шляпную коробку. Возничий замешкался, Глебов схватил поводья, натянул. Хорошо, что экипаж ехал не особо быстро, иначе...

Алексей выпрыгнул из экипажа и подскочил к упавшей женщине.

- Вы в порядке? – спросил он по-русски, помогая ей подняться.

- Je ne comprends pas¹, - ответила белая как мел женщина и посмотрела на него испуганными глазами.

Она была красива. Брюнетка с большими выразительными глазами и притягивающими взгляд яркими губами. А ее стройное гибкое тело было приятно придерживать за талию.

- Pardon², – Глебов перешел на французский. - С вами все в порядке?

Он отстранился от нее, однако женщина покачнулась, и, закатив глаза, стала оседать. Алексей, подхватив ее за талию, прижал к себе.

Рядом засуетился возничий, что-то бормоча, схватился за голову. Малышев же стоял совершенно спокойный.

- Что с вами? - Алексей легонько похлопал женщину по щеке.

Она открыла глаза.

- Мне плохо... У меня кружится голова...

- Сотрясение, - сделал вывод Малышев, засунув руки в карманы.

¹ Я не понимаю (фр.)

² Извините (фр.)

Глебов кинул на него взгляд, подхватил женщину на руки и осторожно усадил в экипаж.

- Мы доставим вас к доктору, - сказал он, однако женщина отрицательно помахала изящной ручкой.

- Нет, нет... Лучше отвезите меня в гостиницу. – Она мимолетно коснулась пальчиками лацкана его пальто. Глебов проследил за ее жестом.

- Хорошо, мадам, - уступил он.

Малышев промолчал, хотя ему явно не понравилось его решение. Возничий же был рад подобному исходу дела, быстро подобрал с дороги шляпную коробку незнакомки и занял свое место на козлах.

Его пассажиры расположились в экипаже. Женщина назвала отель, где проживала.

- Гранд-отель? – повторил Алексей и посмотрел на Малышева. – Нам тоже стоит остановиться там. – Затем повернулся к прекрасной незнакомке.

Она была все еще бледна, однако шок прошел, и теперь она смущенно смотрела на них.

- Прошу простить меня за доставленное неудобство, - произнесла она.

- Ну что вы, - Глебов слегка наклонился в ее сторону, - это мы приносим свои извинения за случившееся.

Женщина улыбнулась.

- Позвольте представиться. Меня зовут Глебов Алексей.

Она взглянула на его попутчика, и Алексей вскользь представил и его.

- Месье Малышев.

- Леди Маклеод, - назвалась она.

- Леди Маклеод, - повторил Глебов, смотря ей в глаза и улыбаясь. Фривольтно поцеловал ей ручку. Женщина улыбнулась и ответила ему кокетливым взглядом.

* * *

Алексей сидел в уютном кафе и неторопливо попивал кофе. За столиком неподалеку с газетой в руках расположился Малышев.

Глебов вздохнул. Отвернувшись к окну, он задумчиво уставился на улицу. Уже несколько дней он следил за Азефом. Он – за Азефом, а Малышев – за ним. Хотя Алексей и старался не обращать внимания, все же присутствие полицейского угнетало и тяготило его.

Единственным, что не обременяло Глебова и доставляло ему удовольствие, было знакомство с леди Маклеод. Маргарет умело пользовалась своей красотой и обаянием. Когда она находилась рядом с Алексеем, он отчетливо замечал, как мужчины с завистью смотрят в его сторону. Порой казалось, что в обществе Греты он забывал о Лизе и о той ране, что она ему нанесла. Ему хотелось бы вовсе забыть... Но Малышев всем своим видом напоминал Глебову, почему и для чего они прибыли в Париж.

Алексей вздохнул, оторвавшись от своих размышлений. Взглянув на массивные часы в углу, он вновь посмотрел на улицу. Как всегда в это время - из дома напротив вышел крупный мужчина. Это и был Евно Азеф.

Плотный, широкоскулый, с круглым лицом и торчащими ушами, с плоским носом и толстыми губами Азеф своим внешним видом мало располагал к себе. С его крупным телом нелепо соединялся писклявый тонкий голос. И все же, несмотря на свой непривлекательный вид, Азеф умел с удивительным тактом и мастерством располагать к себе собеседников. Натура его была двойственной: с одной стороны образцовый супруг, нетерпимый моралист - окружающие считали, что он не прикасается ни к табаку, ни к спиртным напиткам, ни к женщинам, - с другой стороны гуляка и развратник. Он был завсегдатаем мюзик-холлов, кафе-шантанов, кабаре и вертепов, где его можно было встретить в обществе экстравагантных роскошных дам, на которых он тратил деньги. Не обошлось и без наличия любовницы - танцовщицы кабаре, которую он содержал и одаривал дорогими подарками...

Глебов расплатился за кофе и, когда Азеф зашагал по тротуару, вышел из кафе и последовал за ним. Как тень, к нему присоединился Малышев. Раздражение вновь нахлынуло на Алексея - Малышев мешал ему работать.

Спустя какое-то время Азеф свернул к ювелирному магазину и исчез за его дверьми. Выждав немного, Алексей вошел внутрь.

Стоя у витрины, Евно Азеф основательно, придирчиво выбирал предлагаемые ювелиром украшения. Помощник ювелира, завидев Глебова, переключил все свое внимание на него, и, подобострастно улыбаясь, поинтересовался, что месье желает.

Алексей взглянул на выложенные в стеклянной витрине драгоценности. Вспомнил о Маргарет. Вчерашний вечер он провел у нее. Грета была потрясающей в постели, выполняла любые прихоти. Пластичная, гибкая, податливая... При этом уязвимая и потерянная. Алексею инстинктивно хотелось ее защитить. А это был сигнал не затягивать отношений. Он всегда умел вовремя и красиво распрощаться с любовницами. Расставание предстоит и с Гретой. Довольно скоро. Нужно сделать так, чтобы это не было для нее мучительным и горьким...

Алексей попросил показать ему золотой с драгоценными камнями браслет. Грете он понравится...

Тем временем Евно Азеф приобрел великолепное (а в этом-то Глебов хорошо разбирался) жемчужное ожерелье.

- Прекрасный выбор, месье, - одобрил заискивающе ювелир. - Дама вашего сердца будет в восторге.

Азеф смешался, кашлянул:

- Это для моей жены...

- Да, конечно, месье. – Ювелир и глазом не моргнул.

Глебов в душе готов был посмеяться - объяснение Азефа позабавило его. Он видел его жену. Она была непритязательная, простенько одетая женщина. Дорогое жемчужное ожерелье явно предназначалось не для ее шеи.

Уголок рта Алексея неодобрительно дернулся – Азеф ему не нравился. Подлость его натуры проявлялась уже в том, что семья Азефа жила очень скромно в маленькой квартирке на Монруже с серой мещанской обстановкой — все это, конечно, не позволяло предполагать, что Азеф располагает огромными суммами, - зато на любовницу Азеф тратился основательно. Она имела прекрасную квартиру с видом на Елисейские поля, восхитительные наряды и украшения.

Пока покупку Азефа упаковывали, Алексей тоже сделал выбор. Браслет для Маргарет. Забрав покупку, он последовал за Азефом.

Вскоре тот свернул к кабаре, в котором выступала его любовница. У барной стойки заведения Азеф поинтересовался о Мадлен. Бармен ответил, что она занята - готовится к выступлению, Азеф недовольно поморщился, попросил бумагу. Бармен положил перед ним письменные принадлежности и занялся своим делом.

Азеф начеркал две записки. Одну передал бармену - для Мадлен, дополнил купюрой, другую вручил мальчику-рассыльному. Получив монету, мальчишка пулей вылетел на улицу, унося записку. Азеф взглянул на часы, сполз с высокого стула и нехотя вышел на улицу.

Глебов занял его место, одновременно незаметно стянув оставшийся лист бумаги под барную стойку. И вовремя - бармен повернулся к нему.

Алексей сделал заказ, бармен убрал письменные принадлежности, ловко наполнил бокал вином и поставил перед клиентом. Тем временем Глебов свернул листок и спрятал в карман. Взяв бокал, он перебрался за один из дальних угловых столиков и некоторое время не спеша пил вино, наблюдая за выступлением иллюзиониста. Затем подозвал жестом официантку. Когда девушка подошла к нему, он, улыбнувшись ей, взял протянутое меню.

- У меня к вам просьба, мадмуазель, - произнес с улыбкой он, подкрепляя свою просьбу довольно крупной купюрой, которую вложил в меню.

Девушка, заметив деньги, услужливо улыбнулась в ответ:

- Я слушаю вас, месье.

- За столик у входа сел мужчина. Когда он направится ко мне, отвлеките его, – Алексей протянул девушке меню. Она кивнула, улыбнулась и удалилась.

Глебов повернулся к Малышеву спиной, неторопливо закурил, положил лист на стол, расправил, стряхнул на него пепел, затем еще раз, легонько растер. Отпечаток текста напоминал шараду из букв и слов. Алексей хлебнул вина, изучая головоломку. Наконец ему удалось разобрать написанное. В одной записке Азеф приглашал Мадлен на ужин в ресторан, в другой сообщал, что будет ждать известий от Павла Ивановича в том самом ресторане, куда он собирался пойти с любовницей.

Краем глаза Алексей заметил, как официантка с подносом в руках направилась в сторону Малышева. Она неловко повернулась, когда тот проходил мимо, задела его, чуть не опрокинув на него поднос. Всего лишь на мгновение Малышев отвлекся, но когда взглянул туда, где должен был сидеть Глебов, того уже и след простыл.

* * *

Воспользовавшись моментом, Алексей выскользнул из кабаре, поймал экипаж и укатил прочь. Выскочивший на улицу Малышев огляделся по сторонам. Он упустил Глебова. Но и его человека, который незаметно приглядывал за Глебовым, тоже не было.

Малышев неторопливо натянул перчатки, махнул рукой извозчику. Забрался в остановившуюся перед ним коляску, откинулся на спинку сиденья и назвал адрес...

Грета, несомненно, ждала прихода Алексея. Игриво улыбаясь, она отступила в сторону и впустила его в номер. Глебов не поцеловал ее, как она ожидала, а сразу же прошел в гостиную.

- Хочу пригласить вас в ресторан, - произнес он и сел в кресло. – Составите мне компанию?

- Конечно. – Сложив руки на груди, Маргарет мило улыбалась, однако в ее глазах была насмешка. – Тяжелый день? Вы выглядите уставшим.

Она его провоцировала, несомненно.

- Это не совсем то, что я сейчас чувствую, - ответил Глебов пространно.

Маргарет плавной походкой приблизилась к нему. Положив ладонь Алексею на плечо, она склонилась к его уху:

- Да. Вы напряжены.

Глебов не ответил, а Маргарет, не спеша, встав за его спиной, опустила обе ладони на его плечи и стала неторопливо массировать. Глебов удовлетворенно вздохнул:

- Где вы научились этому?

- В буддистском храме на Дальнем Востоке.

Алексей рассмеялся.

- Почему вы смеетесь?

- Солнце, я восхищен! Вы умело переплетаете вымысел с реальностью.

- Вы мне не верите? – улыбаясь, Грета заглянула ему в глаза. – Если бы не английская армия, освободившая меня, я по сей день жила бы в буддистском храме, где меня воспитывали. Там я научилась не только искусному массажу, но и божественно танцевать...

Алексей поцеловал ее руку:

- Несомненно.

Понимая, что Глебов ей не верит, Маргарет воскликнула:

- О, я докажу вам! Ждите.

Она упорхнула в спальню. Поборов желание последовать за ней, Алексей стал терпеливо ждать.

Спустя некоторое время Грета предстала перед ним в восточном одеянии. На ней был хлопковый бюстгальтер с орнаментом, вызывающим ассоциации с Индией. Блестящие ленты, опоясывающие ее талию, придерживали саронг, который скрывал ее бедра и колени. На голове - индийская диадема, охватывающая густые черные волосы, а руки украшали изящные браслеты. Все остальное было открытым, обнаженным. Этот наряд будил воображение и возбуждал...

Маргарет завела граммофон, заиграла восточная мелодия, и Грета начала танцевать. Наблюдая за ее танцем, Алексей невольно сравнил ее с Дункан. Айседора олицетворяла античную Грецию, Маргарет – таинственный Восток. Айседора во время танца демонстрировала лишь свои обнаженные ноги и руки, а Маргарет была почти обнажена...

Алексей сомневался, что это и есть восточные танцы. Но сомнения меркли перед ее движениями: стройная госпожа Маклеод двигалась в наряде баядерки с несравнимой грацией и пластичностью. Невероятная гибкость и магический шарм, и достойное восхищения тело. Он ощутил себя богом, нет, павшим воином в раю, пред которым предстала Апсара¹, сестра нимф, наяд и валькирий, со всем своим kloкочущим экстазом в танце сбрасывающая с себя вуали. И какими феерическими движениями! Она создана заманивать мужчин к греховной гибели.

Глебов поймал ее за край полупрозрачного саронга и потянул к себе. Она упала в его объятия, и его руки стали изучать изгибы ее тела.

¹ Апсары - полубогини, духи облаков или воды. В индуистской мифологии также являлись небесными танцовщицами и куртизанками.

- Твое тело достойно восхищения, - пробормотал Алексей, касаясь губами ее разгоряченной кожи. Он резко поднялся, подхватил ее на руки и понес в спальню.

* * *

Маргарет раскурила сигарету и протянула ее лежащему рядом Глебову. Он затаился и носом выпустил струйку дыма. Маргарет игриво провела пальчиком по его плечу, но Алексей, погруженный в свои мысли, не обратил на нее внимания.

- Когда мы занимались любовью, ты называл меня «Лиза», - растягивая слова, сказала Грета. – Кто она?

Алексей на мгновение замер, затем вновь затаился сигаретой, сел, спустив ноги с кровати, докурил и затушил окурочок в резной пепельнице на столике. Повернулся к Маргарет. Она с легкой улыбкой на губах смотрела на него.

- Она – твоя возлюбленная?

- Она - моя жена.

Маргарет откинулась на подушки:

- Значит, ты ее любишь.

Алексей некоторое время молчал, злясь на себя. Лиза! Опять Лиза! Она стала его наваждением, его проклятием. Как могло случиться, что он стал зависеть от нее? Нет, он избавится от этой зависимости...

Глебов вновь взглянул на Маргарет, нахально усмехнулся:

- Если тебя это обидело, я готов загладить свою оплошность.

Маргарет улыбнулась.

- Не пытайтесь плыть против течения, Аликс, - сказала она ласково и с пониманием в голосе. – Не нужно все усложнять. Поверьте, все разрешится со временем.

Маска развязности исчезла с его лица – Глебов, измотанный душевными терзаниями, стал серьезным. Возможно, она права. Чего он добьется? Время все расставит на свои места.

Стремясь разогнать его грусть, Маргарет рассмеялась, села в кровати и спросила:

- Как вам мой танец? Я восхитительна?

Глебов улыбнулся:

- Несомненно. Солнце, ты обязательно станешь известной танцовщицей и покоришь Париж.

Маргарет уселась напротив Алексея и с улыбкой посмотрела в его глаза. Затем протянула руку, пальчиком провела по его бороде и усам.

- А ведь они не настоящие, - промолвила она. – Вы скрываетесь?

Алексей взял ее руку, поцеловал.

- Да. Скрываюсь. От толпы обманутых женщин.

Маргарет со смехом оттолкнула его, выбралась из кровати.

- Обманщик! – Она скрылась за дверью.

- Кто бы говорил, - пробормотал Глебов.

* * *

По дороге в ресторан Алексей распорядился извозчику заехать по одному адресу неподалеку.

В доме Глебов пробыл недолго. Вернувшись в экипаж и приказав возничему

трогаться, он протянул Маргарет небольшой прямоугольный кусочек картона, на котором витиеватыми позолоченными буквами было написано «салон мадам Киреевской», и - ниже - адрес.

Маргарет удивленно посмотрела на Глебова.

- Мадам Киреевская? Певица?

- Мадам Киреевская организует благотворительные вечера. Твой дебют состоится в ее салоне. Киреевская тебе поможет в этом. Гарантирую, Солнце, тебя ждет успех.

- О, Аликс! – Маргарет обхватила его за шею и поцеловала. – Спасибо!

Они прибыли в ресторан, и администратор услужливо проводил их до столика. Не обошлось без продолжительных мужских взглядов в сторону Маклеод - она была в элегантном вечернем платье, которое подчеркивало ее красоту, грацию и заставляло задуматься о том, какое потрясающее тело скрывается под ним.

Сделав заказ и дождавшись ухода официанта, Алексей взял свою спутницу за руку и поцеловал ее пальчики.

- Вы прекрасны, леди Маклеод.

Маргарет тихонько рассмеялась:

- Леди Маклеод? А как же Солнце?

- Солнце... Око дня, - сказал он, проникновенно смотря ей в глаза.

Маргарет шаловливо рассмеялась:

- В тех местах, где я жила это звучит как... «мата хари».

- Мата хари?

- Это по-малайски...

Глебов на секунду отвлекся, заметив, как в ресторан вошел Азеф в сопровождении любовницы. Они сели за один из столиков, сделали заказ.

Продолжая беспечную беседу с Маргарет, Глебов улыбался, но не выпускал Азефа из виду.

Спустя некоторое время к Азефу подошел официант и, вежливо склонившись, передал ему записку. Как только официант удалился, Азеф прочел ее, что-то уклончиво ответил на вопрос Мадлен, сложил записку, положил в карман.

Когда же Мадлен и Азеф вышли на площадку для танцев, Глебов пригласил на танец Маргарет. В том, что Глебов прекрасный танцор, Грета не сомневалась, но

была глубоко разочарована, когда по вине Алексея они несколько раз натолкнулись на соседние пары.

Глебов извинился, усадил Маргарет на место и, еще раз извинившись перед своей спутницей, вышел из зала. Оказавшись в холле, Алексей развернул записку, вынутую у Азефа во время танца. В записке указывался адрес и время встречи. Встреча была назначена в одном из жилых домов Монмартра на 23-00.

Алексей спрятал записку в карман и вернулся за свой столик. Нужно было придумать, как вернуть ее в карман Азефа. Как ни в чем не бывало, Глебов положил салфетку себе на колени и принялся за изысканное блюдо.

Маргарет смотрела на Алексея с нетерпением и любопытством.

Он поднял глаза от тарелки и взглянул на нее.

- Аликс, вы следите за кем-то? Вы шпионите? Это так интересно!

- Вы очаровательное создание, Солнце. Вы меня удивляете!

- Не уходите от темы. Скажите правду.

- Правду? – Алексей неторопливо промокнул губы салфеткой, наклонился, взял Маргарет за руку, заглянул ей в глаза. – Правда в том, моя дорогая, что у меня для вас есть подарок.

Он отпустил ее руку, взял бокал вина и откинулся на спинку стула. Прежде чем отпить, он многозначительно отметил:

- Ваши кисти изящны. Украшения на них смотрятся просто потрясающе.

Маргарет только теперь заметила на своей руке подарок Алексея - браслет тонкой искусной работы.

- О! Он просто потрясающ! – Не удержалась она от восторга.

Алексей усмехнулся:

- Браслет ничто в сравнении с вами, мое Солнце.

- О! – раздался неожиданно разочарованный возглас. Маргарет взглянула на Алексея, затем выпрямила спину, расправила плечи и посмотрела на него слегка с прищуром. На ее губах заиграла усмешка.

- Вы отправляете меня в отставку, месье Глебов? Ведь так принято расставаться любовникам?

Алексей поставил бокал на стол и улыбнулся.

- Нет.

- Тогда что же?

- Мне хотелось сделать вам подарок. Порадовать вас, увидеть блеск ваших чудесных глаз.

- О... Тогда что я могу сделать для вас, Аликс?

- Солнце... Вы можете мне помочь?

- Вам нужна помощь?

- Ваша – несомненно. – Он проникновенно посмотрел ей в глаза.

- Для вас - что угодно.

- Видите того крупного господина за столиком возле колонны?

- Да. И что вы хотите?

- Если пожелаете, то вас ждет приключение. Нужно незаметно положить записку в правый карман его пиджака.

- Я сделаю это!
- Справитесь?
- Без сомнения. Дайте ее сюда.

Они поднялись. Глебов задержался возле столика, оплачивая счет, а Маргарет неторопливо зацокала каблучками к выходу. Возле столика Азефа она оступилась, стала падать, ухватилась за край стола. Азеф поднялся, помог прекрасной незнакомке встать. Маргарет, смотря ему в глаза, улыбнулась, поблагодарила. Затем направилась к выходу. Через пару минут Глебов присоединился к ней. Он поцеловал ее ручку.

- Солнце, я восхищен.
- Это было несложно... Но вы все же заметили!
- Заметил, потому что наблюдал за вами тщательнейшим образом и знал, что вы должны сделать...

Неожиданно Глебов замолчал, взглянув поверх плеча Маргарет, затем взмахнул рукой, привлекая внимание извозчика.

Когда они сели в экипаж, Алексей, обернувшись, усмехнулся:

- Похоже, мой друг Малышев чудесным образом выследил меня.

Он посмотрел на Маклеод, и она отвела глаза, нервно теребя браслет.

- Я должна вам признаться, Аликс... Вы такой... интригующий и замечательный... - она не заметила, как Алексей иронично усмехнулся. - Я не хочу, чтобы вам было плохо... Господин Малышев нанял меня следить за вами и обо всем докладывать ему.

Алексей наклонился к ней, пристально смотря в глаза. Затем усмехнулся:

- Я знаю.
- Знаете? Как?!
- Просто знаю.
- И вы простили меня? – Она была поражена. – И при этом сделали мне дорогой подарок? – Она показала браслет. – О, я не могу его принять!

Глебов не позволил ей снять браслет с руки.

- Не нужно, Солнце.
- Но что тогда мне делать?
- Делайте то, за что вам платят. - Алексей откинулся на спинку сиденья. – Малышеву нужны сведения. Так убедите его сегодня в том, что я нахожусь в вашем номере.

- А вы?...
- А я немного прогуляюсь...

* * *

В номере Грета завела граммофон и расположилась на кровати. Призывно посмотрела на Глебова.

- Может быть, присоединитесь ко мне?

Алексей надел пальто, набросил белый шарф на шею.

- С удовольствием, но позже.

Он взглядом раздел любовницу, прищурился с ухмылкой.

С грацией кошки Грета перевернулась на живот, сквозь полуопущенные ресницы стрельнула глазками на Алексея.

- Я буду ждать...

Когда Глебов ушел, Маргарет приоткрыла входную дверь. Прошло немного времени, прежде чем Малышев появился в коридоре. Маргарет прикрыла дверь и скользнула на кровать. Стала подсакивать так, что заскрипели пружины. Застонала в такт:

- О, Аликс, да, да, да!..

Малышев, остановившись за дверью, сквозь зубы выругался. Стукнув перчатками по ладони, он резко развернулся и зашагал прочь.

* * *

Глебов выбрался на крышу. Холодный ветер вмиг подхватил концы белого шарфа, и тот затрепыхался на шее Алексея. Глебов заправил шарф за ворот, застегнул пальто и стал спускаться по покатой скользкой кровле. Соскользнув до огромной кирпичной трубы, он обогнул ее и аккуратно прошел до края крыши.

Оценив расстояние до крыши соседнего дома, Алексей отступил на несколько шагов назад, разбежался и прыгнул. Пару мгновений в воздухе, затем его ноги коснулись кровли соседнего дома, однако поверхность под ногами оказалась ненадежной. Глебов поскользнулся, рухнул и соскользнул вниз. В последний момент он уцепился за край крыши и повис в воздухе. Пот мгновенно выступил на его висках. Все мышцы напряглись. Алексей несколько мгновений находился в неподвижности, затем стал медленно забираться наверх.

Оказавшись на крыше, он сел, рукавом стер испарину со лба и посмотрел вниз. Внутри все похолодело от мысли, что еще немного, и он бы расшибся в лепешку из-за своей неосторожности. Мышцы от напряжения болели, пальцы одеревенели от соприкосновения с замерзшей кровлей.

Глебов поднялся и стал карабкаться наверх. Нужно больше уделять внимание физической подготовке, решил он. В последнее время он забросил занятия.

Обнаружив люк, Алексей выбрался на чердак...

* * *

Малышев раздраженно мерил коридор шагами. Глебов выводил его из себя. Резко развернувшись, он вернулся к номеру Греты. Свои обязанности она восприняла чересчур буквально! Мадам Маклеод мешает делу. Пора покончить с этим фарсом.

Малышев громко постучал в дверь. Безрезультатно. Он вновь забарабанил по ней. Наконец, щелкнул замок, и через небольшую щель приоткрытой двери выглянула Грета.

- Вы? Уходите, я не одна!

Малышев бесцеремонно распахнул дверь и быстро вошел в ее номер. Прошел в спальню, но Глебова там не оказалось.

Он резко обернулся к Грете:

- Где он?

- Ушел... - призналась Маргарет, испуганная грозным видом непрошенного гостя. Она плотней запахнула пеньюар и обхватила себя руками.

- Ушел – куда?

- Я не знаю... Я, правда, не знаю!

- Ты ему рассказала?

- Нет, он сам догадался.

Малышев приблизился к ней вплотную. Грета сжалась, будто затравленный зверек. Он сдавил ее шею рукой:

- Рассказывай все, что знаешь. Если ты мне солжешь...

* * *

Глебов открыл окно. Холодный воздух ворвался в помещение с роем белых пушистых снежинок. Алексей осмотрелся, встал на подоконник и выбрался наружу. Ступив на скользкий узкий выступ, он стал пробираться вдоль стены до балкона. Ухватившись замерзшими руками за перила, Глебов взобрался на них, затем дотянулся до выступа верхнего балкона, подтянулся, и хотел было взобраться на него, но в этот миг к окну подошел сухощавый мужчина с папиросой в зубах. Алексей замер. Мужчина приоткрыл форточку, затаился и выпустил струю дыма в окно.

- Что вы предлагаете? – услышал Глебов его голос. Мужчина повернулся к окну спиной. Аккуратно, стараясь не шуметь, Алексей подтянулся и взобрался на балкон, затем, прижимаясь к стене, приблизился к окну.

- Павел Иванович¹, у меня потрясающие замыслы! – услышал Алексей голос Азефа. – Мы разработаем для Боевой организации грандиозный план против Охранного отделения в Петербурге.

- Вы, в самом деле, считаете, что такое возможно? – усомнился его собеседник.

- Конечно!

- Коль так, разъясните.

- План таков. Боевая группа должна будет в определенный час и день проникнуть в Охранное отделение. На каждом из участников дела будет начиненный динамитом пояс. Это даст им большую свободу действий и отвлечет подозрение, которое непременно вызвал бы сверток в руках каждого из них. По условному знаку бойцы одновременно должны будут взорвать себя и разрушить своим героическим поступком вековой оплот царизма.

- «Живые бомбы»?

- Это будет достойным актом деятельности нашей организации.

Собеседник Азефа сомневался. Некоторое время он молчал.

- Все это слишком... Погибнет много наших товарищей, - сказал он наконец. – Нет, Валентин Кузьмич², я с вами не согласен. По крайней мере, на данный период, пока готовится покушение...

¹ Прим. автора: Один из псевдонимов Б. В. Савинкова (1879, Харьков - 1925, Москва) – русского террориста, одного из лидеров партии эсеров, писателя.

² Прим. автора: Один из партийных псевдонимов Е. Ф. Азефа.

Он развернулся и, закрыв форточку, отошел от окна. Глебов свободно вздохнул - еще немного и возможно «Павел Иванович» заметил бы его. Алексей придвинулся поближе к окну, но господа в эту минуту уже покидали комнату.

Глебов тем же путем вернулся назад в квартирку этажом ниже. Он основательно замерз, пока находился вне помещения. Плеснув коньяк в бокал, он сделал пару глотков. Горячительная жидкость обожгла горло и теплой жгучей волной прошла по пищеводу к желудку. Осторожно выглянув в коридор и, убедившись, что его никто не заметит, он покинул чужую квартиру...

Алексей узнал очень многое, и многое нужно было еще обдумать.

* * *

«Итак, - думал Глебов, сидя в экипаже, катившемся по улицам Парижа, – во-первых, я нашел Валентина. Черте что, но Валентин и Азеф это один и тот же человек. Неужели никто не замечает очевидного?»

Алексей вынул папиросу и закурил.

«Во-вторых, Азеф замыслил грандиозный план – совершить террористический акт в самом Департаменте полиции. Зачем такой неоправданный риск? Или оправданный?» – Алексей нахмурился. – «В России нарастает революция. Неужели Азеф предполагает, что триумф революции вполне возможен? И тогда, при новом режиме, разоблачение будет почти неизбежно. Неужели единственное спасение он видит в уничтожении всех следов и живых свидетелей своего предательства? Громадные здания, хранящие документы политического сыска, вместе с его обитателями должны быть уничтожены, дабы похоронить личную тайну Азефа».

Экипаж остановился возле гостиницы, Алексей расплатился с извозчиком и направился в номер.

«В-третьих, есть некий Павел Иванович, участвующий в подготовке покушения. Вопрос: кем оно будет совершено, где и на кого?»

* * *

Малышев, несколько часов потративший на поиски Глебова, нашел его в боксерском клубе. Алексей ритмично боксировал на ринге со спарринг-партнером¹. Физические упражнения помогали не только вернуть тонус мышц, но и привести мысли в порядок. То, что произошло на крыше, не должно больше повториться...

Малышев, олицетворяя собой тихую угрозу, перелез через натянутый канат и одним взглядом заставил партнера Глебова по спаррингу удалиться.

Чудеснейшим образом они остались в помещении один на один. Малышев повернулся к Глебову.

Алексей усмехнулся:

- Побоксируем?

- Что ты здесь делаешь? – с тихой угрозой в голосе произнес Малышев.

- Разве не видно?

¹ Спарринг-партнер - соперник в тренировочных состязаниях.

- Не играй со мной, Глебов. Ты прибыл сюда по делу и времени у тебя очень мало. Развлекаться будешь, когда выполнишь работу. Тебе ясно?

Глебов хмыкнул и с пренебрежением отвернулся. Малышев без раздумий, вынул из-за пазухи револьвер и наставил на своего «подопечного». Алексей обернулся.

- Ты слышал, что я сказал? – Сыщик был настроен весьма решительно.

Глаза Глебова на мгновение яростно вспыхнули, но затем он вновь усмехнулся:

- Зачем же так нервничать?

- Я задал вопрос!

Алексей снял боксерские перчатки:

- Я не делаю ничего того, что тем или иным образом не касается дела. Теперь понятно?

- Выкладывай, что узнал?!

Глебов с сарказмом хмыкнул:

- Ничего, что стоит тебе говорить.

Малышев взвел курок:

- Может прострелить тебе голову?

- Валяй. И всю работу будешь выполнять сам. – Глебов расстегнул защитный шлем и снял. Провел пятерней по волосам. - Твоя слежка за мной утомляет и мешает работать. Не нравится - делай все сам.

Щелкнув затвором, Малышев убрал револьвер.

- Сутки, Глебов, затем ты мне докладываешь о проделанной работе. И не вздумай бегать от меня, иначе я тебя найду и пристрелю.

Малышев пролез между канатами и, спрыгнув на пол, зашагал к выходу.

Алексей усмехнулся:

- Вот и поговорили.

Малышев же в ответ громко хлопнул дверью.

* * *

Алексеем снилась Лиза. Она улыбалась, строила ему глазки, смеялась. Он протягивал к ней руки, хотел обнять ее, ощутить тепло ее тела... Но она ускользала от него, тая в его руках, как дым, затем вновь появлялась, и все повторялось вновь и вновь...

Глебов открыл глаза и уставился в потолок. За окном светила яркая луна, а лунный свет, проникая в комнату, квадратным пятном отражался на стене. Алексей закрыл глаза, попытался уснуть, но сон сняло как рукой. Он поднялся с кровати, подошел к окну. Вдалеке на Марсовом поле возвышалась Эйфелева башня. Это громоздкое сооружение человеческого прогресса высилось над другими строениями Парижа, будто заявляло о своем превосходстве.

Алексей оделся и покинул номер. В тот же миг дверь соседней комнаты отворилась, и на пороге появился Малышев. Убедившись, что Глебов ушел, он быстро оделся и последовал за ним.

...Перейдя Йенский мост, Алексей двинулся на Марсово поле к Эйфелевой башне. Оказавшись вблизи нее, он задрал голову и посмотрел вверх.

Вся выполненная из железа, башня состояла из трех ярусов. Каждый ярус представлял собой пирамиду, образуемую четырьмя колоннами, с платформой наверху. На верхней платформе высился освещающий округу маяк с куполом, над которым находилась узкая площадка.

На башню вели лестницы и подъемная машина, но Алексея они не интересовали. Он с прищуром оценивающе посмотрел на колонны, затем расстегнул пальто, снял его и бросил на бордюр. Подтянув на руках черные кожаные перчатки, он вновь изучающе посмотрел на башню – снизу вверх – мысленно прокладывая путь. Затем ухватился за металлический остов и стал забираться.

Первоначально подъем давался Глебову без особого труда. Но чем выше он взбирался, тем сложнее было передвигаться. Металл был холодным и скользким, холод сковывал движения... Оказавшись на второй платформе, Алексей остановился, чтобы передохнуть и взглянуть на город. Перед ним – как на ладони – лежал Париж, залитый серебристым лунным светом...

Шум вывел Глебова из задумчивости, и он успел укрыться за металлической колонной прежде, чем появился охранник. Какое-то время пришлось ждать, пока охрана не удалилась, затем Алексей продолжил свое восхождение.

Прошло достаточно много времени, когда он, наконец, взобрался на балкон третьей платформы. Маяк освещал район в десять километров, не меньше, но рассвет уже набрал свою силу, и перед Алексеем предстала еще одна потрясающая панорама города. Все, что находилось внизу, казалось мелким, ненужным, несущественным...

Выбравшись на лестницу и убедившись, что охрана отсутствует, Глебов стал спускаться вниз. «Одна тысяча семьсот девяносто две», – насчитал он ступени, спустившись вниз, и тут же, на входе, столкнулся с Малышевым. Тот грубо втолкнул его обратно и прикрыл дверь. Мимо, не заметив их, прошла охрана.

- Я не удивлен, – заметил с усмешкой Глебов, когда охранники удалились, – моя тень всегда при мне.

Сыщик грубо сунул ему в руки пальто. Алексей оделся.

- К чему все это? – спросил раздраженно Малышев.

- *Mens sana in corpore sano*¹! – ответил Глебов.

¹ В здоровом теле – здоровый дух! (лат.)

- Скопее beata stultica¹!

Алексей приподнял бровь:

- Ба, какие познания латыни!

Малышев смерил его недобрым взглядом:

- Только идиоту придет в голову взбираться на такую высоту.

- В следующий раз обязательно позову тебя с собой.

Малышев сжал кулаки, но сдержался.

- Башня охраняется, - сквозь зубы процедил он.

- Военные. Проводят опыты с какой-то техникой. – Глебов осторожно выглянул на улицу.

- Какой техникой?

Алексей взглянул на Малышева:

- Беспроводное радио, предполагаю.

- И когда же ты...

Они притихли – рядом вновь прошла охрана.

Глебов тихонько выскользнул наружу, Малышев последовал за ним.

Как назло на улице залаяла собака, привлекая внимание охранников. Они бросились в их сторону. Алексей отступил в тень. Зато крупная высокая фигура Малышева попала в поле зрения охранников, и они накинулись на него.

Первым желанием Глебова было поскорее смыться, оставив сыщика в одиночку выкручиваться из передраги. Однако, передумав, он вырубил одного из охранников, а затем, убедившись, что Малышев вполне справится без него, бросился бежать.

Позади раздавались крики, противные звуки полицейского свистка, но Алексей беспрепятственно вскочил на запятки² проезжающего мимо экипажа. Напоследок он обернулся, наблюдая, как мощная фигура Малышева спасается бегством от своры французских полицейских. Глебов засмеялся. Да уж, во Франции легавых значительно больше, чем в России!

* * *

Алексей возвращался в гостиницу ближе к вечеру, потратив все это время на слежку и наблюдение за Азефом.

«Итак, - рассуждал он, сидя во мчащемся по улицам экипаже, – Валентин и Азеф – одно и то же лицо, но Лопухин не поверит в это без доказательств. А доказательств нет, и время идет».

Глебов вынул папироску и закурил.

«А может позволить Азефу подорвать Департамент? Возможно, не останется тех документов, которые компрометируют меня и Лизу. Но не факт. Бросить все и бежать? Но Лиза связала меня по рукам и ногам! Как бы ни складывались наши отношения, я не оставляю ее в беде».

¹ Блаженная глупость! (лат.)

² Запятки - место для слуги, лакея на задке экипажа.

Алексей швырнул окурок на тротуар. Перед глазами предстал образ Лизы в объятиях Шмита. Глебов сжал кулаки. Все внутри закипело от гнева. Когда же он вспомнил о представленном к Лизе филере, больше похожем на убийцу и маньяка, то ему стало не по себе. Он попытался взять себя в руки. Закурил очередную папироску, глубоко затянулся. «Нужно хорошенько все обдумать. Прежде, стоит расположить к себе Малышева – если он будет верить мне, поверит и Лопухин».

Экипаж остановился возле гостиницы. Глебов расплатился с извозчиком, выбрался из экипажа. Сделав затяжку, он швырнул окурок в мусорную урну и зашагал по лестнице. В фойе навстречу к нему кинулась Маргарет. Увидев ее встревоженное лицо, он отвел женщину в сторону от любопытных взглядов.

- Что случилось?

- О, Аликс! Где вы пропадали?! После того как вы ушли тогда, приходил Малышев. Он чуть не убил меня, когда понял, что мы его обманули!

- Он обидел вас? – Голос Глебова зазвучал грозно.

- Он чуть не придушил меня! О, Аликс, он заставил меня признаться во всем. Простите меня!

Глебов взглянул на Маргарет:

- Вы не виноваты.

- Он опасный человек, Аликс. Себе на уме. Будьте с ним осторожны!

Глебов усмехнулся:

- За меня не переживайте. Вы сами, Солнце мое, не увлекайтесь авантюрами и шпионскими играми. Это очень опасно. Я уже жалею о том, что втянул вас.

Маргарет признательно улыбнулась:

- Вы беспокоитесь за меня? Значит, вы не сердитесь на меня. Я этому несказанно рада.

Маклеод на мгновение чувственно коснулась его руки, затем отстранилась и сообщила:

- Еще, я хочу попрощаться с вами, Аликс.

- Вы уезжаете?

Она кивнула:

- Да, можно и так сказать. Благодаря вам скоро состоится мой дебют. Поэтому я должна исчезнуть и появиться вновь, с новой легендой, чтобы разжечь к себе интерес публики... Я благодарю вас за этот шанс... и за прекрасное время, что мы провели вместе.

Глебов поцеловал ее ручку:

- Я вам тоже благодарен.

- Обещайте, что придете на мой дебют.

- Я не могу вам этого обещать.

Маклеод вздохнула, затем улыбнулась:

- Прощайте, Аликс. И будьте осторожны...

* * *

Распрощавшись с леди Маклеод, Алексей поднялся в номер. Когда он вошел, Малышев встал из кресла. В руках его был револьвер, дуло которого он навел на Глебова.

Бровь Алексея поползла вверх.

- Опять?! Я могу хотя бы закрыть дверь? – спросил он с усмешкой. Затем неторопливо закрыл ее и повернулся к Малышеву. – Чем вновь обязан столь теплому приему?

- Я предупреждал тебя, Глебов, - сквозь зубы процедил тот. На этот раз Малышев был настроен весьма решительно.

- О чем? Ах, да, да, помню, ты обещал прострелить мне голову.

Малышев промолчал.

- Я ничуть не сомневаюсь в твоей принципиальности, но здесь существует довольно весомое «но». – Алексей неторопливо снял пальто и повесил его на вешалку. Туда же отправился и шарф. – Позвольте, господин полицейский? – Он указал на стул, будто просил разрешения сесть. Так и не дождавшись ответа, усмехнулся, прошел и сел.

- Дело в том, - продолжил Алексей, - что вот в этой самой голове находится исключительно важные сведения, которые было бы невозможно получить, если бы некий представленный ко мне сыщик постоянно мешался под ногами. Пристрелишь меня – ничего не узнаешь.

Малышев какое-то время размышлял. Наконец он убрал револьвер в кобуру.

- Рассказывай. - Он встал совсем рядом с Глебовым, так что тому пришлось приподнять голову, чтобы смотреть сыщику в лицо.

Алексей усмехнулся:

- Э, нет, господин полицейский. Так дело не пойдет. То, что я узнал – гарантия моей безопасности.

- Что ты узнал? – повторил с угрозой Малышев. Его внушительная широкоплечая фигура нависла над Глебовым.

Алексей с интересом наблюдал за ним. «Лопухин хорошо выдрессировал своего агента и тот подчиняется только его приказам. Перейдет ли Малышев грань дозволенного? Как только Лопухин получит свое, вполне возможно, что Малышев пустит меня в расход. Но, не сейчас».

- Хочешь знать, что я узнал? Хорошо, - ответил Алексей, неторопливо вынимая из кармана портсигар. Похлопал по карманам в поисках спичек. - Подкурить не найдется?

Малышев нахмурился, но Глебов не собирался говорить, пока не закурит - он кивнул в сторону столика, на котором лежал коробок.

- Спички.

Сыщик смерил его уничижительным взглядом, глаза его зловеще вспыхнули, однако он сделал шаг в сторону столика, взял спичечный коробок, подержал его в руках, затем неторопливо повернулся, прошел к Алексею. Недобро смотря ему в глаза, протянул спички. Глебов не спешил брать. Они вызывающе смотрели друг на друга, понимая - схватки не избежать. Алексей усмехнулся, достал папироску и всем видом показал, что ждет, когда ему подкурят.

Это стало последней каплей. Малышев сжал коробок в руке и занес кулак над Алексеем. Уклоняясь, Глебов поставил блок, однако удар вскользь прошелся по лицу. В одно мгновение Алексей оказался на ногах – стул упал, громко брякнув о пол.

Их взгляды вновь встретились. В следующий миг они бросились друг на друга. Завязалась ожесточенная драка. Бились неистово, яростно, нанося друг другу безжалостные удары, круша и переворачивая все, что оказалось на пути.

Малышеву все же удалось свалить Глебова на пол, он схватил его за горло и сжал. Алексей попытался разжать его руку, сдавившую глотку как тиски, но безуспешно. Он задыхался. Малышев мог праздновать победу, однако Глебов, что было сил, вдарил ему по ушам. Взревев от боли, Малышев ослабил хватку. Алексей резко ударил ладонью по его челюсти снизу вверх и опрокинул на спину. Пока Малышев, оглушенный болью, приходил в себя, Алексей, покачиваясь, встал на ноги.

- Это тебе за Маргарет, - прохрипел он.

Малышев приподнял голову. Перед глазами плыли цветные пятна. Он закрыл глаза, вновь открыл, коснулся рукой лица.

Глебов не унимался:

- И не только. Терпеть не могу легавых!

Он пропустил выпад сыщика - Малышев рванул его за ногу, и Алексей рухнул на пол. Как же больно! Глебов не сдержал вырвавшийся стон.

Силы иссякли у обоих. Алексей не в состоянии был подняться, да и Малышев прекратил попытки встать - тяжело дыша, он устался в потолок. Затем проговорил:

- Как же мне хотелось набить тебе физиономию!

- Взаимно, - последовал ответ. Алексей, морщась, коснулся рукой плеча.

- Чего тебе в жизни не хватает? Голубая кровь – все на блюдечке с голубой каемочкой. Ан, нет - вор, мошенник, шулер!

- Тебе то что? – Глебов слегка подвигал больным плечом. Благо, обошлось ушибом.

- Тебе место – в тюрьме.

Алексей презрительно фыркнул.

- А ты филер и легавый! – Он с трудом, но поднялся. – Что же вы, такие «святые», явились ко мне и принудили на вас работать?

Малышев сел. Голова закружилась, а перед глазами вновь поплыли цветные пятна. Когда он посмотрел на Глебова, то увидел, что тот протягивает ему руку.

Алексей ждал. Наконец Малышев ухватился за его ладонь, и Алексей помог ему подняться.

Теперь они стояли напротив друг друга.

- Заклучим перемирие, - сказал, наконец, сыщик. - Нам еще работать вместе.

- Согласен.

Алексей захромал к опрокинутому стулу, поставил, сел. Потер колено - старая травма, полученная год назад в результате произвола жандармов, после нынешней драки напомнила о себе.

Малышев, покачиваясь, прошел к умывальнику.

Тело Глебова предательски заболело от побоев, синяков и ссадин, он с трудом вздохнул.

- Надо выпить, - буркнул он себе под нос.

- Неплохо бы, - раздался голос Малышева. Алексей взглянул на него. Тот с осторожностью прикладывал полотенце к опухшему лицу, где на челюсти набухал багровый синяк, а на губе кровоточила рана. «Этот Малышев не так прост, и, по всей видимости, решил мне подыграть. Ну, что ж, господин полицейский, посмотрим, кто кого!»

- Было бы желание, а выпить всегда найдется, – осторожно произнес Алексей.

- Есть предложение?

Глебов не удержался от сарказма:

- Боже упаси, чтобы я пил по доброй воле с легавым!

- Мне тоже особо компанию выбирать не приходится.

Глебова ответ повеселил от души.

- Что ж, вноси предложения.

Малышев осторожно опустился на стул:

- Всегда хотелось побывать в «Мулен Руж».

Алексей засмеялся, что болезненно отдалось в ребрах.

- «Мулен Руж»! Ты растешь в моих глазах! Что ж, едем.

- Куда?

- В «Мулен Руж», конечно...

* * *

- Добро пожаловать в «Мулен Руж» - карнавал жизни, атмосферу праздника, флер таинственности, красоты и порочности, - произнес Алексей, когда он и Малышев оказались в небезызвестном парижском кабаре.

В Мулен-Руже стоял разгул веселья: отплясывали сногшибательные красотки в перьях и блестках, гремела заводная музыка, вино лилось в бокалы нескончаемым потоком, шумела хмельная публика, одурманенная табачным дымом и абсентом¹...

Спустя час Глебов и Малышев уже основательно были пьяны.

¹ Абсент – крепкий алкогольный напиток, имеющий горький вкус и аромат полыни, фенхеля, аниса, мяты и других трав. Чаще всего изумрудного цвета. Благодаря этому получил прозвища «Зелёная фея» и «Зелёная ведьма».

- Вот ты говоришь, потомок дворянского рода, - наклонившись к Малышеву, говорил подвыпивший Алексей, - Мой дед был младшим в семье – его уделом стала служба. Офицер Лейб-гвардии Гренадерского полка. Несмотря на заслуги, был послан в Сибирь... Женился на инородке... Моя мать... матушка... карымка¹ - вышла замуж за моего отца - приезжего чиновника...

Малышев плеснул абсент в стаканы, частично пролив мимо - на скатерть, попытался поставить на ободок ложечку, потом махнул рукой и поджег жидкость прямо в стаканах. Посмотрел на Глебова:

- Выпьем?

Алексей взглянул на пылающий напиток. Хмыкнул. Задув огоньки, выпили, и Алексей продолжил:

- Родители мои погибли... Я рос в приюте, пока меня не отыскал дед... А потом он отправил меня к своему брату – графу, у которого не было наследников... Понимаешь, мне этого не надо было, а дед меня отправил!

Малышев пьяно кивнул.

- Граф разорился, потом меня выгнали из университета... Вуаля, в один миг я оказался свободным, но голодным и без средств существования изгоем. А ты говоришь «дворянин – голубая кровь»!

- А моя мать - прачка, - сказал Малышев. Слова давались ему с трудом – заплетался язык. – Всю жизнь стирала, гладила для господ. А я смотрел на них и думал, вырасту и буду жить не хуже, все для этого сделаю.

- Ну как, получается?

- Что получается?

- Жить не хуже?

- Сомневаешься? Я многого добился. У меня дом, жена, дочка. Мать обеспечил. К тому же, тс-с, - он приложил палец к губам и наклонился вперед, - я Мастер...

- Мастер?

- Что?

- Ты сказал, что ты мастер.

- Ах, да... Мастер своего дела...

Малышев схватился руками за голову, потряс ею, затем посмотрел на Алексея:

- А ты, ты мастер своего дела?

- Какого?

- Воровского...

- Э, я не вор.

- Пардон! – Малышев поднял руки. – Аф-ф... феристского.

- Сомневаешься?

Малышев замолчал - можно сказать - глубоко задумался.

- Нет... В чем секрет?

¹ Прим. автора: В Забайкалье карымами называли потомков русских и бурят или тунгусов (эвенков), смешавшихся в браках. Слово имеет происхождение от монгольского «хари, харым» — чужой, инородный.

- Секрет?
 - Секрет твоих удач в аферах.
 Глебов хмыкнул, наклонился вперед.
 - Понимаешь, главное - это подобрать себе маску. Маску того человека, которому бы обыватель поверил.
 - И все? Не сработает.
 - Работает! Все гораздо проще, чем ты думаешь. Сейчас убедишься. – Алексей, огляделся, щелкнул пальцами в воздухе. - Гарсон!
 К ним незамедлительно приблизился официант.
 - Что желаете, месье?

- Счет.
 - Сию минуту. – Официант удалился.
 - Мы что уже уходим? – спросил Малышев. – Я еще не видел знаменитого канкана!
 - Увидишь. Я хочу продемонстрировать тебе свое мастерство.
 -?

Вернулся официант, протянул папку, с вложенным в нее счетом.
 Глебов равнодушно взглянул на конечную цифру, раскрыл портмоне, полное крупных купюр - так, чтобы от официанта не укрылось его содержимое.
 Затем зацепил двумя пальцами три купюры, значительно превышающую сумму счета, и посмотрел на официанта. Тот выпрямился в стойке смирно.
 - Сдачи не надо. - Также смотря на него хмельным и барским ленивым взглядом, Глебов небрежным жестом вложил купюры в папку и протянул ее официанту. Тот растерялся от столь значительных чаевых, взял папку, подобострастно раскланялся перед посетителями и собрался уходить.
 Малышев смотрел на Глебова недоумевающе.
 Алексей с ухмылкой пожал плечами, досчитал до трех, прежде чем к их столу примчался бледный как мел официант.
 - Месье, произошла ошибка...
 - Ошибка? – Глебов убийственным взглядом посмотрел на назойливого официанта.
 Тот покачнулся, но папку раскрыл.
 - Вы положили не те купюры...
 - Разве? – Глебов уставился на деньги – три рублевые купюры – значительно меньшая сумма, чем они потратили на пьянку в кабаре. – Да, точно, так и есть, - согласился он, чем вызвал облегченный вздох официанта - тот, по-видимому, вообще не дышал до этого момента.

- Мы с приятелем решили еще немного задержаться. Принеси-ка бутылочку отличного вина. А деньги оставь себе – чаевыми.

Официант поблагодарил и удалился.

- Я и не заметил, когда ты подменил деньги, - признался Малышев. Он даже немного протрезвел. – Ловкость рук!

- Не только. Я заставил парня поверить в то, что я богатый пьяный кутила, дающий хорошие чаевые... А вот и канкан!

Они устали, впрочем, как и все остальные мужчины, на сцену. Фирменный танец «Мулен-Руж» в исполнении сногсшибательных девиц, задирающих длинные ноги «до потолка», на некоторое время отвлек Глебова и Малышева от разговора.

Пришел официант, расставил чистые бокалы, вскрыл принесенную бутылку вина... Когда он уходил, перед их столиком возникли две танцовщицы. Алексей поднял голову и расплылся в улыбке.

- О, Рэйн д'Ор¹! Светлый лучик в темной царстве моей жизни!

- Я вижу, ты вернулся, Аликс! – сказала она. – Что привело тебя в Париж?

- Какими бы не были причины, которые привели меня в Париж, важно лишь одно – я вновь упиваюсь зрелищем твоих прекрасных ножек, моя дорогая! - Алексей поймал девушку за руку и усадил к себе на колени.

- Лгунишка, - произнесла она, игриво проводя пальчиком по его щеке и губам. – Ты совсем не смотрел в мою сторону, когда я выступала.

- Устроишь мне личный показ? – пробормотал Алексей в ответ, нахально улыбаясь.

- Я подумаю, - Рейон игриво улыбалась, затем обернулась к своей подруге.

- Это Мелинит, моя подруга, - представила она. – Садись, Мели, господа угостят нас шампанским.

Яркая девица устремила свой томный взгляд на Малышева, который был не в состоянии не пялиться на ее полуогороженную грудь.

Она улыбнулась ему и села рядом.

- Вечер обещает быть интересным, - заметил с ухмылкой Глебов и подал знак официанту. – Гарсон, шампанского!

* * *

Спустя час парочки встали из-за стола, готовые покинуть кабаре. И тут случилось непредвиденное: на входе появилось трое парней, озирающихся по сторонам - они заметили Рейон, затем узнали Алексея.

В одно мгновение девицы исчезли, оставив кавалеров одних.

- Ну, что же, здравствуй, Ал, - произнес один из парней, подходя к Глебову поближе.

- Жан. – Алексей сразу стал серьезным, весь подобрался. Встреча не предвещала ничего хорошего.

¹ Прим. автора: Золотой луч (фр.).

- Решил изменить облик? Думал, тебе это поможет? – Жан с ухмылкой рассматривал Глебова.

- Рейон меня сдала?

Парень почесал подбородок, ехидно ослабившись.

- А ты думал, что по-прежнему неотразим для девиц?

- Уверен. – Алексей колко ухмыльнулся.

Видимо, такое заявление о чем-то напомнило Жану – он немедленно изменился в лице.

- Ну, всё, хватит разговоров! Ты пойдешь с нами!

- Это плохая идея? - поинтересовался Малышев, стоявший рядом.

- Несомненно, - ответил ему Алексей. Его несколько успокоило то, что Малышев был не так пьян, как казалось несколько минут назад.

- Хватит болтать! – Жан протянул руку, желая схватить Глебова, но Алексей мгновенно вывернул ему кисть. Жан взвыл от боли. Его головорезы кинулись к ним.

Алексей пихнул Жана в их сторону, и они чуть не рухнули под его тяжестью.

- Уходим! – крикнул он Малышеву, кинувшись к выходу.

Однако и тут их ждали - перед ними возникли еще два амбала. Отступить было некуда - позади возникли разъяренные Жан и его приятели.

Алексей и Малышев заняли оборонительную позицию, стоя спина к спине. Их покачивало, особенно Малышева - все-таки они были пьяны, однако без боя сдаваться не собирались.

Банда окружила их со всех сторон, готовясь кинуться в любой миг.

- Ну, держись, приятель, - произнес Алексей.

- Валите их, ребята! – сквозь зубы скомандовал Жан, парни кинулись... и тут раздался выстрел.

Свора отступила.

- Стоять! Пристрелю первого же, кто двинется! – заорал Малышев, в руках которого мгновение назад возник револьвер.

Наступила тишина во всем кабаре. Стихла музыка и смех. Все уставились на них.

Нарушил напряженную тишину резкий звук полицейского свистка.

Банда метнулась врассыпную.

- Легавые! Уходим! – крикнул Алексей и бросился к черному ходу. Малышев последовал за ним.

* * *

Малышев с трудом разлепил опухшие глаза и осмотрелся. Поднялся с кровати, заглянул в комнату Алексея, вернулся в гостиную и плюхнулся на диван. Глебова нигде не было.

- Черт, - выругался он, потирая лицо. Побег Глебова грозил кучей неприятностей...

Однако, к его облегчению, входная дверь открылась, и на пороге с бумажным пакетом в руках появился Алексей. Он прошел в комнату, поставил пакет на

стол.

«Свеж и подтянут, будто не было ни драки, ни ночной попойки», – отметил про себя Малышев с долей раздражения.

- Доброе утро. - Алексей кинул оценивающий взгляд на сыщика.

- Кому как, - отозвался тот хриплым голосом. Кашлянул в кулак.

Глебов неопределенно кивнул, подумав о том, где ему пришлось сегодня побывать.

- Точно подмечено, - буркнул он себе под нос.

В комнату постучались, Алексей разрешил войти, и на пороге возникла служанка с подносом в руках. Поставив кофейник с чашечками на стол, молочницу и сахарницу, она сделала книксен¹ и удалилась.

- Тебе кофе с коньяком? – спросил Глебов, видя плачевное состояние Малышева. Сейчас ему был нужен сыщик с ясной трезвомыслящей головой.

- Без, - отозвался тот.

- Без коньяка?

- Без кофе.

Алексей вздохнул.

- Шутишь, значит не все так плохо, - заметил он, разливая кофе по чашкам. Молча принялся завтракать.

Малышев сел на соседний стул.

- Где был? – спросил он.

- Да так, «пригласили» с утра в одно место.

- Кто?

- Те самые, с которыми вчера столкнулись в кабаре.

Малышев некоторое время молча смотрел на Алексея, мирно поглощающего хрустящий круассан, намазанный сливочным маслом. Булочки были еще горячими - масло быстро таяло на них. Но, несмотря на мнимое спокойствие Глебова, Малышев понимал – обстоятельства складываются скверно.

- Твои знакомые не представились, - наконец сказал он. – Что они хотели?

Глебов вздохнул:

- Учитывая род деятельности, которой я занимался год назад, можно и догадаться - я не только круассанами наслаждался, когда был в Париже.

¹ Книксен – почтительный женский поклон с легким приседанием.

- Ты их провел?

- Мягко сказано.

Алексей не пожелал вдаваться в подробности, Малышев не стал настаивать.

- Так они нас все-таки выследили, - сказал он.

Глебов кивнул:

- Да, а утром я невольно побывал у Валета - главаря их банды. Валет считает, что ты и я готовимся провернуть аферу. И посему предпочел получить отступные.

- Сколько?

- Сорок тысяч франков¹.

Малышев, нахмурившись, промолчал. Алексей сделал еще пару глотков кофе и сказал:

- Если Валет верит в то, что мы хотим кого-то кинуть, то мы кинем.

Малышев откинулся на спинку стула, затем категорично заявил:

- Я не намерен нарушать закон.

Алексей бросил на него недобрый взгляд, сделал еще глоток кофе.

- Воля твоя, - ответил он, пожимая плечами. — Значит, умрешь законопослушным подданным Его Величества. Они не выпустят нас из города.

Малышев покрутил чашку на блюдечке, затем оттолкнул блюдце с чашкой в сторону. Некоторое время оба молчали.

- Уж лучше пусть думают, что мы хотим кого-то ограбить, чем узнают, чем мы тут на самом деле занимаемся, - наконец сказал он.

Алексей хмыкнул:

- Рад, что ты можешь думать здраво.

Малышев пропустил его сарказм мимо ушей:

- Есть идеи?

- Да, есть некоторые задумки. — Глебов закончил завтрак. Коснулся салфеткой губ. Бросил ее на край стола и откинулся на спинку стула. — Скажи, сколько департамент платит Азефу за сведения?

Малышева вопрос Алексея озадачил.

- Не так уж много, если ты его собрался обобрать.

- Тогда откуда у него такие деньги - он тайком от всех кутит, спускает деньги в рулетку, тратит на роскошные драгоценности для своей любовницы, снимает ей дом?

Малышев вздохнул:

- Я уже думал об этом.

- Что скажешь?

- Предполагаю, что Азеф не просто рядовой член партии эсеров, как думают в департаменте. Он один из ее лидеров.

¹ Прим. автора: Сумма составляет чуть более 15 тысяч рублей (в начале XX века 1 рубль = 2,66 франка).

- И имеет доступ к партийным деньгам, - закончил за Малышева Глебов. - Он оперирует крупными денежными средствами партии, часть которых оседает в его карманах.

- Ты считаешь, что сможешь заставить его воспользоваться партийной казной?

- Да. И я не сомневаюсь, что он воспользуется своей любимой копилкой. - Алексей усмехнулся. - Да и ты не запятнаешь честь мундира. Лишив эсеров с их террористической организацией значительных денежных средств, ты даже исполнишь долг перед Отечеством.

Малышев сурово нахмурился.

Тем временем Глебов добавил уже без шуток:

- Возможно, так мы даже сорвем планы Азефа.

Малышев внимательно с прищуром посмотрел на Глебова.

- А ты ведь многого не договариваешь.

- И ты тоже, - парировал Алексей. Однако Малышев молча ждал разъяснений.

- Ну, хорошо, - пошел на уступки Глебов. - У Азефа в планах крупный террористический акт - совершить взрывы в Петербургском департаменте полиции.

- Нонсенс, - в голосе Малышева прозвучало недоверие. - Откуда ты это узнал?

- Сорока на хвосте принесла, - съязвил Глебов.

- А ты меня не пытаешься провести?

Алексей усмехнулся, наклонился к агенту.

- Была, конечно, у меня такая идея: кинуть тебя и твоего хозяина - господина Лопухина. Да вот только много козырей у вас на руках.

Малышев молчал.

Глебов выпрямился:

- Ты в деле или нет?

- В деле. Излагай.

* * *

Как обычно, ранним утром Любовь Григорьевна Азеф - небольшая, стриженная женщина в легких веснушках, и ее шестилетний сынишка Миша пили чай. Мальчик увлеченно облизывал леденец, полученный от матери за полностью скушанную кашу, а Любовь Григорьевна с обожанием смотрела на свое чадо, придерживая чашечку чая у рта.

Во входную дверь позвонили, женщина встрепелась, затем неторопливо поставила чашку на блюдце и вышла. Когда она вернулась с утренней газетой в руках, то увидела, что ее сын уже успел перемазаться липким леденцом, стараясь прилепить его к своей щеке. Леденец на пару секунд прилип, затем соскользнул с щеки. Миша засмеялся и вновь повторил попытку.

Любовь Григорьевна с улыбкой покачала головой, положила газету на комод и подошла к сыну.

- Ах, глупышка, глупышка, - она обтерла маленькие, грязные пальцы и выставленные губы ребенка.

В комнату вошел Евно, кинул на них взгляд, потрепал сына по волосам и сел за стол. Любовь Григорьевна оставила Мишу в покое, проворно расставила перед супругом посуду, налила чай.

- Где газета? – слегка раздраженно напомнил Азеф.

Любовь Григорьевна тотчас подала ему газету, которую он тут же развернул, и погладила мужа по большому плечу.

Как и супруг, Любовь Григорьевна состояла в ПСР¹, но активной роли там не играла, потому что не хотел Евно. Никто из товарищей даже не догадывался, что читанный Азефом доклад «Борьба за индивидуальность по Михайловскому», который все партийцы встретили с одобрением, писала ему она. Но Любовь Григорьевна об этом не жалела – лишь бы все шло впрок супругу...

Чтобы не мешать мужу, она отошла к сыну, а Азеф, отхлебнув чаю, пробежался глазами по заголовкам.

На первой странице была помещена статья под броским названием «Правительство США намерено конфисковать имущество политика Смита на сумму 20 миллионов долларов²». Газета сообщала, что американский политик Генри Смит нажил имущество, злоупотребляя своим должностным положением. Федеральные службы проводят расследование, однако сам Смит не может быть призван к ответу, так как скоропостижно скончался. На имущество Смита наложен арест. По предварительным оценкам, семья Генри Смита – его наследники лишатся имущества в размере 20 миллионов долларов США.

Азеф вздохнул, с завистью представив, какую жизнь можно вести, имея такие деньги, и принялся за чтение другой статьи. Можно сказать, что он забыл о статье, но лишь до следующего происшествия, которое произошло в этот же день.

Днем, как обычно, Евно Азеф зашел в кафе «Роше». За соседним столиком сидели два джентльмена, одетых с иголки, с дорогими швейцарскими часами на запястьях. Пили кофе. Один из них подозвал мальчишку-продавца, предлагающего газеты, приобрел одну и, развернув, обратился к своему знакомому.

- Макс, газетчики опять упоминают вашу семью. Сожалею, - произнес он сочувственно.

- Что на этот раз, Аликс? – резко произнес его собеседник с явным акцентом, да так громко, что привлек внимание окружающих, в том числе и Азефа. Джентльмены замолчали, пока не убедились, что посетители кафе вернулись к своим занятиям.

- «Правительство США намерено конфисковать имущество политика Смита на сумму 20 миллионов долларов», - понизив голос, прочитал Аликс.

Макс выругался по-английски.

- Отец умер, не перенеся травлю, устроенную против него, а власти решительно настроены разорить мою семью. Они не оставят нам и цента!

¹ ПСР – партия социал-революционеров.

² Прим. автора: Курс русского рубля к американскому доллару в 1905 году был 1 х 1,95.

- Нужно срочно действовать, Макс. Есть один способ... Нужно только подыскать надежного международного партнера, который согласился бы сотрудничать с нами и содействовать выведению миллионов вашей семьи из страны.

- Двенадцати миллионов долларов США наличными? – Американец нервно пощелкал костяшками пальцев.

- Да, тех самых наличных, которые вам приходится скрывать.

- Эти деньги принадлежали моему покойному отцу, и, соответственно, принадлежат семье!

- Я ни в коей мере не оспариваю ваше право, Макс. Однако долго скрывать такую наличность в Америке вам не удастся.

Смит вновь пощелкал пальцами.

- Мы вынуждены скрывать. Ведь швейцарское правительство заморозило все счета семьи в швейцарских банках, и официальные лица ряда других стран выразили намерение последовать примеру Швейцарии.

- Именно поэтому необходимо вывести деньги в другую страну. Я бы вам посоветовал вывести капитал в Россию. Эта страна не столь щепетильна, если дело дойдет до требования правительства США вернуть деньги.

- Значит, нам нужен надежный человек - подданный России, - произнес Смит. – У меня так мало времени – власти вот-вот нас разорят! Я готов хорошо заплатить такому человеку. Не жаль отдать десять процентов от той суммы, что оставил отец. Это, по крайней мере, спасет мою семью от нищеты!

- Я постараюсь найти такого человека, - пообещал Аликс, и в этот момент Азеф решительно подошел к их столику.

- Прошу прощения, месье, что вмешиваюсь, - заговорил он, - но я невольно услышал ваш разговор.

Максимилиан и Аликс переглянулись, затем с подозрением уставились на него.

- Позвольте? – Он кивнул на свободный стул за их столиком. Затем сел, от чего стул страдальчески закрипел под его тяжестью. – Разрешите представиться, меня зовут Евно Фишелевич Азеф, я подданный России. Думаю, я могу быть вам полезен.

Мистер Смит окинул Азефа недоверчивым взглядом и надменно уставился на него.

- Не думаю, что это хорошая идея. Мы не берем людей с улицы, - заявил он.

Аликс положил ладонь на его локоть:

- Прошу, успокойтесь, Максимилиан. Будьте благоразумны. – Он повернулся к Азефу. – Месье... Азеф, не так ли? Мы, конечно же, благодарны вам за то, что вы желаете оказать нам услугу. Но поймите, не каждый подойдет под эту роль. Мы вас совсем не знаем. Кто вы и чем вы занимаетесь.

- Я инженер крупной электрической компании. И у меня есть довольно влиятельные знакомые в России, - заявил Азеф. Наследник крупного состояния ему не понравился - импульсивный глуповатый мужчина вызывал у него неприятное чувство.

- Это плохая идея, - вновь сказал Максимилиан и поднялся. – Я уйду, Аликс. К вечеру жду от вас новостей. – И он удалился.

Азеф, раздраженный до глубины души, поднялся со стула.

- Подождите, месье Азеф, - остановил его Аликс, - прошу вас, сядьте.

Когда Азеф сел, он продолжил:

- Я прошу прощения за своего друга, месье Азеф. Он находится в очень сложной ситуации, и кидаться в крайности в таком деле, как вы понимаете, не позволительно. Я вижу, вы человек честный и положительный, и потому прошу вас, сохраните конфиденциальность информации, которую вы сегодня услышали. Никто не должен знать, что наследник промышленника-монополиста Смита находится здесь, во Франции. В знак признательности, я хочу оплатить ваш обед, месье. – Аликс подозвал жестом официанта и попросил счет, распорядившись внести в него оплату и за обед Азефа.

* * *

На следующий день Азеф получил письмо от некоего Аликса де Го. Раскрыв его, Евно сразу понял, от кого оно пришло.

«Дорогой месье Азеф», - говорилось в письме, - «Я очень надеюсь, что мое письмо не причинит Вам никаких неудобств. Ваш адрес я получил от своего хорошего друга, который работает в русском посольстве. Еще раз прошу прощения за вмешательство в Вашу частную жизнь и за беспокойство. А также прошу прощение за то недоверие, которое мы выказали вам вчера. Получив от вас некоторую информацию о себе, я имел наглость навестить о вас справку. Скажу вам честно, вы зарекомендовали себя в обществе с самой лучшей стороны - как человек честный и принципиальный. И, к слову, мистер М. Смит приносит вам свои извинения за грубость, но не сможет принести вам их лично - по срочному делу он отбывает из столицы.

Как вы уже знаете, меня зовут Александр де Го, я представляю интересы мистера Максимилиана Смита, сына скандально известного промышленника и политика США (если вас интересует информация о нем, вы можете ознакомиться с ней в американских газетах).

Мистер Смит скончался полгода назад, и с тех пор его семья несет существенные финансовые потери из-за мстительной политики властей. В связи с этим семья Смит обратилась ко мне с просьбой подыскать надежного международного партнера, который согласился бы сотрудничать с нами и содействовать выведению из страны двенадцати миллионов долларов США, находящихся в настоящее время в распоряжении наследников. Эти деньги принадлежали покойному политику и хранятся семьей в секретном месте. Швейцарское правительство уже заморозило все счета семьи Смит в швейцарских банках, а официальные лица ряда других стран выразили намерение последовать примеру Швейцарии. Именно поэтому мы вынуждены просить Вас оказать содействие по вывозу капитала, а также дальнейшей инвестиции денег в интересах семьи.

Сделка будет носить характер совместного предприятия, и нам потребуется высокий уровень координации усилий. Все деньги представлены в форме наличности, поэтому очень важно принять дополнительные меры безопасности, чтобы предотвратить их кражу либо захват.

Я уже полностью разработал план действий. Без всякого сомнения, выведение денег следует осуществлять поэтапно. Первый транш составит 7 000 000 (семь миллионов) долларов США. Мои клиенты высказали пожелание предоставить Вам за оказанные услуги разумный процент этой суммы по завершению сделки. Думаю, будет целесообразно, если мы с самого начала обсудим Вашу долю.

Я готов выслушать Ваши пожелания. Сразу после этого предоставляю Вам все подробности сделки, необходимые для ее успешного проведения.

Прошу Вас не испытывать никаких сомнений по части безопасности нашей совместной работы: все меры предосторожности будут своевременно приняты, поэтому я могу гарантировать Вам успех мероприятия. Однако должен обратить Ваше внимание на необходимость соблюдения абсолютной конфиденциальности нашей сделки до момента окончательного выведения капитала из Штатов.

Если Вас заинтересовало наше предложение, пожалуйста, сообщите мне о своем согласии оказать содействие моему клиенту.

В случае отсутствия интереса прошу Вас оценить степень доверия, которое мы Вам оказали, и не предавать огласке содержание настоящего письма.

С надеждой на дальнейшее сотрудничество и благодарностью, Аликс де Го»

Далее был указан адрес, по которому Азеф мог, при желании, обратиться.

Азеф еще раз перечитал письмо и вслух повторил сумму, которая заставила его задрожать.

* * *

Для проведения аферы Глебов и Малышев сняли дорого меблированный домик в престижном местечке Парижа. Пришлось немного обновить гардероб, изменить внешность. Малышев нехотя, но исполнил роль богатого наследника мистера Смита. Ключевая роль досталась Алексею. Именно он, как доверенное лицо богатого семейства, должен был вступать в контакт с Азефом.

- Существуют пять основных условий предпринимательской аферы, которым необходимо следовать, - объяснял Алексей Малышеву, собираясь на назначенную встречу с Азефом. - Первое, наличие псевдо-документации – статей в газетах, деловых писем. Зная, какую газету по утрам читает Азеф, мы сделали так, чтобы написанная мной статья попала в эту газету. Присланное же ему письмо было основательно продуманно – в скромном послании было заложено много ценной информации.

Малышев присел на край подоконника, сложил руки на груди.

- Каково второе условие?

- Второе условие, наличие рекомендаций и элитарность, - Алексей застегнул запонки и поправил галстук. - Подлинный смысл рекомендаций в афере всегда один: раздуть самолюбие жертвы, дать ей почувствовать собственную важность, которая ставила бы ее вровень с такими богатыми людьми, как вы, «мистер Смит»... Третье условие, умопомрачительные суммы сделок. Никогда аферы не делаются ради десятка-другого долларов, фунтов и тому подобного. Чем больше нулей, тем охотнее жертва попадает на удочку.

Алексей взял тросточку и повертел в руке.

- Четвертое условие, акцент на не легитимность сделки. В афере всегда подчеркивается пикантность ситуации, ее закрытость и та или иная степень незаконности. Деньги Смитов хранятся в «секретном месте», главное в сделке — «сохранение ее конфиденциальности».

- Создать иллюзию «отмывания денег»? Расчет делается на то, что жертва, когда поймет, что ее обманули, не обратится в органы правопорядка из-за страха оказаться соучастником противозаконного деяния.

- Так и есть, - Алексей оперся на палочку, по-франтовски скрестив ноги и уткнув носок остроносой обуви в пол. – И, наконец, пятое условие - малые усилия.

- Гарантия того, что жертве не придется прилагать много усилий для выполнения поставленной перед ней задачи.

Глебов кивнул:

- Это условие даже обязательно, поскольку в сети мошенников попадает люди не столько глупые, сколь ленивые. Потому-то Аликс де Го настойчиво повторяет в письме, что вся операция им уже продумана и рассчитана до малейших деталей, так что от Азефа потребуется всего ничего: определить свою долю в прибыли и выполнить кое-какие необременительные телодвижения. – Алексей сделал тростью круг в воздухе.

- Хитро. Но Азеф не так прост.

Глебов улыбнулся:

- От этого игра еще интересней...

* * *

Аликс де Го, завидев приближающегося Азефа, встал и с приветственной улыбкой протянул ему руку.

- Здравствуйте, месье Азеф.

Евно ответил на приветствие, де Го учтиво предложил ему присесть. Когда мужчины расположились за столом, де Го заговорил:

- Благодарю вас, месье Азеф, за проявленное желание оказать нам помощь. Мы планируем депонировать¹ оговоренную сумму денег в авуары² одной крупной русской компании. Я подготовлю депозитарный сертификат на ваше имя, а также сообщу координаты человека в России, ответственного за транспортировку груза. Вам нужно связаться с ним по телеграфу. Пожалуйста, сообщите мне о себе данные, а также ваше полное имя, чтобы я мог правильно заполнить документы.

Он вынул из портфеля бумаги, которые протянул Азефу. Пока тот записывал данные о себе, Аликс продолжил говорить:

- Еще раз хочу заверить вас в полной безопасности нашей сделки, месье, — все документы будут подготовлены в должном порядке, поэтому вам не о чем беспокоиться. Мы решили отблагодарить вас суммой, составляющей десять процентов от общей величины сделки. Наш интерес составит восемьдесят процентов, и десять процентов будут выделены в специальный фонд на покрытие прямых расходов обеих сторон, которые могут возникнуть в процессе выполнения сделки: телефонные и телеграфные счета, транспортные расходы и тому подобное.

Азеф кивнул. Его глаза алчно загорелись.

Аликс продолжил:

- Мне необходимо получить ваши банковские реквизиты, месье Азеф, чтобы обозначить их в нашем договоре для последующего перевода на ваш счет обусловленной компенсации. Текст договора я вышлю вам с посылным сегодня вечером. Вам надлежит ознакомиться с его содержанием, подписать и выслать обратно.

Евно нахмурился. Сказанное де Го ему не понравилось. Ведь после того, как он подпишет соглашение, у де Го на руках окажется копия его подписи, каковую можно использовать для любой незаконной операции с его банковским счетом, коий он также должен был сообщить.

Алексей же с удовлетворением отметил про себя, что Азеф попался на уловку: запрос подписи на договоре — это был так называемый ложный след, сосредотачивающий внимание Азефа на вещах, по сути, не столь важных.

- Здесь есть определенный риск для меня, - заявил Евно.

Аликс де Го изобразил удивление, затем мило, снисходительно улыбнувшись, сказал:

- Ну что вы, месье Азеф, ни в коей мере! Но все же, если вас беспокоит данное обстоятельство, я обсужу его с мистером Смитом. Сегодня же отправлю ему телеграмму и, возможно, он изменит некие условия.

На этом они и распрощались.

На следующий день вновь состоялась встреча. Де Го опоздал, но явился воодушевленный и оптимистично настроенный. После обмена приветствиями он сообщил:

¹ Депонировать — передать на хранение.

² Авуары - денежные средства, активы, которыми можно производить платежи и погашать финансовые обязательства.

- Мне удалось обо всем договориться, месье Азеф, так что вам больше нет нужды подписывать соглашение - как только деньги будут доставлены в Россию, вам нужно будет приехать в эту страну и собственноручно подписать отпускной ордер, что произойдет в присутствии независимого нотариуса. Расходы на нотариальное заверение будут, как мы уже говорили ранее, покрыты из специального фонда.

- Меня это устраивает, - Азеф кивнул.

Де Го смотрел на него, улыбаясь. Если вчера он намеренно пошатнул доверие Азефа, то сегодня он своим сообщением развеял страхи и сомнения жертвы. Однако Алексей не доверял Евно - тот явно продумывал способ, как нагреть глупого америкашку Смита и его поверенного де Го.

- У меня для вас замечательные новости, месье Азеф. Вчера мне удалось, наконец, оформить депозитарный сертификат, так что в самом ближайшем времени сделка придет к успешному завершению, и мы все сможем вздохнуть с облегчением.

- Замечательно.

Аликс де Го кивнул и продолжил:

- Однако возникают некоторые сложности, месье Азеф. Как вы знаете, мистер Смит уехал и на данный момент не имеет возможности вернуться в Париж. У меня же осталась совсем небольшая сумма из оставленных мистером Смитом денег. Мне пришлось наличными заплатить за сертификат, сегодня предстоит заверить *аффидевит*¹ на ваше имя в суде. Предстоят еще некоторые расходы, связанные с оформлением документов – для ускорения дела приходится оказывать финансовую помощь госслужащим... - де Го сделал своеобразный жест – потер большим пальцем средний и указательный пальцы. – Вы меня понимаете?..

Евно стушевался, а его собеседник продолжил:

- Нам придется ждать возвращения мистера Смита или же найти необходимую сумму сейчас и не терять время на ожидание.

Азеф напряженно молчал. Алексей решил его подтолкнуть:

- Из последней телеграммы мистера Смита, я понял, что власти намерены конфисковать имущество Смитов. Если мы не сможем вывести деньги из страны, то все наши усилия пойдут прахом.

- Какая сумма вам необходима, месье де Го?

Аликс назвал сумму, отчего Азеф запыхтел:

- Это большие деньги!

Де Го вздохнул:

- Ну, что же, будем ожидать средств от мистера Смита...

Азеф беспокойно заерзал на стуле. Стул опасно закрипел, а де Го замолчал.

- Я дам вам необходимую сумму, - выдавил из себя Евно, - но при условии, что вы гарантируете мне возврат.

¹ Аффидевит (экон.) – нотариально заверенное показание или заявление, подтверждающее факт владения ценными бумагами и объясняющее способы их приобретения.

- Несомненно, месье Азеф. Ведь десять процентов капитала Смитов выделены в фонд на покрытие прямых расходов обеих сторон. Вы сможете получить ваши деньги из этого фонда, когда деньги будут перечислены на специальный счет, - заверил его де Го.

- Мне нужна расписка, - потребовал Евно.

Де Го осторожно кивнул.

- Справедливо. Что ж, месье Азеф, мы увидимся с вами пополудни здесь же. Вы привезете деньги, а я передам вам расписку...

В полдень Азеф привез необходимую сумму, а де Го передал ему расписку, которую Евно принялся досконально изучать. Аликс ловко просчитал скрепленные в пачку купюры и положил в портфель.

- Теперь мы сможем полностью подготовить всю документацию, необходимую для перевода денег в Россию, - произнес он.

Азеф взглянул на портфель, сложил расписку пополам и аккуратно положил во внутренний карман.

Они пожали друг другу руки и на этом распрощались.

* * *

Азеф увидел де Го, сидящего на высоком стуле возле барной стойки, и поначалу не узнал этого, как ему казалось, оптимистичного господина. Де Го был пьян. Не просто пьян, а пьян в стельку, вдрабадан. Одежда его была неопрятной, галстук съехал набок, на манжетах отсутствовали бриллиантовые запонки, которые Евно видел у него несколько раз, а взлохмаченные волосы напоминали гнездо нерадивой птицы.

В полнейшем недоумении Азеф подошел к нему и остановился рядом. Пьяный де Го даже не заметил его, хотя не заметить грузного Азефа было невозможно. По крайней мере, вменяемому человеку, но Аликс де Го к разряду «вменяемых» сейчас не относился. Между тем тот смотрел на свой пустой бокал и продолжал доносить бармена.

- Жак, ты понимаешь... Казино... Казино это такая штука... Зашел и п-фу, - он развел руки, как фокусник, - всё – денег нет! Я все проиграл, ты понимаешь, все... Даже запонки... Я банкрот!

- Месье де Го! – окликнул его раздраженный Азеф.

Де Го повернул голову, некоторое время непонимающе смотрел на Евно, затем на его лице расплылась пьяная улыбка:

- Ба, месье Азеф!

Затем лицо де Го сморщилось, он отвернулся, плечи его дрогнули и он заплакал.

- Перестаньте, де Го. На вас смотрят! – сквозь зубы прошипел Евно. - Пойдемте. – Он подхватил Аликса под руку и бесцеремонно увел в укромный тихий уголок помещения - подальше от посторонних глаз. И тут же накинудся на него с расспросами:

- Потрудитесь объяснить мне, что происходит!

- Что происходит? Меня посадят, вот что происходит! Денег больше нет: моих, ваших, тех, что дал Максимилиан! Ничего нет!

- Вы проигрались! – прогромыхал Евно.
 - Вы даже не представляете, на сколько! – Аликс схватился за голову.
 - Вы, низкий мерзкий букашка, верните мне мои деньги! – завопил Азеф.
- Де Го уставился на него остекленевшими глазами.
- Но у меня нет денег. Нет! Нет ничего! – Он вновь схватился за голову.

Азеф разъяренно накинулся на него, схватил за грудки, прижал к стене. Де Го смотрел на него все такими же шальными глазами.

- Я хотел выиграть деньги... Вернуть долги... Если бы у меня было сорок тысяч, я смог бы заполучить деньги Смитов... - будто в бреду сознавался он.

- Ты хотел обокрасть Смитов?

- Обокрасть? Они обворовывали своих же соотечественников. Роскошествовали на эти деньги! Хватит им жировать, пусть поживут, как все! Думаете, Макс Смит заслуживает эти деньги? Он глуп, бездарен, жаден! Такие же – всё семейство Смитов! Они не заслуживают этих денег! А я могу воспользоваться ими достойно! Если бы у меня было сорок тысяч... тогда я смог бы оформить документы так, что все досталось бы мне! Нет, нам! Нам, месье Азеф! Двенадцать миллионов! Двенадцать! Но ни у меня, ни у вас нет сорока тысяч! Мы всегда будем бедными! А я окажусь в тюрьме. Через день-другой меня арестуют и деньги уйдут навсегда. А ведь был шанс! Нужно всего лишь сорок тысяч...

Азеф отпустил де Го. Он лихорадочно думал.

- У меня есть такая сумма, - сказал он.

Де Го поднял голову и посмотрел на него с надеждой, затем его взгляд потух.

- Невозможно.
- У меня действительно есть такая сумма.
- Если так... Я могу сделать вас богатым!
- Где гарантии?

Де Го лихорадочно думал.

- Максимилиан Смит мне доверяет. Я его официальное доверенное лицо. Я передам вам часть очень ценных бумаг, и мы вместе будем владеть целым состоянием, которое заберем у Смитов... Мы получим все деньги, месье Азеф, все деньги Смитов! – убеждал де Го, взяв Азефа за плечи и смотря ему в глаза. И Азеф поверил. Поверил, что так и будет. Он увидел себя миллионером, которому уже ничего не надо бояться: не надо лгать эсерам и полиции, и опасаться, что либо те, либо другие отмстят за предательство.

- Думаете, я поверю такому мошеннику, как вы? – Азеф презрительно рассмеялся. Затем заявил:

- Завтра я приеду в ваш дом с деньгами. Со мной будет нотариус. Не вздумайте меня обмануть!

* * *

Азеф явился в полдень вместе с щуплым нотариусом. При нем была нужная сумма.

- Месье Густав проверит документы и составит договор. Деньги должны быть переправлены на мой счет в российский банк.

- Э, нет, месье Азеф. Мы откроем общий счет и сможем снять с него деньги только вместе! – заявил де Го.

- Я хотел бы взглянуть на документы, - отметил нотариус.

Де Го и Азеф посмотрели на почтенного старичка.

- Конечно, месье, - ответил де Го. – Надеюсь, месье Азеф сказал вам, насколько все происходящее конфиденциально.

- Да, месье.

Аликс де Го расстегнул портфель и вынул папку с документами.

- Я хотел бы видеть деньги, - заявил он, не выпуская папку из рук.

Азеф открыл саквояж.

- Позвольте, - Аликс аккуратно вынул из саквояжа пачку банкнот и, убедившись, что это не кукла¹, кивнул. Затем передал нотариусу документы.

Месье Густав расположился за столом, поправил очки на носу и открыл папку.

- Что здесь происходит?! – раздался громогласный голос позади, все обернулись и в дверном проеме увидели крупную высокую фигуру Максимилиана Смита.

- Максимилиан? – изумился де Го, и в его глазах отразилась паника. – Но ты же...

- Что здесь происходит, черт возьми! – повторил Смит, и, не дождавшись ответа, прошел к столу. Быстро перебрав документы, он посмотрел на де Го. – Вы решили меня обокрасть?! – завопил он, сметая документы со стола.

Нотариус поспешно вскочил на худые ножки, сжимая в руках свой портфельчик.

Смит грозно и гневно посмотрел на него.

- Вы кто? Уходите прочь! Вон!!!

Старикашка поспешно юркнул к выходу.

Смит смерил гневным взглядом Азефа, затем де Го.

- Как ты мог, Аликс? Ты был моим другом все эти годы!

- Другом? – Де Го нехорошо, не по-доброму рассмеялся. - О какой дружбе можно говорить, когда дело касается таких денег?

Почувяв, что дело пахнет жареным, Азеф потянулся к своему саквояжу.

- Стоять! – завопил Максимилиан Смит.

- Я хочу уйти, месье. Разбирайтесь тут между собой сами.

- Никто отсюда не уйдет! – заявил Смит, вынимая револьвер из-за пояса и наводя на Азефа. - Я вызвал полицию, они будут здесь с минуты на минуту!

Евно побледнел. Смит держал их обоих под мушкой.

- Ты ведь помнишь, Аликс, моего друга комиссара Жюстена? Он сгноит вас в тюрьме! – затем он посмотрел на Азефа. - Кидай саквояж сюда!

¹ Кукла (жарг.) - пачка бумаги, нарезанная по формату денег, вложенная между настоящими денежными купюрами.

Евно не двинулся с места.

- Отдайте ему саквояж, Азеф! – услышал он тревожный голос де Го.

Азеф нехотя швырнул саквояж к ногам Смита и когда тот, опустил взгляд на сумку, потянулся к револьверу за пазухой.

Де Го опередил его. Выхватил из-за пазухи револьвер. Раздался выстрел. Смит схватился за грудь, его рубашка окрасилась красным, и он рухнул на пол.

- Черт, ты убил его! – воскликнул Азеф. Де Го с безумным видом приблизился к убитому.

- Ты сам виноват! Сам! – вопил он как безумный, махая револьвером.

Азеф сделал шаг в его направлении, но де Го резко навел на него дуло. Глаза его были безумными, лицо искажено.

Евно предусмотрительно поднял руки.

- Я только хочу забрать свои деньги, - сказал он.

- Если ты сделаешь хоть шаг ко мне, я убью тебя, жирная свинья! – де Го безумно рассмеялся. – Сейчас здесь будет полиция! Полиция! Я слышу их! Они уже за окном, они уже здесь! Ты слышишь их, Евно Азеф?

Азеф прислушался, покрывшись холодным потом. Нащупал рукоятку револьвера. Он не хотел быть пойманным полицией, но и не хотел уходить без своих денег!

- Давай спрячем труп, Азеф?! Да, давай, спрячем! Я думаю, он войдет в шкаф! Придет Жюстен, а мы просто будем пить кофе! Он ничего не заподозрит, я обещаю!

- Ты спятил, - просипел Азеф. Его руки вспотели и пальцы, сжимающие рукоятки револьвера не хотели слушаться.

- У тебя есть револьвер? Ты хочешь пристрелить меня, Азеф? – Де Го затряс оружием в сторону Евно, готовый в любой момент выстрелить. И выстрелил. Но мимо.

Азеф поднял руки.

- Я отдам, отдам тебе оружие, - сказал он. – Вот возьми.

Он двумя жирными пальцами вынул оружие и положил его на пол. Пнул его ногой, но не совсем к де Го.

Когда Аликс де Го потянулся за оружием, Азеф схватил стоящий рядом стул и швырнул его в сумасшедшего. Раздался удар, выстрел.

Азеф кинулся к выходу. Побежал по лестнице, перескакивая ступеньки. А вслед раздалось еще несколько выстрелов.

* * *

Алексей выстрелил еще пару раз, оружейные хлопки гроыхали, но не оставляли отверстий. Холостые патроны. Затем прислушался. Шаги Азефа стихли. Засунув оружие за пазуху, он подошел к лежащему на полу Малышеву. Тот открыл глаза.

- Вставай, все закончилось. - Алексей протянул ему руку. – Ты несколько раз забывал говорить с акцентом.

- Продолжаешь учить «ремеслу»? Уволь, надеюсь, мне больше подобным не придется заниматься.

- Кто знает. – Алексей присел на корточки и открыл саквояж. Деньги. Почему они не вызывают чувство удовлетворения и радости?

- И что теперь?

- Покончим с бандой. Старикашка наверняка доложил полиции. Устроим небольшую встречу...

* * *

Валет получил записку от Ала. Тот сообщал, что ждет его в доме, снимаемом им последние несколько дней. Наглость афериста привела Валета в бешенство, усилив желание самому собственноручно пустить кровь наглецу.

В доме, куда Валет пришел со своими головорезами, было тихо. Быстро прошерстив комнаты, но никого не обнаружив, собрались в гостиной, где на столе, выставленный на вид, стоял саквояж. Валет кивнул Жану, тот открыл саквояж и передал боссу. В сумке были деньги и какие-то бумаги.

Валет жестом подал сигнал всем уходить. И тут раздался шум, и в комнату ворвались флики¹. После короткой потасовки полиция скрутила банду.

Комиссар полиции открыл саквояж:

- Деньги и поддельные документы? Хотел проверить аферу, Валет?

- Да, что ты, комиссар, я этим не занимаюсь.

- А бумаги-то заляпаны в крови! Замочил уже кого-то? Где труп?

- Какой труп, начальник?

- Не юли, Валет! Все равно сознаешься. Грузите их, парни. – Комиссар с ухмылкой посмотрел на главаря банды. - В участке поговорим.

- Меня подставили, начальник! – злобно прорычал Валет, когда его и его ребят повели к выходу.

- Как же! – буркнул себе под нос комиссар. Даже если Валета и подставили, все одно: лучше посадить этого мерзкого гада вместе с его бандой, натворивших уйму грязных дел, чем отпускать их на свободу.

* * *

- Теперь де Го и Максимилиана Смита считают покойниками. По крайней мере, какое-то время, - произнес Алексей, расположившись удобно в кресле и попивая из бокала дорогое французское вино.

- Нас могут подать в розыск, - заметил Малышев, в руке которого тоже был бокал - он сделал глоток и отставил его в сторону.

- Поэтому необходимо изменить внешность и поскорее убраться из города.

- А как же Азеф? – в голосе Малышева послышалось неодобрение.

Глебов кинул на него взгляд, затем отвернулся.

- Азеф - предатель. Работает только на себя.

¹ Флик (фр. жарг.) – полицейский (Flic - «Federation Legale des Idiots Casques», буквально «Легальная федерация идиотов в шлемах»).

- Нет доказательств.

- И не будет.

- Мы не закончили дело. – Резкость в тоне Малышева раздражала. Звучала как предостережение.

Алексей вздохнул. Посмотрел на искрящееся на свету красное вино. Для кого он это делает? Лиза оставила его и ушла к идеалисту Шмиту. Он же - может скрыться так, что его не найдут. Тогда зачем? Защищает Лиз, хотя и не может простить? И не простит. Даже если она будет умолять его об этом. Он доверял ей, верил в ее искреннюю любовь к нему, настоящую любовь, а она...

- Так что? – вывел его из задумчивости Малышев.

Глебов слегка вздрогнул, затем вздохнул и неторопливо сделал глоток из бокала.

- У нас мало времени... Но есть один метод. – Он посмотрел на Малышева.

- Какой?

- Шантаж.

Малышев нахмурился.

- Шантаж?

- Да, шантаж. Если Азеф действительно таков, каким я его считаю, он запаникует. Вот тогда его можно прижать к стенке, и он расколется...

* * *

Азеф паниковал. Который день он получал разоблачительные записки от известного или неизвестных. Они всё знали о нем! Евно боялся. Боялся по настоящему, как никогда в жизни не боялся.

Получив очередное письмо и прочитав его, он тут же сжег его в камине. Его трясло. Он не знал, кто это и что от него хотят. Невидимый враг. Если бы это были сотоварищи по партии, то они давно бы явились по его душу и совершили бы расправу. Если это полиция, то незамедлительно последовал бы арест. А автор или авторы писем не выдвигали никаких требований. Кто же? Кто?! Азеф решил бежать – бежать как можно дальше. Лучше в Америку – там его не достанут ни те, ни другие, ни третьи.

Собравшись, он выскочил на улицу. Он заберет с собой Мадлен. Жена ему наскучила, к тому же была истиной революционеркой – наивная! А вот Мадлен – яркая, страстная Мадлен – он заберет ее с собой!

Азеф шел быстро по улице, временами оглядываясь. Хотя Алексей и был осторожен, Азеф чисто интуитивно ощущал слежку, и вскоре ему удалось ускользнуть, заскочив в проезжающий трамвайчик.

Алексей чертыхнулся. Поразмыслив, он предположил, что Азеф придет на квартиру, где тайно встречался со своей любовницей.

Поймав пролетку, он назвал адрес извозчику.

* * *

Алексей уже час стоял в тени переулочка и наблюдал за домом, где находилась Мадлен, явившаяся на встречу к любовнику. Азефа еще не было. Темнело. Небо заволочено темными густыми тучами, и вскоре начался снегопад, застилая все вокруг пушистыми хлопьями.

Алексей укрылся под навесом и, прислонившись спиной к стене, прикрыл глаза. Сказывались усталость и напряжение последних дней. Ветер подхватывал и кружил снежинки. Также... Также, как и тогда... Он и Лиза гуляли по улице, счастливые и беззаботные. Ветер подхватывал и кружил вокруг них в легком вальсе пушистый снег... Личико Лизы запорошили снежинки, она засмеялась, попыталась смахнуть их с ресниц. Алексей сам сделал это: медленно, нежно, околдованный сиянием ее небесно-голубых глаз, улыбкой на слегка пухлых губах... А потом он поцеловал ее. Она ответила на его поцелуй с потрясающей любовью, и он забыл обо всем. Он только знал, что любит ее, и что она нужна ему. Нужна как воздух, как свет, как жизнь...

Алексей вздрогнул, открыл глаза и быстро взглянул на окно. В освещенном окне промелькнул силуэт Евно Азефа. Алексей отстранился от стены и направился к дому.

* * *

Алексей остановился у двери и прислушался. Он уловил отрывочные фразы, из которых понял, что Азеф готов был бросить все и умолял Мадлен уехать с ним в Америку. Скорее всего, Мадлен наотрез отказалась и вскоре вышла из квартиры. Дверь не успела захлопнуться – Алексей проскользнул внутрь и прикрыл дверь.

Глебов прислушался. Казалось, что помещение опустело – не звука, ни шума. Алексей надел черную маску, полностью скрыв за ней лицо, поправил шляпу, затем вышел из своего укрытия и тихо прошел в комнату.

В полумраке, на широкой кровати, лежал Евно Азеф. Его горой вздувшееся жирное тело тряслось, как зыбкое болото, а потное, дряблое лицо с быстро бегавшими глазами втянулось в плечи. Это большое, грузное существо дрожало как осиновый лист, испытывая невероятный страх.

Алексей приблизился к нему. Азеф замер и уставился полными ужаса глазами на видение во всем черном: смерть – то ли в виде фантома, то ли человека, но все равно смерть.

- Кто вы? – спросил он шепотом, не в состоянии от страха совладать с голосом.

- А кого ты ждешь? – по-русски спросил Алексей, усмехаясь. Он демонстративно наставил револьвер на Азефа.

Тот вновь затрясся.

- Вы пришли убить меня? Кто... Кто вас подослал?

- А ты как думаешь?

Глаза Азефа забегали по сторонам. Алексей уловил краешком глаза, как одна рука Азефа погрузилась под матрац.

- Даже не пытайся! – резко предупредил он. Азеф замер, уставившись на него. - Встать!

Азеф подчинился.

- Сядь в кресло!

Евно не стал перечить и сел в кресло. Алексей засунул руку под матрац, не отводя взгляда от Азефа, и вынул из-под него револьвер.

Засунул себе за пояс.

- Хотел убить меня? – спросил он, приблизившись к Азефу и прижав дуло к его лбу.

Евно задрожал. Превыше всего в жизни он ценил жизнь. Свою жизнь!

Склонившись к лицу Азефа, Глебов пренебрежительно произнес, будто выплевывал каждое слово:

- «Суровый террорист» и «непреклонный революционер», глава Боевой организации социал-революционеров и одновременно провокатор, доносчик, вор. «Азартный игрок» человеческими головами. - В глазах Азефа появился панический страх. Алексей зло рассмеялся. - В глубине души же жалкий трус, влюбленный в маленькие радости жизни и судорожно за них цепляющийся.

Азеф сжал пальцами подлокотники стула, так что побелели костяшки.

- Что вы хотите? – дрожащим голосом спросил он.

- Ты расскажешь мне обо всем. Кто стоит за вами? Кто приказал убить Плеве? На кого готовится покушение, когда произойдет? – Глебов взвел курок.

- Я не знаю. Богом клянусь, не знаю! Я общался только с Рачковским¹.

- Рассказывай!

- Рачковский Петр Иванович. Был начальником заграничной агентуры. Мы встретились с ним в Варшаве. Он сказал, что следующей целью Боевой организации должен быть Плеве.

- Дальше!

- Я давно не виделся с Рачковским. Знаю только, что он вернулся в Россию. Но кто стоит за ним, я не знаю! Клянусь!

- Боевая организация готовит очередное покушение. Кто цель?

- Я не знаю!

- Не знаешь?! – Алексей прижал дуло к виску провокатора. – Глава Боевой организации эсеров и не знает! Да я прострелю твою башку и избавлю мир от множества проблем за раз! Говори, сволочь!

- Хорошо, хорошо! – Азеф поднял трясущиеся руки вверх. – Осенью в Женеве я встречался с членами Боевой организации. Мы разделили организацию на три отряда. Во главе первого Швейцер². Он отправился в Петербург для исполнения приговора над генерал-губернатором Треповым и князем Владимиром.

Азеф судорожно вздохнул.

- Дальше!

Евно вздрогнул и продолжил:

¹ Петр Иванович Рачковский (1853, Дубоссары, Херсонская губерния - 1910, Режица, Витебская губерния) - организатор политического сыска в России. Заведующий заграничной агентурой Департамента полиции в Париже, Женеве в 1885-1902 гг. Вице-директор и заведующий политчастью Департамента полиции в 1905-1906 гг.

² Максимилиан Ильич Швейцер (1881, Смоленск -1905, Санкт-Петербург) - участник революционного движения в Российской империи, член партии социалистов-революционеров и её Боевой организации.

- Второй отряд Бориса Савинкова, послан в Москву. Его цель царский дядя, князь Сергей. Третий отряд отправлен в Киев - он должен организовать казнь генерал-губернатора Клейгельса. Во главе Боришанский¹. Они переправились через границу...

- Когда состоится ближайшее покушение?

- Второго февраля, - нехотя признался Азеф, - На великого князя Сергея.

- А Лопухин? Чего он опасается?

Азеф задрожал:

- Вы не из полиции... Тогда от кого же?

Алексей наотмашь ударил Азефа по лицу рукояткой револьвера:

- Это не твое собачье дело! Отвечай на вопросы, если не хочешь, чтобы я вышиб тебе мозги!

Азеф дрожащими пальцами коснулся покрасневшей щеки.

- Ну?!

- Лопухин боится... за свою жизнь. Думает, что на него готовится покушение, как на Плеве.

- Почему он так думает? Ты ему сообщил? Ну?!

- Я опасался, что он поймет, что я... - Азеф замялся.

- Предатель?

Евно не ответил, отведя глаза.

Алексей хмуро посмотрел на свое оружие.

- Что вы хотите сделать? – Азеф напряженно уставился на Алексея, и тот взглянул на него. Присмиривший поникший провокатор вызывал у него неприязнь и презрение.

- Ты поедешь со мной в Россию.

Одна лишь фраза о предстоящей поездке в Россию привела Азефа в дрожь и состояние истерии.

- Вы не можете так со мной поступить! – задыхаясь, проговорил он. Толстыми, как сосиски, пальцами, Азеф подергал тугой воротничок.

Алексей огляделся в поисках чего-нибудь, чем можно было связать руки Азефа, передвинулся к кровати, чтобы взять брошенный галстук. Он наклонился, и тут раздался звук, напоминающий щелчок взводимого курка.

Алексей обернулся, успел лишь увидеть оружие в руках террориста, направленное на себя дуло, и в этот момент раздался выстрел.

* * *

Россия, Москва

¹ Давид Боришанский - террорист, член Боевой организации эсеров, один из участников покушения на министра внутренних дел В. К. Плеве.

Лиза с криком проснулась вся в поту. Села на кровати, судорожно обхватив себя руками. Ей опять снился кошмар – воспоминания Кровавого воскресения в Петербурге. Ей снились выстрелы, крики, стоны, трупы, раненые и кровь на истоптанном снегу. Но теперь, в этом сне убивали не ее. Ей снился Алексей, лежащий в луже крови, и эта кровь растекалась под ним все большим и большим пятном.

В комнату постучали. Затем раздался нерешительный голос Николая.

- Лиза, с вами все в порядке? Вы кричали.

Она судорожно вздохнула, пытаясь взять себя в руки.

- Все х-хорошо, – отозвалась она.

Николай какое-то время постоял за дверью, затем ушел. Лиза откинулась на подушки. Сердце по-прежнему сжималось от предчувствия. Алексей в луже крови – картинка сна вспоминалась, как будто Лиза видела это наяву.

- Алеша, - прошептала она, и капелька слезы скатилась по ее щеке.

* * *

Катя Шмит сидела в кресле, прямая как струнка, и вышивала. Иголка с ниткой в ее руке взметалась вверх, затем вновь погружалась в ткань, закрепленную в пяльцах, и все повторялось снова.

Лиза, сидевшая напротив, задумчиво перевела взгляд от подруги на слегка покрытое морозным узором окно их нового дома. Еще неделю назад Катя предупредила ее о том, что они переезжают из особняка Шмитов. Было решено перебраться во флигель дома Плевако на Новинском бульваре, так как Николая тяготила богатая обстановка особняка, мешавшая простоте общения с рабочими, когда те к ним приходили. Новое жилье в сравнении с особняком было скромным, но уютным. И до фабрики было недалеко – нужно было пройти лишь Деятинский переулок.

Лиза тягостно вздохнула. Если бы Алексей ее искал, он давно бы нашел, независимо от того, куда она уехала и где проживает. Она ничего не знала о нем – где он, что с ним. Отсутствие известий угнетало и тревожило ее.

Катя в очередной раз взглянула на подругу:

- Что случилось? На тебе лица нет.

Лиза обернулась к ней:

- Не знаю... Что-то меня тревожит.

- Хочешь поговорить?

Лиза вздохнула.

- У меня снова был кошмар, - призналась она. – Но в этом сне... погибает мой муж. Я боюсь, Катя, вдруг с ним что-нибудь случилось?

- Да с чего ты взяла! Успокойся. – Катя отложила шитье. – Это был всего лишь сон.

Лиза вновь вздохнула, нервно заламывая пальцы.

- Не знаю... Он ведь не дает о себе знать.

- Вот и прекрасно. Твой Алексей Петрович совершенно тебя не заслуживает. – Катя пересела к ней на диван и взяла подругу за руки. – А твой сон можно очень просто объяснить.

- Как?

- Ты переживаешь разрыв. А сон говорит, что муж для тебя умер и пора его «похоронить и забыть». Господи, прости, - Катя перекрестилась.

- Да что ты такое говоришь! – Лиза высвободила руку из руки подруги. – Такие слова вообще не надо говорить!

Катя фыркнула:

- Когда разговор заходит о твоём супруге, ты становишься на его защиту. Скажи, ты действительно хочешь расстаться с ним?

Лиза отвернулась к окну и кивнула.

- Да. Хочу.

- Мой брат тебя очень любит.

Лиза покраснела.

- Катя, прекрати! Я замужем.

- Ну вот, опять! Ты что забыла? Сама только что говорила о том, что хочешь расстаться с мужем.

Лиза поникла, затем тихо напомнила:

- Ты ведь знаешь, почему я должна от него уйти.

- О, Лиза! – Катя сочувственно сжала ее руку. – Я знаю. Но на все воля Божья. И то, что случилось с тобой, не должно быть причиной, по которой ты должна уйти от мужа! Понимаешь?

Лиза смахнула наворачившуюся слезу тыльной стороной ладони.

Они не успели договорить – в дверь постучали, вошла прислуга, нанятая совсем недавно, и внесла поднос с давно ожидаемым чаем и ватрушками. На подносе стояла три чайные чашки.

- Барышня, барин пришел, - сообщила она. – Сказал, чтобы вы погодили, он в опочивальню прошел, скоро спустится.

- Аглая, я же вам говорила не называть нас «баринами». Николаю Павловичу это не понравится, - нахмурившись, сделала замечание Катя.

- Да как же вас называть-то? Ведь принято «барин», «барыня»...

- Барин тот, кто ничего не делает, Аглая, - послышался за дверью голос Николая. Он вошел – умытый, причесанный, в свежей рубашке. Сразу же устремил свой взгляд на Лизу. Катя подмигнула ей, и она отвела взгляд в сторону, а Николай посмотрел на прислугу и продолжил: – А я, Аглая, работаю. Называйте нас по имени и отчеству...

Пока пили горячий чай, Николай рассказывал о том, что произошло за день на фабрике. Говорил о знакомом Лизе Карпе - рабочем Карасеве¹, с виду тихом, но на деле настойчивом и упрямом. Карп сколачивал революционную боевую дружину, в том числе и из рабочих фабрики Шмитов. Рабочие фабрики готовились принять активное участие в нарастающей в стране революции. Нужно было оружие...

¹ Иван Васильевич Карасев (партийный псевдоним «Карп») (1881, д. Павловка, Веневский уезд – 1905, Москва) - революционер, участник боев на Красной Пресни во время революции 1905-1907 гг.

Вскоре пришли Лиза и Алексей Шмит, и все дружно перебрались в столовую ужинать. При семнадцатилетней Лизе и пятнадцатилетнем Алексее старались не говорить о серьезных партийных делах, но вопросы о преобразованиях на фабрике обсуждали вместе: в шутку и всерьез каждый вносил свои радикальные идеи.

- Нужно вместо одиннадцати с половиной часового рабочего дня ввести девятичасовой...

- А может шести?...

- Да ты, брат, хочешь фабрику разорить на радость конкурентам?! Хорошо, что Коля, а не ты ею управляешь...

- Заработную плату рабочим также выплачивать и во время болезни...

- Ага, и во время забастовок! А что?!

- Нужно стариков, проработавших по двадцать-тридцать лет, освободить от работы, а жалованье продолжать им выплачивать...

- А хорошая идея!

- При фабрике нужно открыть амбулаторию, чтобы лечить рабочих и их родных...

- Отлично! Может быть, ты этим займешься, ты же работала в больнице?

- Я всего лишь была сестрой милосердия. Нужен настоящий доктор. А вот открыть амбулаторию я, конечно, помогу.

- Еще нужно требовать с администрации, чтобы они вежливо, на «вы» обращались к рабочим...

Их посиделки прервала Аглая.

- К вам, Катерина Павловна, пришел барин...

Бровь Кати поползла вверх: Аглая была неисправима!

- ...Николай Адамович.

- Так зови!

- Он поначалу хочет побеседовать с вами.

Катя переглянулась с присутствующими и поторопилась к гостю.

Не усидели на своих местах Лизонька и Леша: последовали за Катей, чтобы подглядеть и подслушать ее разговор с адвокатом Андриканисом. Коля даже не остановил их, предпочтя остаться с Лизой наедине.

Некоторое время они помолчали.

- Лиза, я бы тоже хотел поговорить с вами.

- О чем?

- Уж простите Катю, но между нами никогда не было секретов... Это правда, что вы хотите развестись с мужем?

- Вы задаете личные вопросы!

- Я спрашиваю не из праздного любопытства, а потому что вы мне не безразличны, и вы об этом знаете. Как порядочный человек я не буду посягать на ваше внимание, но когда вы разорвете брачные узы, которые вас связывают, я хотел бы надеяться, что смогу сделать вам предложение руки и сердца.

Лиза напряженно уставилась в сторону.

- А Катя случайно не говорила вам, почему я хочу с ним разойтись?

- Говорила.

Лиза, резко развернувшись, посмотрела на Николая.

- И вы все равно хотите сделать мне предложение?

- Да, хочу.

- Но я уже никогда – никому – не смогу родить наследника. – Слова давались ей нелегко.

- Я понимаю.

- И вы все равно хотите жениться на мне?

- Да, хочу. Я люблю вас. Я сделаю все, чтобы вы были счастливы.

Лиза ничего не ответила: раздались шаги, смех убегающих Лизоньки и Лешки, и вскоре в столовую вошла сияющая от счастья Катя.

- Николай Адамович сделал мне предложение, - сообщила она. – Коля, он хочет просить у тебя моей руки.

Шмит чмокнул сестру в макушку, прошептал «поздравляю» и отправился к ожидающему его Андриканису.

- А ты не хочешь поздравить меня? – Катя приблизилась к подруге, и Лизе пришлось перебороть свое негодование по поводу болтливости подруги.

- Конечно. - Лиза обняла подругу. - Поздравляю!

- Спасибо. Я так счастлива!

- Когда свадьба?

- Мы еще не решили. Пойдем, мне не терпится услышать...

...Андриканис ушел довольно поздно и после его ухода все разбредлись по своим комнатам. Приготовившись ко сну, Лиза затушила свечу и подошла к окну. Ночь была темной и холодной. Год назад была точно такая же ночь, когда Алексей, которого держали в тюрьме, пришел к ней после освобождения. Он забрался в окно, она кинулась к нему в объятия, и ночной мрак перестал быть беспросветным и холодным. В тот момент Алексей сделал ей предложение...

Неожиданно Лиза вздрогнула, заметив силуэт мужчины, стоящего на улице и смотрящего на ее окно. Худой и длинный как жердь с копной белых волос. Лиза отшатнулась от окна. Она вспомнила о предупреждении, оставленном Алексеем. За ней действительно следили!

* * *

Франция, Париж

Раненый, лежащий в кровати, бредил...

...Лиза и Шмит целовались. У него на глазах!

- Лиза! – резко окликнул он. Она посмотрела поверх плеча Шмита. – Как ты могла?!

- Я не твоя жена, - упрямо повторяла как заведенная Лиза.

- Что ты несешь! – Алексей протянул к ней руку, но силуэты Лизы и Шмита расплылись, будто Алексей погрузил руку в отражение на воде...

- Лиза! – отчаянно крикнул он и зажмурил глаза.

- Как ты мог? – вдруг совсем рядом услышал он голос жены и открыл глаза. Она стояла очень близко, но между ними была с железными прутьями решетка. – Как ты мог? – Лиза обличительно ткнула пальцем в сторону, и Алексей увидел Айседору.

- Между нами ничего не было.

- Как ты мог? – упрямо и обличительно повторила Лиза и на месте Айседоры возникла Маргарет.

- Между нами ничего не было, - произнесла вместо него любовница. Она заговорщически улыбалась.

- Ложь! – Лиза бросилась в сторону.

- Ложь! – подтвердил с улыбкой Шмит, подступая ближе.

- Я убью тебя! – прорычал Алексей.

Шмит рассмеялся:

- Не сможешь. Я уже мертв.

Шмит обернулся к Маргарет, протянул ей руку. Они удалялись от него все дальше и дальше по темному коридору, пахнущему сыростью и плесенью... Алексей задыхался. Опять тюрьма. Его опять избивают и топят в баке с ледяной водой. Он приходит в себя в полной темноте. Мокрая одежда примерзла к холодному полу. Он с трудом поднимается на ноги. Но не все как в прошлый раз – дверь открыта. Алексей шаг за шагом, ступенька за ступенькой поднимается вверх к открытой двери. Яркий свет бьет в глаза... И вот он в коридоре. Дверь одной из камер открывается, и из нее выходят трое. Уходят. Тяжело дыша, Алексей идет дальше. Заглядывает в открытую камеру. На кровати лежит Шмит, на тюремной рубашке расплывается красное пятно, а на пол капают капли крови. Алексей зажмурил глаза...

Рядом шаги. Открыв глаза, он увидел старую монашку со скрипом отворяющую дверь камеры. Камеры №12. На железной кровати в утренних сумерках лежит женщина. Следом заходят чиновники. Женщина садится на кровати. Спина выпрямлена, плечи расправлены. Маргарет.

- Я умру с достоинством. Вы увидите прекрасную смерть.

Солнечный свет бьет в глаза. Осенний лес шумит. Двенадцать солдат по команде скидывают ружья, целясь в Маргарет, одетую в меховое пальто и шляпку. Она смотрит на Алексея, улыбается ему и шлет воздушный поцелуй. Раздаются залпы. Все окрашивается ярко красным цветом крови...

* * *

Глебов со стоном очнулся и попытался сесть. Перед глазами поплыли цветные пятна, а грудь пронзила невыносимая боль.

- Лежи, - услышал он голос Малышева. Затем тот поднес к его губам кружку с водой. Алексей сделал несколько жадных глотков и опустил голову на подушку. Окинул сумрачную комнату взглядом, убеждаясь, что они в гостиничном номере.

- Как я здесь оказался? – хриплым голосом спросил он.

Малышев поставил кружку на стол, сел на стул, стоящий рядом с кроватью.

- После твоего очередного исчезновения, Глебов, я с трудом, но нашел тебя. Немного не успел. По крайней мере, спугнул Азефа, иначе он бы тебя добил.

- Что ж ты такой неповоротливый...

- Ну уж, прости, надо предупреждать заранее из какого переплета тебя вытаскивать...

Алексей усмехнулся, затем прикоснулся к забинтованной груди рукой.

- Где медальон? – встревожился он, обнаружив отсутствие на шее футлярчика с фотографией Лизы.

Малышев встал, прошел к шкафу, взял что-то с полки и вернулся. Подарок жены - медальон на цепочке - закачался перед глазами Алексея. Он был искорежен, по всей видимости, пулей.

- Ты везунчик, - заметил Малышев.

Алексей молча смотрел на поломанную вещицу.

- Возьмешь?

- Нет.

Малышев пожал плечами, положил медальон на прикроватный столик.

- Давай поговорим о деле.

- Так вот для чего ты меня спасал, а я-то уж подумал... - Алексей усмехнулся.

- Ты совершенно прав, именно для этого, - не остался в долгу Малышев.

- Ну что ж... В России готовится ряд покушений на высокопоставленные лица. Ближайшее - 2 февраля, на московского генерал-губернатора Великого князя Сергея.

Малышев прищурился, кивнул:

- Что еще?

Алексей с передышками рассказал все, что узнал от Азефа о покушениях. Внимательно выслушав его, Малышев вскоре ушел, посоветовав Глебову хорошенько отдохнуть. Что, в принципе, Алексей и сделал – как только дверь за Малышевым закрылась, он провалился в глубокий сон.

* * *

Малышев оказался довольно терпеливой сиделкой. Пару раз приходил доктор, чтобы осмотреть рану, хотя все проходило без осложнений. Алексей быстро шел на поправку. Было решено в скором времени отправиться в Россию.

- Что ты знаешь о Рачковском? – спросил Алексей у Малышева в ходе одной из их бесед.

Малышев вздохнул.

- Петр Иванович одна из самых ярких и темных личностей охранного отделения. Авантюрист по натуре: занимается бесконечными интригами, - Малышев усмехнулся. - Как и ты, находит в авантюрах истинное удовольствие.

Глебов пропустил его замечание мимо ушей.

- У него были причины недолюбливать Плеве?

- Самые, что не на есть. Рачковский в своем сыскном усердии зарывался и временами затрагивал вопросы, непосредственно относившиеся к внутренней жизни царской семьи. За это получил жесточайший нагоняй и при жизни Александра III не рисковал больше соваться в эту область. Нынешнему императорскому Величеству он был лично представлен, и тот к нему благоволил. Рачковский вновь осмелел и рискнул вмешаться в дворцовые интриги. На этом Петр Иванович сломал себе шею. Плеве давно его недолюбливал и воспользовался случаем, чтобы окончательно его похоронить. Лопухиным были собраны точные данные обо всех «подвигах» Рачковского, Плеве лично составил доклад царю, и согласие на устранение было получено.

- Значит, Лопухин тоже причастен к фиаско Рачковского?

Малышев кивнул.

- Лопухин еще раз приложил к этому свою руку: он так отредактировал извещение об увольнении Рачковского, что оно звучало оскорбительно, и переслал его таким образом, что с содержанием ознакомился широкий круг лиц из чиновного мира. Этой обиды Рачковский Лопухину не простил.

- Теперь приходит время реванша, - подытожил Алексей. – Думаешь, за Рачковским никто не стоит, и он действовал самостоятельно?

- Думаю, что так.

Алексей устало закрыл глаза. На губах Малышева мелькнула усмешка.

- Отдыхай, - произнес он, вставая. – Я позабочусь обо всем остальном. Как только тебе станет лучше, мы вернемся в Россию...

* * *

Маргарет готовилась к выступлению. Ей было страшно. Все, что она говорила о себе, было выдумкой: не была она не высокородной леди, не исполнительницей восточных танцев. Она вообще никогда не была танцовщицей.

Однако когда Аликс Глебов сказал, что, танцуя, она покорит Париж, Маргарет поверила, что так и будет. И вот теперь, стоя за кулисами, Грета запаниковала.

- Нет, я не буду выступать, - прошептала она.

Позади кто-то учтиво кашлянул, и Маргарет резко обернулась. Перед ней стояла худая высокая женщина лет сорока.

- Леди Маклеод?

Маргарет кивнула.

- Я Анна Линтгенс. Я ваша камеристка и компаньонка.

Маргарет удивленно вскинула брови.

- Но...

- Месье, который нанял меня для вас, просил передать вам вот это.

Женщина протянула Маклеод довольно увесистый сверток, к которому была прикреплена записка. «Солнце, обозначать каждое мгновение своего восхода. Я верю в твой успех». Положив сверток на столик, Грета быстро сняла тканевую подарочную упаковку.

Внутри были альбомы, прекрасно переплетенные в кожу, с золотым теснением. Маргарет с благоговением взяла один из них в руки и с трепетом провела пальцами по золотым витиеватым буквам имени.

- Мата Хари¹, - прочла она шепотом.

Только один человек мог придумать ей такое имя. Тот, который называл ее «Солнце» - око дня.

- Спасибо, Аликс, - прошептала Маргарет. Она с улыбкой погладила тонкими пальцами альбомы²:

- Ты подарил мне не только шанс, но и новое имя.

В этот момент на сцене громогласно провозгласили:

- ...Итак, дамы и господа, встречайте несравненную божественную Мата Хари!

Маргарет вздрогнула, поймала взгляд улыбающейся ей мадам Кириевской, улыбнулась в ответ и выпорхнула под звуки восточной мелодии на свою первую публичную сцену...

* * *

Февраль 1905 г. Россия, Москва

После той ночи, когда она увидела неприятного человека под своим окном, Лиза была предельно внимательна и осторожна, но больше не замечала, что за ней кто-то следит. Возможно, и показалось, наконец, решила она, хотя неприятное впечатление осталось.

Вопреки всем разговорам Лиза не торопилась с разводом. Ее не пугала людская молва: разводы не воспринимались ни обществом, ни церковью, но все же имели место. Просто Лиза не могла вот так взять и разорвать отношения с Алексеем.

Когда в квартире на Новинском бульваре их навестил Пешков, она надеялась хоть что-то узнать о муже, но Пешков опередил ее, поинтересовавшись «как поживает Алексей Петрович», которого он не видел «аж с кровавого воскресенья».

Лиза опять стала тревожиться об Алексее. Хотелось съездить в Петербург, чтобы все о нем разузнать. Но на плечи упали заботы о подготовке к свадьбе подруги, а также обустройстве на фабрике медицинской амбулатории.

Как-то раз, прогуливаясь с Катей возле Спасской башни, Лиза увидела мужчину, похожего на ее преследователя. Худой долговязый неопрятный тип с корявым лицом и грязными белесыми волосами стоял возле стены и наблюдал за прохожими.

Лиза схватила Катю за руку:

- Катя, это он!

¹ Мата Хари (Маргарет Гертруда Целле) (1876, Леуварден, Нидерланды -1917, Венсен, Париж, Франция) – экзотическая танцовщица, одна из первых звезд стриптиза. Известна своими любовными приключениями. Считается, что во время первой мировой войны работала одновременно на французскую и германскую разведки. Была арестована и расстреляна французами за шпионаж.

² Прим. автора: Мата Хари на протяжении всей своей карьеры собирала в альбомы касающиеся ее статьи, фотографии, письма. После ее смерти альбомы находились у ее камеристки и компаньонки Анны Линтьес.

- Кто он?
- Человек, который следит за мной!
- Ты уверена?
- Да! Не знаю. Что делать?
- Пойдем! – Катя потащила ее за собой.

Завидев, что девушки направились в его сторону, щербатый даже не тронулся с места. Когда они приблизились к нему достаточно близко, он протянул свою безобразную потрепанную шапку.

- Подайте, дамочки, сколь не жалко, - осклабившись, произнес он.
- Бог подаст, - отрезала Катя и быстро повела подругу через Спасскую башню в Кремль.
- Видишь, он не следил за тобой, - сказала она.
- Да, похоже...

Они прошли некоторое расстояние молча, но вскоре Катя дернула задумавшуюся подругу за рукав.

- Смотри, у дворца карета бывшего генерал-губернатора, князя Сергея¹, - с презрением кивнула она. Лиза кинула рассеянный взгляд на карету. Великого князя многие недолюбливали: и простые люди, и представители либеральной интеллигенции, считая виновным в массовом расстреле 9 января...

- Знаешь, говорят, что он предпочитает особ своего пола, - прошептала Катя ей на ушко.

- В смысле?
- Ну, понимаешь, они живут с женой как брат и сестра, – видя, что подруга не понимает, к чему она клонит, Катя продолжила, - князю нравятся мужчины.

Лиза покраснела.

- Что за глупости, - буркнула она.
- И вовсе не глупости. – Катя рассмеялась. Затем предложила:
- Пойдем к Сиу?

Лиза кивнула. Выйдя из Кремля на Кузнецкий мост, они направились в кофейню к Сиу, популярную среди москвичей, отводивших душу покупкой безделиц поблизости.

Подруги расположились за столиком в глубине кофейни, заказали пирожные и кофе. Пока Катя с большим удовольствием поглощала сладости и о чем-то рассказывала, Лиза рассеянно помешивала ложечкой в чашке с кофе.

- Лиза, да что с тобой сегодня?
- Прости, - Лиза аккуратно опустила ложечку на блюдце. – Я тут решила... Хочу съездить ненадолго в Петербург.
- Понятно, хочешь увидеться с мужем.

Лиза не успела что-либо ответить: вдалеке что-то бухнуло, дрогнули стекла витрины.

¹ Великий князь Сергей Александрович (1857, Царское Село -1905, Москва) - пятый сын Александра II, московский градоначальник, генерал-губернатор, при котором произошла Ходынская трагедия. 1 января 1905 г. Покинул пост московского генерал-губернатора, но остался во главе войск округа, став Главнокомандующим войсками Московского военного округа.

- Ты слышала? Что это было? – спросила она.

- Не знаю...

В кофейню, озираясь, вошел высокий молодой господин, очень бледный, и быстро подсел за соседний столик к красивой стройной даме, перед его приходом печально смотревшей в окно. Лицо мужчины показалось Лизе знакомым. Наконец она вспомнила его. Это был Савинков, бывший эсдек, примкнувший к эсерам - так, по крайней мере, говорили.

- Пойдемте отсюда, — сказал он женщине, странно скаля зубы в попытке изобразить улыбку.

Женщина взглянула на него, будто хотела что-то спросить, но не произнесла ни слова. Мужчина же утвердительно кивнул, и она поднялась. Ее взгляд вновь упал на витрину окна, и она замерла. Лиза подвинулась, чтобы взглянуть, что происходит - по улице в сторону Кремля бежали люди, встревоженные, любопытные, испуганные. Кто-то махал руками... один споткнулся, упал, тяжелый господин смешно перепрыгнул через него, понесся дальше, за ним вихрем пробежали какие-то мальчишки.

- Что такое? — спросила Катя, когда Лиза устремилась к выходу. Публика из кофейни посыпалась на улицу.

Кузнецкий мост заполнялся человеческим потоком, раздавались голоса:

- Кого?!

- Что?!

- Убило?!

- Кого?!

Кто-то задел Лизу плечом и обернувшись, она увидела, что это Савинков. Крепко держа печальную даму за руку, он проскользнул мимо Лизы и Кати, и потащил ее сквозь толпу. Подруги стали пробираться в том же направлении.

У Никольских ворот площадь заполнилась людьми. Все молча лезли куда-то. Толпа, сквозь которую нельзя было пробиться, казалась трясинной. Лиза заметила, как Савинков усадил спутницу в экипаж.

- Слышали? – произнес извозчик.

- Нет.

- Я стоял недалеко. Великий князь убит, — сказал он, дернул вожжами, и стегнул кнутом лошадку. Женщина упала на плечо Савинкова и зарыдала. Но это были слезы не печали, как казалось на первый взгляд, а облегчения: она взглянула на спутника, и Лиза увидела улыбку на ее губах. Савинков улыбнулся ей в ответ и крепче обнял.

Почувствовав жгучую неприязнь, Лиза отвернулась. Поток же толпы влек ее с Катей к месту происшествия. Мимо в санях четверо жандармов провезли полуживого связанного окровавленного террориста.

- Да здравствует свобода! – старался кричать он, смеясь и рыдая как сумасшедший.

На месте происшествия уже образовался кордон. Пахло дымом и гарью. В нескольких десятках шагов стояла черная карета с желтыми спицами, точнее то, что от нее осталось. На мостовой - щепки кареты, лужа крови, посреди которой лежали останки Великого князя. Можно было рассмотреть только часть мундира на груди, руку, закинутую кверху, и одну ногу. Голова и все остальное было разбито вдребезги и разбросано по снегу.

Рядом ахнула Катя. Лиза отвернулась и потянула подругу прочь из толпы.

- Ужасно, ужасно! – твердила Шмит, как заведенная.

Лиза, плотно сжав губы, шагала прочь, не отпуская впечатлительную подругу.

- Я знаю, кто к этому причастен, - сказала она спустя какое-то время.

- З-знаешь? – У Кати зуб на зуб не попадал от волнения, и слово далось ей с трудом.

- Да. Это Савинков. Ты должна была видеть его в кофейне рядом с печальной брUNETКОЙ.

- Д-да, кажется, помню.

- Смотри!

Возле решетки сквера стоял окруживший кого-то любопытствующий люд. Неподалеку находилась ошарашенная пара лошадей с передней осью кареты великого князя. Лиза пробралась сквозь толпу и увидела окровавленного кучера, чудом державшегося на ногах.

- За каретой медицинской помощи отправили? – спросила она стоявших рядом.

- Отправили, - ответил кто-то.

- Как вы себя чувствуете? – Лиза осмотрела раненного взрывом кучера. Его израненная спина выглядела ужасно.

- Умру я, жутко больно... Умру, сердце не выдержит...

Он застонал, закатив глаза.

- Говорите со мной! Как вас зовут? – Громкий четкий голос девушки вывел его из полузабытья.

- Андрей... Андрей Рудинкин.

- Хорошо, Андрей Рудинкин. А я Елизавета Глебова. Говорите со мной. Скоро придет помощь.

- Умру я, - повторил он.

- Не умрете. Держитесь...

Лиза впоследствии не могла вспомнить, о чем она далее говорила с раненым. Прибыла карета «скорой медицинской помощи», израненного кучера погрузили и повезли в Яузскую больницу.

- Как думаешь, он выживет? – спросила Катя Лизу, взяв ее под руку. Ее впечатлила выдержка подруги.

Лиза промолчала. Катя вздохнула:

- Это не метод для борьбы. Если Великий князь и заслужил смерти, то кучер-то в чем виноват?

Через несколько дней Лизе на глаза попала заметка в газете:

«7-го февраля в 10 ч. вечера, в Яузской больнице скончался кучер Его Императорского Высочества Великого Князя Сергея Александровича Андрей Рудинкин. Он до последней минуты не терял сознания и говорил, что умрет: «Сердце не выдержит». Спина его вся израна...»

Лиза не дочитав, отложила газету в сторону.

* * *

Петербург

Алексей и Малышев прибыли в Петербург ранним морозным утром. Их встречала пара молчаливых и неприметных филеров. Попутчик Глебова был напряжен и замкнут - Алексей тоже предпочел безмолвие, а не разговоры. Он понимал, что Малышев обязан по долгу службы доставить его в Департамент.

Однако Малышев сделал знак водителю, и автомобиль, на котором они ехали, свернул к дому Алексея. Высадив Глебова и одного из филеров, Малышев уехал.

Алексей, засунув руки в карманы, проводил машину долгим взглядом. Затем посмотрел на филера, отсалютовал ему и, подхватив чемоданчик, отправился домой.

Открыв дверь квартиры, он сразу понял, что она давно уже пустует - Лиза так и не вернулась. Узнала ли она, что за ней следят? Фотография, оставленная им на столике как условный знак, находилась на прежнем месте.

Распорядившись вызвать прислугу, Алексей удалился в кабинет. Закурив, он выглянул в окно. Филер караулил на улице, подпрыгивая на морозе и похлопывая себя руками.

Глебов докурил папиросу, затушил окурок в пепельнице, основательно смяв его, и сел в кресло. Глаза Алексея сомкнулись от усталости. Путешествие выдалось тяжелым, напоминала о себе рана, и еще мгновение спустя он провалился в тяжелый тревожный сон...

...Алексей шел по бесконечно длинному коридору, с обеих сторон которого было множество закрытых дверей. Шел долго и не мог дойти до конца. Но вот среди мрака и тишины едва уловимо зазвучали слова венской песенки:

Durch die Gassen

Zu den Massen...¹

¹ По переулкам к массам... (нем.)

Он остановился у двери, за которой раздавалась песня. Взялся за ручку, повернул, дверь бесшумно открылась. Песенку напевал себе под нос, стоя спиной к двери, молодой с внешностью ангела парень - его белокурые кудри светились, освещенные лампой, а светлая кожа отливала синевой. Алексей сделал шаг вперед. Руки ангела непрестанно что-то делали, но в его движениях ощущалась усталость. Почувствовав присутствие постороннего, он медленно обернулся. Глаза! Глаза черные как бездна, темнота, мрак. Ангел смерти! И вдруг раздался взрыв, ангела рвануло изнутри, пламя вырвалось наружу, обдало Алексея...

Алексей вздрогнул и проснулся. В дверь стучали. Прогоняя остатки сна, он потер рукой заспанные глаза и лицо, затем открыл. Пришла Арина.

- Здравствуйте, Алексей Петрович, - произнесла с теплой улыбкой прислуга.
- Я приготовила вам ужин. Будете ужинать в столовой или принести вам в кабинет?

- Нет. Лучше здесь, - ответил он, не желая сидеть в одиночестве за длинным столом.

- Хорошо. – Арина ушла и вскоре вернулась. Принесла поднос с ужином и доставленное только что письмо.

Когда дверь за ней закрылась, Алексей вскрыл конверт. Записка была от Малышева. Он назначал ему встречу в парке через час.

Глебов недоуменно приподнял бровь, затем нахмурился. Тревожное предчувствие вновь вернулось. Он выглянул в окно. Филера уже не было.

* * *

Через полчаса Глебов и Малышев встретились в парке в назначенном месте. Малышев уже ждал его, сидя на скамейке. Алексей, осмотревшись по сторонам, подошел и сел рядом.

Хмурый Малышев молчал. Глебов ожидающе посмотрел на него.

- Великий князь был убит 4 февраля в Москве. Бомба брошена неким Каляевым, - произнес тот.

Алексей откинулся на спинку скамьи. Новость не удивила его. Во время возвращения в Россию, в одном из ночных кошмаров ему привиделась гибель князя. Вот и сейчас ему вспомнился этот сон – зимний день, карета Сергея Александровича приближается к Сенатской площади, раздается взрыв, и тело князя разрывает в клочья... Алексей тряхнул головой, прогоняя наваждение.

- Как же так вышло? Лопухин не поверил полученным сведениям? – с сарказмом спросил он.

Малышев мрачно посмотрел на него.

- Господин Лопухин сейчас в Москве, я с ним не виделся. Что касается покушения, то московские сыщики вели наружное наблюдение за террористами, однако им дали распоряжение - ничего не предпринимать до получения специальных инструкций из столицы. Приказ об аресте Бориса Савинкова и его сообщников пришел, но в тот же день, когда состоялось убийство Великого князя. Арестовать удалось лишь исполнителя – Каляева.

Алексей холодно усмехнулся:

- Похоже, у господина Лопухина действительно есть серьезные враги.

-Х-м... Пока мы были в Париже, он попытался противостоять Рачковскому: извлек из архива старый доклад Плеве, на котором некогда Его Величество начертал резкую резолюцию о Рачковском, и вновь представил царю. Не помогло. Сейчас господин Лопухин пытается вернуть благосклонность императора и лично произвести расследование о наличии небрежности в деятельности московского Охранного Отделения, которое имело данные о подготовке покушения на Великого князя Сергея, но не использовало их... И еще... новый генерал-губернатор Петербурга Трепов¹ назначил Рачковского чиновником особых поручений при Министерстве внутренних дел, с возложением на него особой миссии по руководству деятельностью петербургского Охранного Отделения.

Глебов в задумчивости неопределенно качнул головой:

- Лопухину поездка в Москву не поможет. Мы не привезли Азефа в Россию, а полученные мной сведения бездоказательны и ничего не значат. Лопухин не сможет их использовать.

- Как бы то ни было, при его возвращении я подтверждаю, что ты исправно выполнил свои обязательства.

- Премного благодарен, - Алексей усмехнулся, - но думаю, что Лопухин будет недоволен проделанной работой, и мои трудности не решатся. Я все еще у него на крючке.

- Есть один выход... Ты уже показал свои способности: там, где другие потратят месяцы, ты находишь решение за короткий срок.

Алексей вопрошающе посмотрел на него:

- К чему ты ведешь?

Малышев устремил на него внимательный с прищуром взгляд.

- Покушения. Те, что должны произойти в Петербурге, и довольно скоро. Времени осталось очень мало.

- И от меня ты хочешь...

- Чтобы ты нашел террористов.

Глебов удивленно приподнял бровь, затем хмыкнул:

- А ты предотвратишь покушения, и все будут довольны?

Малышев промолчал.

Алексей вздохнул и продолжил:

- Я уже говорил тебе, Азеф сообщил, что отряд некоего Швейцера отправился в Петербург для исполнения приговора над генерал-губернатором Треповым и князем Владимиром. Другой отряд - Боришанского - отправлен в Киев, он должен организовать убийство генерал-губернатора Клейгельса.

- Вопрос, когда и где? Возможно, их планы изменились. Террористы очень осторожны, их до сих пор не обнаружили.

Глебов невесело усмехнулся:

- Ты возлагаешь на меня такие надежды! Не боишься ошибиться?

Малышев внимательно смотрел на него:

¹ Дмитрий Федорович Трепов (1855, Петербург –1906, Петербург) – московский обер-полицмейстер в 1896–1905 гг., генерал-майор с 1900 г., петербургский генерал-губернатор с января 1905 г.

- Выбора нет. И... я никогда не встречал такого везения и чутья, что есть у тебя. Мистика, однако, работает. Не поверил бы, если бы сам не наблюдал.

- Мистика? - Глебов развеселился от души. - Уж точно, никогда бы не подумал, что услышу такие признания от закоренелого прагматика!

На лице Малышева не дрогнул ни один мускул – что сказать, дисциплина и выдержка...

- Мне нужно больше сведений, - наконец заговорил о деле Глебов. – Данные на террористов, маршруты передвижения предполагаемых жертв, где бывают, чем занимаются... То есть все, что сможешь разузнать.

Малышев кивнул:

- Будут. Завтра я свяжусь с тобой.

Он встал и ушел, а Алексей еще некоторое время сидел, в задумчивости уставившись перед собой.

* * *

По дороге домой Глебову пришла в голову неожиданная идея, он остановился у газетного ларька и выбрал несколько газет.

- Наконец Великому князю пришлось пораскинуть мозгами! – услышал он злобную шутку и хмуро посмотрел на говорившего. Многие не любили Великого князя. И по заслугам. Но бездушность, прозвучавшая во фразе, вызвала у Алексея холодное презрение к «шутнику».

Расплатившись за газеты, Глебов шагнул в сторону от прилавка, и чуть было не столкнулся с прохожим - молодой человек шарахнулся от него, крепко стиснув в руках саквояж, и устремил испуганный взгляд на Алексея. В задумчивости буркнув дежурные слова извинений, Глебов зашагал по тротуару, и молодой человек поспешил прочь.

...Вернувшись домой, Алексей уже несколько часов подряд просматривал статьи и сообщения в газетах, но стоящего ничего не попадалось. Он и сам точно не знал, что же он ищет.

Алексей закурил папиросу, подошел к окну и, открыв форточку, некоторое время устало смотрел в ночную мглу. За окном стемнело - убогие фонари не могли осветить улицу, превращая тени в проулках в зловещие химеры¹. На небе мерцали звезды, а Алексею невольно вспомнились небесно-голубые глаза Лизы, в которых вспыхивали, загорались подобные огни в минуты радости и счастья...

Нахмурившись, Глебов перевел взгляд на тлеющую папиросу, затем нещадно смял ее в пепельнице, и вернулся к столу. Не садясь, он отхлебнул кофе и развернул очередную газету. И неожиданно его осенило. Он нашел в газете то, что искал!

* * *

На следующий день Глебов и Малышев встретились в парке на том же месте.

¹ Химеры – фантастические существа.

- Вот, взгляни, - Алексей протянул Малышеву газету. Тот развернул ее и уставился на обведенное карандашом объявление. – Уверен, что удар Боевой организации эсеров намечен на 1 марта. В этот день видные сановники соберутся в Петропавловском соборе к гробу императора Александра II для очередной панихиды. По крайней мере, четыре цели Боевая организация сможет сразу уничтожить: Великого князя Владимира, генерал-губернатора Трепова, министра внутренних дел Булыгина и его товарища¹ Дурново.

- Думаю, что ты прав... Осталось всего несколько дней. Если их не остановить, то будет много жертв - пострадают все, кто будет на панихиде во время взрыва. - Сложив газету, Малышев положил ее в карман, затем посмотрел на Глебова. – Боришанский, руководитель «киевской» группы, был замечен в Петербурге. Думаю, от покушения в Киеве террористы отказались: преследование провинциального генерал-губернатора - дело второстепенное в сравнении с тем, что они готовят проверить здесь. Мы распространили ориентировки на Боришанского, Швейцера и Савинкова, однако пока поиск не дал результатов.

Малышев протянул Алексею три фотографии из архивов охраны:

- Вот. Это Савинков. Боришанский. Швейцер.

- Думаешь, Савинков – здесь, в Петербурге? – спросил Глебов, разглядывая фотографии. Савинков имел худощавое вытянутое лицо. Простое лицо Боришанского не обладало запоминающимися чертами. Швейцер же отличался яркой внешностью и был красив «как ангел» - Алексею невольно пришло на ум это сравнение. Он сложил фотокарточки в стопку. Все молодые, идеалисты – отсюда самонадеянные, отчаянно смелы и тем паче² опасны.

- Возможно. Однако стоит большее внимание обратить на Максимилиана Швейцера – он руководит этой группой, при том химик по специальности. У него должно быть укромное место, где он делает бомбы. Лицо у него приметное, поэтому вряд ли он часто покидает свое убежище.

Алексей еще раз взглянул на фотографию Швейцера.

- Максимилиан Швейцер, - повторил он. Лицо вдруг показалось ему знакомым.

- Что-то не так? – окликнул его Малышев.

- Нет. Все так. – Глебов вручил ему фотографии и поднялся со скамьи. - Мне нужно проверить кое-что. Позже увидимся, - сказал он и зашагал прочь.

* * *

¹ Товарищ министра (председателя) - в Российской империи заместитель министра или председателя, заведовавший наиболее важными структурными частями министерства (учреждения) и выполнявший ответственные поручения.

² Тем паче (устар.) – тем более.

Лиза вынула из ридикюля ключ от своей петербургской квартиры, и некоторое время постояла в нерешительности. За дверью не было слышно ни звука. Она вставила ключ в замочную скважину и повернула. Открыв дверь, Лиза вошла. В квартире было тепло и прибрано. Лишь на столе в гостиной стояла чашка из-под кофе, лежали газеты, в пепельнице окурки. Постоянная манера Алексея все разбрасывать на столе! Где же прислуга?

Лиза прошлась по комнатам. На столике для корреспонденции лежали нераспечатанные письма. Она просмотрела стопку: несколько уведомлений, счета, ей - письмо из Верхнеудинска от невестки, три нижних – Алексею.

Лиза стремительно просмотрела имена отправителей: Катарина, Айседора Дункан, Мата Хари... Она гневно вскрикнула, и, повинувшись первому порыву, сложила письма вместе и потянула за концы, намереваясь разорвать. Затем, закусив губу, остановилась и спустя мгновение решительно вскрыла одно из них.

«Здравствуй, мой милый Аликс!» – гласили строки на французском языке. Дальше Лиза читать не стала - отшвырнула письма в сторону, и, обессилено опустившись на стул, прикрыла лицо руками.

«Как ты мог?!» - Она погасшими глазами уставилась вперед. – «Это никогда не прекратится! Что на этот раз может тебя оправдать?!»

Лизе вспомнилось то, что произошло с ними год назад...

...После недели замужества, когда они уже собирались отправиться в свадебное путешествие, Алексей вдруг пропал. Она еще не знала тогда, что Алексей заподозрил ее отца в убийстве своих родителей. Она не могла понять, что случилось, что происходит, везде искала мужа. И вот ей сообщили, что видели ее супруга в публичном доме. Она не хотела в это верить! Но пошла туда... Вызывающе накрашенная, с низким декольте хозяйка заведения не пустила ее на порог. Одетый в поношенную ливрею мужичок выставил ее за калитку и запер ворота. Не смотря на уговоры сопровождавшей ее знакомой, она перелезла через ограду. Через черный ход прокралась внутрь, прошла, таясь по темному коридору, сгорая от стыда от звуков, раздающихся за закрытыми дверями, и вдруг случайно услышала голос мужа. Она потянула ручку двери и заглянула внутрь. Ее обнаженный муж сидел в ванне, наполненной водой, а полуголая девица ласкающе обтирала его мочалкой. Алексей был пьян, он что-то говорил ей, девица смеялась. Затем он схватил ее за талию и сгреб в ванну, та вскрикнула и расхохоталась. Он страстно припал к ее прелестям, ее рука спустилась ниже... Лиза вскрикнула от гнева и бессилия, девица оглянулась. Затем расхохоталась ей в лицо. Лиза, не помня себя, выскочила на улицу...

...Лиза вздрогнула, как от удара, и очнулась. Все его слова о любви – только лишь слова! В его жизни всегда будут другие: замужние дамы, певички, танцовщицы, потаскухи. Он лгун и лицемер! Он будет врать всегда - врать и манипулировать ею! Нет, хватит! Нужно уехать... и больше никогда, никогда сюда не возвращаться!

Лиза вскочила со стула и выбежала из квартиры, забыв запереть дверь. Остановив на улице коляску, она приказала извозчику ехать на вокзал.

* * *

Глебов еще раз описал продавцу газет внешность парня – того, с которым столкнулся вчера вечером у газетного ларька. Тот лишь отрицательно покачал головой, пожал плечами. Получив же хорошее вознаграждение, посоветовал обратиться к владелице цветочного магазина напротив.

Алексей перешел дорогу и вошел в магазин. Над головой брякнул колокольчик. Слева от входа в клетке чирикали пестрые птицы, а все помещение утопало в цветах и зелени. Аромат цветов будоражил, раздражал.

Алексей прошел к прилавку, за которым находилась миловидная стройная белокурая дама, скрупулезно составляющая букет.

- Что желаете, сударь? – спросила она, отвлекаясь от своего занятия.

Глебов улыбнулся ей самой очаровывающей из своих улыбок.

- У вас райский уголок, мадам!

- Благодарю. – Дама зарделась от удовольствия. – Так что же вы желаете? Букет или, быть может, вас интересуют горшечные цветы?

- Букет. Для прекрасной дамы.

Цветочница кивнула:

- Розы, тюльпаны, нарциссы?

Глебов окинул взглядом пеструю цветочную палитру. Его взгляд остановился на синих причудливых цветах, так напоминающих цвет глаз Лизы...

- Сударь?

Алексей очнулся. Лиза? Вспомнилась совсем не к месту...

Он кашлянул в кулак и осмотрелся по сторонам, будто выбирая.

- Я совершенно в растерянности... - Он вновь с улыбкой посмотрел на хозяйку цветочного магазина. - Скажите, а что предпочитаете вы?

- Я? О, я предпочитаю розы. – Она плавным жестом указала на корзину с цветами. - Взгляните, они прекрасны, будь то красные, белые...

- Черные?..

Цветочница рассмеялась:

- Сударь, черных роз не бывает!

- Наверняка, когда-нибудь они будут. – Алексей, поставив ногу на подставку, наклонился к даме поближе. – Сделайте мне букет на ваш вкус...

Цветочница очаровательно улыбнулась и стала составлять букет из роз.

- Знаете, мадам, я хотел бы посвятить вас в маленький секрет, - сказал он, не сводя с нее глаз.

Она посмотрела на него:

- Секрет?

- Да... Один господин доставляет моей сестре неприятности. Он тайный ее поклонник и постоянно присылает ей цветы. Но главное то, что сестра замужем. А ее муж – суровый человек, военный...

- И что? – История цветочнице заинтересовала. Алексей видел это по выражению ее глаз.

- И только вы мне можете помочь...

- Каким же образом?

- Я знаю, что этот молодой повеса приобретал цветы в вашем магазине. Возможно, вы вспомните его. Высокий белокурый юноша с ангельским лицом и голубыми глазами.

- Мак-Куллох? – Дама выпрямилась в струнку.

Алексей пожал плечами:

- Я имени его не знаю.

- По описанию подходит только он. Он англичанин. Актер, – отчеканила она, продолжая собирать цветы в букет. Движения выходили резкими и злыми. – Но у меня цветы он покупал всего лишь раз, а так интересовался, можно ли приобрести их на большое мероприятие.

По всей видимости, этот парень захаживал сюда, чтобы ближе познакомиться с этой дамой. Хотя, что за мероприятие? Не к поминальной ли панихиде по императору Александру готовятся цветы?

- Все, готово, - возвестила дама.

Расплатившись, Глебов протянул букет блондинке:

- Возьмите, прекрасная мадам, он для вас.

К хозяйке магазина вернулось хорошее расположение духа. Она приняла букет. Поблагодарила. Понюхала цветы, как будто раньше не вдыхала их аромат.

Алексей улыбнулся, и уже хотел задать вопрос, как вдруг что-то заставило его обернуться. Однако он ничего необычного не заметил - за окном мелькали экипажи и передвигались прохожие. Алексей вновь повернулся к цветочнице.

- Скажите, где его найти?

- Кого? Ах да, - она пожала плечами. - Не знаю. Хотя, постойте. Он говорил, что знает один хороший ресторан, в котором частенько бывает. Название, по моему, «Европа»...

* * *

Лизе казалось, что экипаж едет слишком медленно. Она уже была готова обратиться к извозчику, но неожиданно увидела Алексея, переходящего дорогу. Сердце замерло, а потом болезненно сжалось. Алексей вошел в цветочный магазин. Зачем?

Поддавшись порыву, Лиза попросила извозчика остановиться и быстро направилась к витрине магазина. То, что она увидела в окно, окончательно разбило ее сердце. Алексей флиртовал с белокурой цветочницей, преподнес ей цветы, нежно сжал ручку...

Кучер несколько раз окликнул Лизу, она вздрогнула, развернулась и побежала к экипажу. Сердце больно сжималось... Все! Прочь из этого города, прочь от него! Она не позволит ему увидеть свои страдания... Лиза стерла слезы. Как же быть? Она ведь больше так не может...

* * *

«Европа» был не столь уж шикарным заведением, хотя обслуживание было не из плохих: служащие всегда заискивающе улыбались, учтиво говорили, интересовались пожеланиями клиентов, естественно, не за просто так, а за звонкие монеты и хрустящие банкноты.

Вот и сейчас метрдотель любезно улыбнулся вошедшему в ресторан посетителю: Глебов лениво осмотрелся, затем поинтересовался, здесь ли господин Мак-Куллох. Метрдотель с извинениями ответил, что никакого господина Мак-Куллоха здесь нет, и услужливо предложил столик.

Проводив Алексея до свободного столика, он удалился – вскоре явился с наклеенной услужливой улыбкой официант. Сделав заказ, Глебов вновь поинтересовался Мак-Куллохом, но видя недоумение на лице обслуги, вкратце описал его и «оживил» память официанта с помощью монеты. Ловко спрятав деньги, официант доверительно сообщил, что некий господин подходит под описание. Кто он таков, чем занимается – не известно. Как правило, бывает по субботам или воскресеньям – поэтому возможно и будет нынче.

Ожидая заказ, Алексей осмотрелся. Вход в зал хорошо просматривался – если Мак-Куллох явится, то он его непременно заметит.

Время шло, а Глебов не торопился уходить: блюда оказались вполне удобоваримые, пианист играл легкую музыку, посетители ресторана неспешно поглощали пищу за приятной беседой... Алексей взглянул на часы. Ждать дальше не было смысла. Он жестом подозвал официанта – попросил счет. И в эту минуту заметил у входа разыскиваемого им блондина – тот выглядел уставшим, под глазами синяки – то ли от недосыпания, то ли от начинающейся лихорадки, а белокурые немытые волосы слиплись.

Да, это был тот самый парень, с которым Глебов столкнулся, когда покупал газеты. Мак-Куллох. И хотя изображение Швейцера на фотографии, что приносил Малышев, было давним, у Алексея не осталось сомнений – Мак-Куллох и Швейцер – один и тот же человек.

Тем временем, поговорив с метрдотелем, Швейцер сделал шаг в зал и осмотрелся, затем, вернувшись к метрдотелю, пожал плечами, что-то сказал и ушел.

Глебов быстро расплатился и последовал за ним. Выскочив на улицу, он огляделся – Швейцер-Мак-Куллох стремительно шагал по тротуару. Алексей, соблюдая осторожность, последовал за ним. Однако вскоре удача подвела его: из-за промчавшейся мимо кареты, Алексей упустил Швейцера из виду. На улице быстро темнело. Поиски не имели смысла. Он остановил экипаж, назвал извозчику адрес...

* * *

Поднявшись в свою квартиру, Глебов обнаружил дверь незапертой. Стараясь не шуметь, он вынул револьвер из-за пояса, зашел внутрь, прислушался и медленно двинулся дальше. Луна светила в окна, ложась серебряными трапециями на пол. В квартире – полная тишина. Никого.

Глебов включил в гостиной свет, еще раз осмотрелся, убрал оружие. И тут же вспомнил, что оставил входную дверь открытой. Он вышел в коридор и в тот же миг – резкий удар по голове, Алексей качнулся и рухнул на пол...

... Кто-то плеснул воду в лицо, и Глебов с трудом разлепил глаза. На него смотрел Швейцер-Мак-Куллох.

- А, очнулся. Хорошо. – Швейцер выпрямился во весь рост.

Сидящий на полу возле стены Алексей пошевелился, но руки и ноги были крепко связаны. Он вздохнул, взглянул на Швейцера и спросил:

- Кто ты такой? Что тебе надо?

Швейцер рассмеялся:

- Дурака не корчи. Ты следил за мной. Мы засекли тебя еще в ресторане!

Глебов вздохнул. Он просчитался, допустил ошибку, которая может стоить ему жизни.

Алексей пристально посмотрел на Швейцера:

- Метрдотель?

- Метрдотель тут вовсе не причем.

Тогда кто эти мы? Неужели кто-то ждал Швейцера в ресторане, и сразу вычислил его?

Швейцер ухмыльнулся:

- Теперь моя очередь задавать вопрос. Кто ты такой и что тебе от меня надо?

Сейчас его лицо вовсе не было ангельским - на нем отражались угроза и жестокость.

Алексей невесело усмехнулся:

- Мое имя? Тебе оно ничего не скажет.

Удар ботинком в бок заставил перестать дышать от боли. Оправившись, Глебов попытался сесть поудобней, что заставило его снова поморщиться.

- Будешь говорить?

- Смотри о чем...

Очередной удар ботинком...

- Ах, ты..., - выругался сквозь зубы Алексей. Думай, Глебов, думай! Думай, что делать...

- У нас мало времени. Нельзя допустить, чтобы наш план сорвался, - раздался знакомый голос совсем рядом. Алексей повернул голову и увидел сухощавого мужчину, выглядывающего в окно. - Одна жертва ничто. Надо его устранить.

Да, скверный оборот. Голос... Чей же это голос? Вспомнился Париж, балкон, Азеф и «Павел Иванович». Да, точно. Это тот тип, с которым встречался Азеф.

Швейцер сомневался:

- А если он из полиции? Возможно, они у нас на хвосте. Нужно выяснить, что они знают. И кто их информатор.

- Оставь его мне. Я все выясню. – Мужчина обернулся, и Алексей узнал его. Человек на одной из фотографий, что принес Малышев. Борис Савинков. Один из лидеров Боевой организации ПСР. И где эти филеры, когда они так нужны? Впервые Алексей пожалел, что полицейские не следят за ним.

- Тебе нужно закончить работу, - продолжал Савинков.

- Да, нужно, - согласился Швейцер. Он прошел к стулу, на котором висело его пальто, оделся. Кивнул в сторону Глебова. – Что с ним будешь делать? Убийство - сразу бросится в глаза.

Савинков размышлял с холодным выражением лица.

- У тебя спички есть?

Швейцер без лишних вопросов пошарил в кармане и кинул коробок Савинкову.

- Ну, я пошел, - сказал он, надевая шапку.

Когда Швейцер ушел, Савинков приблизился к Алексею. Присел перед ним на корточки:

- Что молчишь? Говорить будем?

- А о чем нам говорить? – Глебов усмехнулся. – Ведь все равно убьешь? Защитник революции!

- Ты прав, убью. Защищая революцию. Вопрос в том, как я это сделаю. Если по-хорошему, ты умрешь легко и быстро. Если по-плохому, умирать придется долго и болезненно.

- Предпочитаю долго.

- Что ж, как пожелаешь. – Савинков поднялся и оглядел комнату. Взял подсвечник с камина и зажег свечу. Поставил его на пол возле дивана так, чтобы пламя начало лизать обивку. Рядом расположил полупустой бокал, разлил коньяк из бутылки на обивку, поставил ее на пол. Посчитав, что не достаточно – чиркнул спичку и поджег там, где плеснул спиртное.

- А знаешь, Борис, я тебе все же скажу одно, - произнес Глебов, пытаясь тихонько растянуть узлы. Услышав свое настоящее имя, Савинков вздрогнул, обернулся.

- Что же?

- Кто информатор.

Савинков взглянул на обивку дивана, которая с трудом, но разгоралась. Приблизился к Алексею:

- И кто же?

Губы Глебова расплылись в усмешке.

- Евно Азеф.

- Врешь!

- У меня есть доказательства. Нужны? Так они в сейфе в спальне. По такому случаю могу и код назвать.

- Что ж, посмотрим. – Савинков прошел в спальню. – Где сейф?

Глебов натянул веревки, но все бесполезно. Диван чадил, а потом вдруг полыхнуло пламя. Алексей на секунду прикрыл глаза, тяжело сглатывая. В детстве во время пожара погибли его родители. Он сам задышался от дыма и видел, как языки пламени пожирают его дом. Детские страхи вернулись...

- Эй, что молчишь?

Алексей открыл глаза, стараясь больше не смотреть на разгорающееся пламя.

- За ковром. – Еще пара минут выиграно. Савинкову потребуется время, чтобы убрать тяжелый турецкий ковер.

Глебов сделал несколько глубоких вдохов и огляделся. Вспыхнул ковер, лежащий на полу... Взгляд Алексея остановился на фотографии Лизы. Когда в соседней комнате раздался шум, он толкнул ногами столик, рамка покачнулась и упала на пол. Раздался глухой звук треснувшего стекла.

- Что дальше? – крикнул Савинков. – Говори комбинацию.

Подтянув рамку к себе, Глебов взглянул на фотографию жены. – Семь влево. - Сдавил рамку, разломал и вынул осколок стекла. – Два вправо. - Изловчившись, стал резать веревку.

- Дальше.

- Четыре влево. – Черт, какая же толстая веревка! – Девять вправо... Семь влево... Один вправо... - Руки свободны.

- Ни черта не сработало! – выругался Савинков.

- Еще раз. Попробуй. Семь влево, два вправо. – Глебов развязывал веревку на ногах. – Четыре влево. Девять вправо. – Еще немного. – Восемь влево...

Савинков выругался:

- Ты говорил «семь»!

Что ж, у Савинкова прекрасная память!

- Ты не расслышал. Во-семь!

- Дальше!

- Один вправо.

Все, Савинков открыл дверцу сейфа. Но и веревка была уже снята. Вооружившись каминной кочергой, Глебов бесшумно стал пробираться к спальне.

Савинков рылся в сейфе, переворачивая бумаги, ища то, чего там не было. Глебов на цыпочках приблизился к нему, держа кочергу наготове:

- Эй!

Савинков резко обернулся, Алексей ударил.

- Один – один, - удовлетворенно произнес он. Обыскал Савинкова. Забрал револьверы – его и свой. Сунул себе за пояс. Затем выгреб из карманов все остальное: спичечный коробок, ключи, дорогие папиросы, портмоне, документы. Распихав предметы себе по карманам, взял жертву за шиворот и вытащил в гостиную. Пламя пожирало здесь все с нарастающей скоростью.

Алексей чертыхнулся. Должны же жильцы дома почувствовать запах дыма и гари?! Наскоро связав Савинкова, он вытащил его в коридор, распахнул входную дверь и проорал:

- Пожар!

Убедившись, что его слышали, Глебов вернулся в гостиную. На секунду зажмурил глаза, затем схватил плед и стал сбивать пламя... На помощь примчалась пара добровольцев из обслуги дома...

Кашляя, Глебов вышел в коридор и обнаружил, что Савинков исчез!

- Черт! - выругался Алексей, запуская пятерню в волосы. Ушел! И где теперь их искать? Он стал усиленно вспоминать все, что могло подсказать, где нужно искать террористов. И тут его осенило. Спички! Глебов вывалил из карманов предметы, принадлежащие Савинкову. Вот они! Фирменный коробок отеля «Бристоль».

Алексей выскочил на лестничную площадку, на которой столпилось несколько напуганных дымом жильцов дома. Увидев погорельца, жильцы невольно расступились. Глебов же, перескакивая через ступеньки, помчался вниз.

* * *

Алексей мчался к отелю, опасаясь, что Савинков предупредил Швейцера, и они сумеют скрыться.

Прибыв в отель «Бристоль», Глебов разбудил портье. Тот недоуменно уставился на незнакомца, затем возмущенно воскликнул:

- Что вам нужно?

- Мне нужно знать, в каком номере проживает Швейцер!

- У нас нет никакого Швейцера! Вы знаете, сколько сейчас времени?! – Портье посмотрел на часы. – Еще нет и пяти!

Глебов ухватил его за лацканы пиджака.

- Послушайте! В вашем отеле проживает террорист. Здесь он изготавливает бомбы, которые могут рвануть в любой миг!

Глаза портье испуганно расширились.

- Но у нас действительно нет никого с таким именем!

- Тогда Мак-Куллох! Блондин с голубыми глазами!

Портье похлопал ресницами.

- У нас есть Артур Мак-Куллох...

- В каком он номере?

- Двадцать семь.

Алексей отпустил лацканы пиджака портье.

- К нему кто-нибудь приходил ближайшие полчаса?

Портье испуганно моргал.

- Нет, - ответил он, - ночь ведь... Что теперь, а?

- Что и должны сделать, сообщите в полицию, - сказал Глебов и устремился вверх по лестнице.

* * *

Швейцер стоял перед столом. Лампа тускло освещала то, что лежало перед ним – материал, необходимый для бомбы. Швейцер устало начинал очередную бомбу. Он сонно потер глаза. Нужно торопиться – ведь время поджимало.

Швейцер достал папиросу и огляделся в поисках спичек. Затем вспомнил, что отдал их Савинкову. Нахмурился. Он осуждал такие убийства, что совершил или совершит сегодня Савинков. Но время, революция требовали таких жертв. Со злом нужно бороться любыми способами, жертвы себя оправдают. Взять, к примеру, французские революции...

Швейцер зевнул. Вернулся к своему занятию. Его не покидала тревога. Чувство опасности. Чтобы отогнать сонливость и дурные мысли, он стал напевать куплетик венской песенки, всегда вертевшейся у него на языке:

*Durch die Gassen
Zu den Massen...*

...Глебов шел по коридору, освещенному лишь двумя тусклыми лампами. Двадцать седьмой номер. Где же этот чертов двадцать седьмой номер?! На каком этаже? Ничего невозможно было разглядеть в полумраке.

И тут Алексей услышал куплет песенки, звучащий совсем тихо, едва уловимо... Он медленно двинулся по коридору, приблизился к двери, прислушался. Положил руку на ручку двери. И вдруг вспомнил сон. Фрагменты кошмара пронеслись перед глазами: Швейцер возле стола, напевает песенку, затем оборачивается, из его рук выскальзывает капсула, падает, разбивается и...

Алексей развернулся и кинулся прочь. Раздался оглушающий грохот, взрывная волна подхватила его и бросила на стену...

* * *

Взрыв прогремел как гром среди ясного неба. С четырех этажей «Бристоля» полетели стекла, камни, доски. Из дыр, образовавшихся в стенах, повалилась ломаная мебель, кучей вниз ухали кирпичи, смешанные с пылью. Рядом со скрипом рухнула решетка...

Случайные прохожие, оправившись от испуга, устремили любопытствующие взгляды на последствия взрыва. Из отеля стали выбегать полураздетые жильцы. Портье, схватившись за голову, метался из стороны в сторону. Вскоре подъехала полиция и стремительно создала оцепление.

Из прибывшей кареты вышел Малышев. На ходу запахивая пальто, он окинул взглядом пострадавший от взрыва «Бристоль» и направился к портье...

* * *

Москва

Прибыв из Петербурга, Лиза вела себя сдержанно и замкнуто, но стоило ей остаться одной в своей комнате, она упала на кровать и зарыдала. Слезы лились из глаз нескончаемым потоком. Все, что было, рухнуло, от брака остались одни обломки...

В дверь тихонько постучали. Она зажала рот ладошкой.

- Лиза, вы плачете? – услышала она голос Николая.

Лиза молчала.

- Лиза, я слышал, как вы рыдали, - настаивал он. – Я позову Катю.

- Нет, я не плачу, - смогла ответить она.

- Зачем вы говорите мне не правду?

- Хорошо. – Лиза встала и открыла дверь. Шмит увидел ее заплаканное лицо.
– Довольны?

- Чем я могу быть доволен?! Тем, что вы несчастны?

Лиза отвернулась. Шмит молчал, затем вошел в ее комнату.

- Это не допустимо, - воспротивилась она.

- Недопустимо то, что вы плачете.

- Вы подаете плохой пример своим младшим сестрам и брату.

Шмит не ответил, сел на подоконник и задумчиво уставился на нее. Лиза вздохнула, поправила помявшееся платье и опустила в кресло.

- Лиза, выходите за меня замуж.

Лиза вздрогнула и обернулась.

- Зачем вы так... опять?

- Я хочу сделать вас счастливой. Вы созданы, чтобы вас любили... носили на руках... боготворили...

Лиза невольно рассмеялась:

- Вы так влюблены, что заговорили стихами?

- Вы достойны того, чтобы о вас говорили стихами, - упрямо ответил он.

Лиза горько вздохнула, но на душе от его слов полегчало.

- Спасибо вам.

- За что?

Лиза не ответила. Шмит повернулся к окну. Помолчал.

- В фабричной амбулатории сегодня были первые пациенты, - сказал он.

Лиза оценила то, что он сменил тему разговора.

- Да? И как? – Ей действительно было интересно.

- Доктор сказал, что без помощницы будет очень туговато. Он спрашивал о вас в надежде, что вы не оставите его в столь трудные минуты, а может месяцы...

Лиза улыбнулась:

- Конечно же, нет, как вы могли только подумать!

...Они проговорили до утра. Когда за окном стал оживать город, Шмит отправился к себе. Открывая ему дверь, Лиза улыбнулась. Он повернулся к ней:

- Желаю вам спокойной ночи.

Лиза хотела ему ответить, но вдруг побледнела: сердце в ее груди замерло, скакнуло, ударилось о ребра так, что отдалось по всему телу болью. В глазах потемнело, и она стала падать.

Шмит подхватил ее...

* * *

Петербург

...Глебов, откашливаясь, поднялся на ноги. С него сыпалась штукатурка, щепки, пыль. Тело болело от удара, в голове звенело, но, по крайней мере, он остался жив.

Проталкиваясь среди жильцов, покидающих в панике отель, Алексей пробрался к номеру Швейцера. Внутри все было уничтожено взрывом. Стены частью были разрушены, частью выпирали наружу...

Возле капитальной стены он увидел обезображенное тело. Труп мужчины лежал на спине, голова была неестественно запрокинута. Грудная клетка разорвана так, что даже виден был позвоночник. Руки без кистей и части предплечья валялись рядом. В обломках мусора лежали куски мяса, внутренности, сердце...

Алексей отвернулся и прислонился к стене, преодолевая дурноту. Всего лишь пару минут назад парень был жив, а теперь превратился в куски рваной плоти. В проеме появилось еще несколько любопытствующих лиц. Алексей прошел мимо, не понимая, почему все перед ним расступаются, и спустился по пыльной лестнице вниз. На выходе столкнулся с Малышевым.

- Жив! – воскликнул тот. Затем окинув взглядом с ног до головы, подхватил под локоть. – Пошли.

Малышев провел его через толпу, усадил в свой экипаж и сел рядом. Алексей молчал. Экипаж тронулся с места.

- Куда ты меня везешь? – спустя некоторое время спросил Глебов.

- Ну, наконец-то! Заговорил.

Алексей недоуменно посмотрел на него.

- Неужели я так плохо выгляжу? – уныло усмехнулся он. Или ему показалось, что усмехнулся? Тело не желало больше слушаться.

- Да, вид у тебя еще тот.

- Так куда ты меня везешь?

- В клинику...

- Мне не нужен доктор.

- Нужен, уж мне поверь. Клиника хорошая, частная, уединенная. Побудешь там несколько деньков, пока все не уладится. Выспишься, подлечишься.

Глебов хотел возразить, но Малышев настоял:

- Так нужно.

Спорить больше не хотелось. Точнее сил не было. Алексей закрыл глаза.

* * *

Март 1905 г. Петербург

Алексей две недели провалялся на больничной койке. Обслуживание было на высшем уровне: в палате он находился один, за ним ухаживали симпатичные сестрички, доктор был терпелив, но настойчив. Глебов же оказался несносным, раздражительным пациентом и требовал скорейшей выписки. Думается, все вздохнули с облегчением, когда доктор выписал его...

Алексей вышел на улицу и втянул ноздрями холодный весенний воздух. Прищурился с непривычки от солнца, бьющего в глаза.

В этот момент к крыльцу подкатил открытый экипаж и из него выскочил Малышев.

- Пройдемся?

Глебов кивнул.

Они свернули в сквер. Малышев протянул ему небольшой сверток.

- Что это?

- Держи. На память.

Алексей взял подарок. Распаковал. Внутри оказалась серебряная инкрустированная коробочка с гравировкой.

- «Memento mori», - прочитал он вслух. Усмехнулся. – Помни о смерти?

Глебов открыл коробку. В ней на бархатной основе лежал его медальон, пробитый пулей. Оказывается, Малышев сохранил его.

- В тебе просыпается чувство юмора? - Алексей закрыл коробочку.

- Нет. Это напоминание, предупреждение. – Малышев был серьезен.

- А я-то думал... Что ж, премного благодарен. - Глебов убрал подарок в карман. - Но я бы предпочел что-то вроде «Veni, vidi, vici»¹ или «Meliora spero»².

- Рад, что к тебе вернулось прежнее расположение духа.

Они некоторое время молча шли по скверу.

- С твоей жены сняли слезку, - сообщил Малышев. Глебов промолчал, и он продолжил:

- И еще... Хочу тебя поблагодарить.

- С чего бы?

- Покушение, намеченное на 1 марта, не состоялось: смерть Швейцера внесла расстройство в работу отряда Боевой организации. Нам удалось выйти на след террористов. Было обнаружено место хранения взрывчатых веществ и бомб³. Сейчас проводятся аресты.

- Можно поздравить тебя с повышением?

Малышев не ответил.

- Савинкова арестовали?

- Нет. Ему удалось скрыться. Скорее всего, он уже покинул Россию. - Затем сообщил, - Лопухин снят императором с должности.

- Как же мое дело? – Они остановились напротив друг друга.

Малышев некоторое время молчал.

- О тебе знает ограниченный круг людей. В большей степени я и Лопухин. Ты работал лично на него. Он опасался, что кто-то может узнать об этом... Предполагаю, твое дело по-прежнему хранится на конспиративной квартире, где ты с ним встречался.

- На Фонтанке?

Малышев невольно удивился.

- Как ты узнал?

- Просчитал, когда вы меня туда возили.

Малышев кивнул. Вздыхнул:

- Извини. Больше ничем не могу тебе помочь.

Алексей усмехнулся и протянул ему руку:

- Что ж, прощай.

Малышев ответил крепким рукопожатием.

¹ Пришел, увидел, победил (лат.)

² Надеюсь на лучшее (лат.)

³ Прим. автора: Бомбы и взрывчатые вещества были обнаружены на квартире дочери владимирского губернатора Татьяны Леонтьевой.

- Прощай. – Помедлил. – Жаль, что так получилось... То, что мы не можем быть в одной команде.

Затем зашагал прочь.

* * *

Глебов не терял время зря и ночью того же дня пробрался в конспиративную квартиру на Фонтанке. Вскрыть замок квартиры было не столь сложно, зато пришлось помаяться с несгораемым сейфом. Однако Алексея ожидало разочарование: сейф оказался пуст. Глебов мысленно чертыхнулся. Дело принимало скверный оборот. Лопухин мог... да как угодно он мог поступить!

- А, господин Глебов. – Неожиданно услышал Алексей за своей спиной. Внутри все похолодело. Он медленно обернулся.

Перед ним стоял довольно высокий крупный мужчина лет пятидесятишестидесяти, с сидящей бородкой и гладко зачесанными назад волосами. В глаза бросались его слегка заостренные вверх уши.

- Господин Витте¹, если не ошибаюсь? – произнес Глебов.

- Да. Вы не против, если я присяду? – спросил Витте, проходя к дивану и сядя. – Позвольте узнать, не это ли вы ищете? – Он похлопал ладонью по папке.

Алексей замер. Да, это была та самая папка с компроматом на него и на его жену!

Между тем Витте продолжил:

- Я знал ваших опекунов, господин Глебов. Славные были люди – всегда по-доброму ко мне относились. – Он положил папку на стол. – Знаете, моя супруга очень хорошая радушная хозяйка. Я приглашаю вас к нам завтра на обед. Обязательно приходите. – Он поднялся с места. - Имею честь.

Витте вышел из кабинета.

Алексей медленно подошел к столу, открыл папку и пролистал. Дело было на месте. Все, что было собрано Лопухиным на него и на Лизу. Взяв документы, он поспешно вышел из квартиры...

* * *

Москва

¹ Сергей Юльевич Витте (1849, Тифлис - 1915, Петроград) - государственный деятель, министр финансов (1892—1903 гг.), председатель комитета министров, председатель Совета министров Российской империи (1905—1906 гг.).

Щербатый нервно покурил папироску, сжимая ее по тюремному - тремя пальцами. Неделью назад ему дали указание снять наблюдение с объекта. Как же! Так он это и сделал! Да кто такой этот Малышев, чтобы давать ему указание! Щербатый сплюнул. Завидев Лизу Глебову, вышедшую из дома в сопровождении Андриканиса и Кати Шмит, он сделал последнюю затяжку. Затем отщелкнул пальцами папироску, она, кувыркаясь, полетела в сторону, и он неторопливо двинулся следом за Глебовой и ее друзьями. Наверняка идут в контору поверенного, которого посоветовал Глебовой Андриканис. Дамочка собралась разводиться. Аппетитная дамочка! Такие формы: грудь, бедра, осиная талия... Щербатый ощутил, как возбуждается. Представил, как долбит эту девицу - грубо, сильно, быстро... Он стиснул зубы, чтобы не застонать. Остановился. Затем свернул в проулок. Нет, так не должно больше продолжаться. Он получит то, что хочет...

* * *

После посещения поверенного, Лиза в сопровождении Кати направилась на фабрику Шмитов. В амбулатории ее радостно встретил доктор.

- Как вы себя чувствуете, Елизавета Николаевна? – поинтересовался он. – Вы позволите? – Он взял ее за руку, чтобы послушать пульс.

Лиза сдержанно улыбнулась:

- Я чувствую себя хорошо.

Две недели назад, когда ей стало плохо, Лиза стала его пациенткой.

- Нервы, - вывел доктор тогда диагноз и прописал ей постельный режим в полном покое.

Первую неделю Лиза действительно провалялась в постели, в большей мере спала, к началу второй - стала подниматься и выходить гулять. У нее было время подумать... Она приняла решение по поводу своего неудачного брака и сказала о нем Шмитам. Они восприняли ее намерение развестись с безмолвной поддержкой: Катя поостереглась проявлять бурную радость, опасаясь очередной хандры Лизы, а Николай отвернулся к окну, будто что-то там разглядывал, однако уголки его губ тронула улыбка...

- Прекрасно, - объявил доктор. – Я бы сказал, что вы здоровы. Однако...

Лиза с улыбкой поспешила его остановить:

- Доктор, пожалуйста, я больше не могу сидеть без дела! Могу я приступить к своим обязанностям в амбулатории?

Доктор улыбнулся:

- Раз вы того желаете, то... Когда сможете приступить?

- Прямо сейчас. – Лиза с готовностью поднялась.

Доктор выделил ей белый фартук, и они взялись за работу: прием больных, прививки, посещение барачков, где жили семьи рабочих...

К вечеру Лиза валилась с ног, но чувствовала себя вполне умиротворенной. Она работала с полной отдачей, а доктор, видя ее интерес, предоставил ей для изучения некоторые медицинские книги. Вечером, сидя на диванчике в своей спальне, Лиза пролистывала одну из них, однако глаза слипались... Сегодня, посетив поверенного, она сделала первый шаг к разводу. Выдержит ли она? Пути назад нет...

Глава 3. Витте

Петербург

Алексей сидел в гостиной напротив Витте и его жены и наблюдал за ними. В большей степени, за Витте – ведь неизвестно с каким умыслом тот пригласил его в гости. Можно было и не приходить, однако Глебов понимал – Витте неспроста появился на Фонтанке и слишком много знает о нем. Почему же не воспользоваться возможностью и не изучить его поближе?

Алексей слышал, как петербургские аристократы презрительно сравнивали Витте с купцом-выскочкой, насмешничали над его украинским выговором и «плебейским» французским. Да, Витте имел повадки провинциала, однако Глебов считал, что человека нужно оценивать не потому, как он говорит, а по тому, ЧТО говорит и КАК поступает.

Он знал, что Витте много лет служил в правительстве. И за это время за счет его усилий вдвое удлинилась российская железная дорога, выросла промышленность, в порядок пришли финансы – значительно благодаря винной монополии, им введенной. Витте обладал хозяйственной хваткой и без стеснения говорил о своих заслугах. Поговаривали, что Витте крал, хотя никем уличен не был. А еще Витте считали скрытным и беспринципным.

Да, в обществе о Витте говорили, судачили, считали карьеристом – «из титулярных советников да махом в статские»! Но не все так было гладко, как могло казаться. Витте был бесцеремонен буквально со всеми, в том числе и с самим императором Николаем II – больше поучал того, чем внимал. Этим самым и заслужил его немилость. Должность председателя комитета министров, которую Витте получил около двух лет назад, по сути, была почетной отставкой – комитет не имел ни влияния, ни значения. А для деятельного Витте это было высшее наказание – оказаться не у дел.

Конечно же, Витте был известной личностью, но Алексей предпочитал составлять собственное мнение, поэтому, сидя напротив супругов Витте, наблюдал и слушал больше, чем говорил.

- Я слышала, что с вами приключилась страшная оказия, - разливая чай, сказала Матильда Ивановна.

Глебов взглянул на Витте. Принял чашечку из рук хозяйки.

- Хотелось бы узнать, какую из бед вы имеете в виду? – спросил он, пригубив предложенный ею чай.

- Ваш дом сгорел.

- Ах, это... Это была съемная квартира в доходном доме¹.

- Однако. – Мадам Витте окинула Алексея пытливым взглядом. По-видимому, он показался ей не совсем здоровым. – А знаете, у нас довольно редко останавливаются гости. И мы были бы очень рады, если бы вы воспользовались нашим гостеприимством.

Глебов вновь кинул взгляд на ее мужа, который лишь добродушно улыбнулся. С чего бы чете Витте ему так доверять?

- Простите, я не могу, - вежливо ответил он хозяйке дома.

Однако Витте решил ее поддержать.

- Ну что же вы, Алексей Петрович. Соглашайтесь. От всей души вам предлагаем, - посоветовал он. – Я знал ваших опекунов. Они не раз оказывали мне помощь и поддержку, особо ваш дядя. А я ценю дружбу тех, кто и меня ценит. Я перед ними в неоплатном долгу. А вами они дорожили.

Глебов молчал. Супруги Витте настораживали его своей настырностью и, возможно кажущейся, простотой.

- Прошу прощения, я ненадолго вас покину, - сказала мадам Витте и поспешно удалилась.

Оставшись наедине с Витте, Глебов наклонился вперед и тихо произнес:

- Столько доверия моей персоне? Вы ведь знаете, кто я.

Витте также подался вперед:

- Я – знаю.

- И доверяете?

- Да, доверяю.

- А я вам нет. – Алексей откинулся на спинку дивана.

Витте усмехнулся:

- То, что вы честны со мной – это уже о многом говорит. – Он тоже облокотился на спинку кресла. – И я хочу быть с вами честным. Господин Лопухин, с оным вам довелось пообщаться, человек недобросовестный, я отношусь к нему неприязненно.

- Но этого ведь мало, чтобы верить мне, - гнул свое Глебов. В конце концов, он пришел сюда не чаи гонять, а выяснить, что Витте от него надо. Бескорыстный политик – нонсенс!

- Чего вы боитесь, господин Глебов? Кому-то доверять? И будьте так любезны, не расстраивайте мою супругу. Она прекрасный душевный человек. И предлагает вам гостеприимство от всего сердца. К тому же, - Витте вновь наклонился поближе, - у вас появится возможность самому разобраться, что к чему, раз вы не доверяете моим словам.

Глебов не ответил.

Вернулась мадам Витте:

- Что же вы скажите мне, Алексей Петрович? Для вас уже и комната готова.

¹ Доходный дом - многоквартирный жилой дом, предназначенный для сдачи в аренду отдельными квартирами. Возникновение доходных домов было вызвано началом бурного роста европейских городов в XVIII в. А впоследствии - в XIX в. - они уже составляли основу застройки крупных городов Европы и России.

Алексей решил им подыграть.

- Раз на то пошло, я согласен. - Он улыбнулся. - Благодарю за гостеприимство.

«Лишь бы потом не оказаться, как рыба, на крючке».

* * *

Москва

Лиза пришла на работу рано. Доктор еще не пришел, однако ей было чем заняться: необходимо было тщательно прокипятить медицинские инструменты, разложить в шкафу закупленные вчера микстуры и пилюли...

Дверь амбулатории открылась и в помещение без разрешения вошли. Лиза оглянулась. У входа стояла женщина, бледная, как мел, и напряженно заламывала руки.

- Прошу вас, помогите!

- Что случилось?

- Моему ребенку очень плохо! Прошу вас! Вы должны пойти со мной!

- Но я не доктор, я всего лишь ему помогаю.

- Если вы не пойдете – он умрет!

Лиза взглянула на настенные часы. Доктор придет через час, не раньше.

- Что случилось?

- Я не знаю... Он весь горит, его лихорадит, рвет.

Лиза кивнула. В последнее время многие были больны кишечной инфекцией. Особенно страдали дети. Уже был смертный случай... Лиза сложила в медицинский ранец лекарства, которыми доктор отпаивал больных с подобными симптомами.

- Пойдемте.

...Покинув пределы фабрики, они направились к баракам. Женщина показывала путь, очень торопилась, так, что Лиза едва поспевала за ней. Пройдя рабочий поселок, незнакомка свернула к речным докам. Лиза замедлила шаги:

- Куда же мы идем?

- Здесь недалеко.

Наконец они достигли своей цели. Возле реки на отшибе стоял неказистый почерневший от времени домишко, вокруг него - гнилой накренившийся забор. Пройдя мимо сидящей на привязи худой собаки, они оказались перед обшарпанной дверью дома. Женщина, не останавливаясь, вошла первой, за нею Лиза.

Дверь тут же закрылась, Лиза оглянулась и увидела перед собой испещренное оспой лицо мужчины. Его желтоватые глаза пылали пугающим триумфом. Лиза вздрогнула. Это был тот самый тип, что следил за ней!

- Где мой ребенок? – раздался голос женщины за ее спиной. – Вы мне сказали, что отдадите мне ребенка!

- Заткнись! И убирайся. Получишь его через три дня. Если, конечно, будешь держать язык за зубами.

- Я привела ее, отдайте мне ребенка! – Женщина в отчаянии кинулась к нему, упала на колени.

Щербатый ударил ее наотмашь, она вскрикнула, растянулась на грязном полу. Он пнул ее, затем еще раз. Лиза бросилась вперед, Щербатый развернулся и ударил ее в челюсть. В глазах потемнело...

* * *

Придя в себя и с усилием открыв глаза, Лиза поняла, что привязана к кровати. Стараясь не паниковать, она попыталась освободиться... Раздался шум - Лиза притихла и повернула голову на звуки. Из подполья показался Щербатый: он неспешно поднялся, опустил крышку, застегнул замок. Затем обернулся...

Лиза закрыла глаза и притворилась, что все еще без сознания. Нужно выиграть время! Раздались шаги. Он приближался. Некоторое время стоял рядом и наблюдал. Его дыхание участилось... Под тяжестью его тела заскрипела и просела кровать. Щербатый протянул к ней руку, провел шершавыми пальцами по шее, грубо смял грудь. Навалился телом, потным, грязным. Лиза готова была закричать...

- Умоляй, проси меня ничего тебе не делать. Давай, проси же, умоляй!

Лиза посмотрела на него с безумной ненавистью - он отшатнулся, будто взглядом можно было убивать.

- Сука!

Лиза молчала. Он замахнулся, чтобы ударить. Лиза не отвернулась, не отвела глаза. Он не ударил. Сплюнул на пол. Поднялся, стал снимать штаны.

Лиза сжала кулачки. Боже, помоги мне, Боже! Алеша...

* * *

Петербург

Алексей Глебов воспользовался гостеприимством супругов Витте. Комната была просторной и по-домашнему уютной. Кровать была удобной, но он не мог уснуть. Несколько раз вставал, курил, ходил по комнате и вновь ложился. Забыться сном удалось лишь к утру.

...Приснилась Лиза. Она смотрела на него с холодом и укоризной. Он шел за ней, а она все дальше удалялась. По грязным улицам, среди халуп... Он бросился за ней, но потерял из виду... Его манила грязная облезлая изба... Флюгер в виде одноглазой кошки, поворачиваясь, скрипел. Солнечный луч, просвечивая через дыру вместо глаза, ослеплял... Еще один шаг... Худая псина, с обтянутыми облезлой шкурой ребрами, повернулась, посмотрела, залаяла, а затем завывала...

* * *

Москва

Псина во дворе залаяла. Щербатый смачно выругался и с опаской выглянул в окно. Собака продолжала лаять, затем завывала - отчаянно и скорбно. Ей стали вторить по поселку чуть ли не все псы. Щербатый матерно заорал, застегнул так и не снятые штаны. В чем был, выскочил из дома. Хлопнул дверью, запер на замок.

О, Боже! Боже! Лиза от страха и отвращения быстро задышала, и попыталась высвободиться, но не смогла. В отчаянье она готова была разрыдаться... Нет, нельзя плакать! Нельзя!

* * *

На фабрике потеряли Лизу. Первой на ее отсутствие обратила внимание Катя, которая в этот день работала в фабричной библиотеке и зашла в амбулаторию позвать подругу попить чаю.

- Да где же она может быть? – спросил тревожно Шмит, ходя по амбулатории из стороны в сторону.

Доктор пожал плечами.

- Николай Павлович, она без сомненья была здесь утром до моего прихода. Вот только теперь нет медицинской сумки...

- Может быть, ее похитил Глебов? – разгневано предположила Катя. – По собственной воле она с ним не пойдет.

Шмит явно расстроился, но постарался не показать и виду.

- А если нет? Ведь нет медицинской сумки...

- Да, конечно, – согласилась Катя. – Тогда нужно опросить рабочих, может быть, кто-то видел.

Она поднялась, ожидая решительных действий от мужчин.

- Ты права.

...Ушло два часа на то, чтобы хоть что-нибудь узнать. Двое рабочих видели, как приходила в амбулаторию какая-то женщина. А вот работница из набивного цеха смогла дать сведений побольше: она видела, как госпожа Глебова шла с посторонней женщиной на окраину рабочего поселка.

Итак, с момента исчезновения Лизы прошло примерно семь часов. Нужно было срочно организовать поиск. Через четверть часа удалось собрать рабочих - Шмит объяснил им, что к чему, и попросил помочь. Из фабрики вышли гурьбой и распределились группками по поселку.

* * *

Щербатый был в полном бешенстве. Собака спятила – не иначе. Он кинулся к ней, хотел прогнать, но псина убегала и снова возвращалась. Не просто лаяла, а выла. На дом уже и так поглядывали – кого-то могло заинтересовать, что же происходит.

Щербатый вынул револьвер и стал пулять по псине. Бежал за ней, как сумасшедший вдоль берега реки... И на свою беду нарвался на жандармов. Его отколоматали дубинками, скрутили, отволокли в кутузку.

Щербатый от злобы сам готов был выть. Когда он выйдет – эта глебовская потаскуха поплатится за все его напасти! Он изобьет ее и отымет. Затем еще раз изобьет и снова отымет... грубо, жестко, так, что пусть визжит...

* * *

Лиза разомкнула глаза. В полной темноте она слышала, как из-под пола раздавалось глухое завывание и слабый детский плач.

- Не плачьте, - произнесла она, но слишком тихо, и повторила громче из последних сил. – Не плачьте!

Внизу притихли.

- Мы выберемся отсюда, - сказала, пытаясь больше убедить себя, чем их...

Настало утро. Было ужасно холодно. Дом весь остыл. Но это было лучше, чем, если бы вернулся Щербатый. Лиза попыталась раскачать кровать, но безуспешно. Стала кричать, звать на помощь! Женщина в подвале тоже закричала. И вдруг заскрипело крыльцо под тяжестью ступавшего на него человека. Лиза притихла, затем снова закричала:

- Помогите!

- Лиза, это вы?! – раздался за дверью голос Шмита. Он дернул дверь.

- Да, да, это я! Помогите!

- Ребята, сюда! Ломайте дверь!

За порогом послышались шаги, дверь толкали, она скрипела, затем слетела с гнилых петель. Все на мгновение застыли на пороге, затем Шмит ринулся к Лизе, скинул пальто, накрыл ее и торопливо стал развязывать узлы.

- Лиза, Лиза! С вами все в порядке? Ребята, доктора зовите! Как вы? – Он крепко обнял ее, прижал к себе, пытаясь согреть.

- Со мной все хорошо, - ответила Лиза, пытаясь улыбнуться синими от холода губами. – Там женщина с ребенком, в погребе!

Рабочие уже кинулись открывать подполье. Взломали замок, один из них спустился, чтобы помочь матери с ребенком выбраться наружу.

- Что же случилось? – встревожено глядя в лицо Лизы, спросил Шмит.

- Я не знаю. Меня похитили, закрыли здесь. А похититель ушел еще вчера куда-то... Коля, я хочу домой.

- Да, конечно. – Он подхватил ее на руки и понес на улицу. Рабочие расступились.

* * *

- О чем задумались, Алексей Петрович? – поинтересовался Витте, раскуривая трубку.

- Да так... - ответил Алексей, которому не хотелось делиться с Витте переживаниями, вызванными утренним сном. Как бы ни складывались его отношения с женой, но он по-прежнему думал о ней и тревожился. - Хочу уехать на несколько дней.

- В Москву?

- С чего вы взяли?

- Ведь там ваша супруга? Я ведь прав?

- Возможно.

- Молодо – зелено, - заметил Витте. - Но как говорит моя супруга «Все по-правимо».

- Вы хотите обсудить мою семейную жизнь? – с сарказмом спросил Глебов.

- Нет, что вы! Упаси Боже! Судить со стороны, почему муж хорошо живет с женой и почему часто брак является несчастным, очень трудно, даже зная все обстоятельства дела. – Витте затянулся трубкой. Попыхивая, выпустил дымок. - На вас свалилось столько бед: шантаж Лопухиным, разрыв с женой, пожар, раненья. Вам в пору отдохнуть, набраться сил, подумать. – Он вновь подымил. – А что касается рассказов о семье, то я люблю поговорить о своей... Я был женат дважды: удачно и очень удачно. И оба раза на разведенных женщинах. Моя первая супруга, упокой Господи ее светлую душу, была замечательной женщиной. И я любил ее всем сердцем. Но так было угодно Богу, она скончалась. – Он помолчал, отдавая дань уважения усопшей. Затем оживившись, продолжил: - Новая любовь застигла меня в театре! Как-то раз в театральной ложе я заметил даму с выразительными серо-зелеными глазами. Я нашел способ с ней познакомиться. Матильда Ивановна оказалась замужней женщиной и матерью маленькой дочки. И что же сделал я? Я уговорил госпожу Лисаневич разойтись с мужем и выйти за меня. Вот так.

- И всего-то?! – госпожа Витте вошла к ним в библиотеку. Присела на подлокотник кресла, в котором сидел ее муж, положила руку ему на плечо. Затем посмотрела Глебову в глаза. – Вы ведь понимаете, Алексей Петрович, брак чиновника его ранга с разведенной женщиной был скандалом. К тому же я еврейка, и уже лишь только это могло поставить крест на всей его государственной службе.

- Ну что ты, дорогая. – Витте похлопал ладонью по ее руке.

А мадам Витте продолжала:

- Сергей Юльевич заплатил моему первому супругу двадцать тысяч рублей отступного. Брак благословил сам император - Александр III.

Витте рассмеялся:

- Да, император был очень добр!

Мадам Витте улыбнулась:

- Он сказал «По мне, женитесь хоть на козе. Лишь бы дело шло». С Лисаневич меня развели в три дня.

- Брак, тем не менее, не повредил моей карьере. Уже через год я был произведен в тайные советники и министры финансов... Для нашего времени, Алексей Петрович, характерна новая порода женщин. Они умны, деловиты, живут интересами мужа и просекают их выгоду моментально, на несколько ходов вперед. При этом обольстительны, но не жеманны, – изрек Витте, подняв указательный палец вверх. – И такова моя супруга.

- Но полно-те, Сергей Юльевич, - пожурела его жена. Он взял ее ручку и запечатлел на ней благодарный поцелуй. - Ни один государственный деятель России не был предметом столь разнообразных и противоречивых, но упорных и страстных нападок, как мой муж. При дворе его обвиняют в республиканизме, в радикальных кругах ему приписывают негибемый монархизм.

Алексей почувствовал себя ущемленным: он подумал о Лизе и их отношениях, и позавидовал браку Витте. А он уж думал, что такого взаимопонимания и взаимоподдержки в браках не бывает! А еще Алексей решил повременить с поездкой.

Не в том он был душевном состоянии, чтобы вести беседы с Лизой. Они бы все равно закончились скандалом...

Вечером прибыли приемная дочь Витте Вера со своим малолетним сыном Львом. Приехала специально из Брюсселя, чтобы навестить родителей. Муж Веры – дипломатический чиновник Кирилл Нарышкин по долгу службы приехать не смог. Но и без него идиллия была полной. Семейство Витте, а вместе с ними и Алексей, сидели у самовара, играли в безик, душевно разговаривали, смеялись. В углу храпел сеттер Арапка, а Левушка пытался до него добраться. Матильда Ивановна пела цыганские романсы – Вера аккомпанировала на фортепиано, Витте дул в флейту...

Витте был так уверен в своих музыкальных дарованиях, что совершенно не смущался, когда фальшивил. Но когда запел! Выходило пискляво и звучало неприятно. Алексей потер переносицу, чтобы скрыть за ладонью невольную усмешку на своих губах.

Вера, заметив это, тихонечко ему сказала:

- Это еще что! Когда мы были в Крыму всем семейством, и отправлялись гулять в горах, он часто прислонялся к скале, клал руку на сердце и пел арию Русалки «У этих грустных берегов». Вы себе представить не можете, как скалы разносили эти звуки! Терпеть их не могла!

Алексей взглянул на нее с любопытством:

- Он вам симпатичен?

- Я считаю его своим отцом, так как собственного отца почти не знаю. А он полюбил меня как собственную дочь. Теперь вы понимаете, какой он человек?

К большому счастью, Витте закончил петь и принялся возиться с внуком.

Вера улыбнулась их играм, затем тихонечко вновь заговорила с Алексеем:

- Мою маму не принимали ни во дворце, ни в так называемых «хороших» домах. И это было очень неприятно для нее. Сергей Юльевич довольно чувствителен к таким вещам. Родители решили проблему довольно просто. Маменька сама стала устраивать у себя приемы, поражая гостей их великолепием... Ради нее он рискует быть смешным. На сплетни не обращает внимания. Матап – помощница и советчица ему в делах. Он делится с нею радостями и переживаниями. Я бы хотела, чтобы мои отношения с супругом были такими.

К ней подбежал Лева:

- Мама, мама! Дедушка будет моим пони! Смотри!

Мальчишка разбежался, запрыгнул Витте на руки, тот мигом подсадил его себе на шею. Сам рассмеялся, как ребенок.

Что ж за человек такой вы, господин Витте?

* * *

Прошло несколько дней, прежде чем Глебов, поблагодарив хозяев за гостеприимство, сообщил им, что снял меблированную квартиру в доходном доме и намерен переехать.

- Что же, воля ваша, – пожав плечами, сказал Витте. – Но мы с супругой будем рады видеть вас у себя. Обязательно к нам заходите.

Переехав, Алексей назначил встречу с господином Рерихом - своим поверенным. Решив с ним накопившиеся деловые вопросы и дав соответствующие распоряжения, он попросил подыскать хорошего сыщика для розыска Катарины Хмельницкой и ее сына.

После ухода поверенного, Глебов прошелся по своей новой квартире. Чего-то здесь не хватало. Точнее, кого-то... Очередная холостяцкая обитель коих в его жизни было предостаточно. А ведь ничего не стоит покинуть вещи в чемодан и отправиться в Москву. Что его держит? Гордыня? Самолюбие? Страх? Или все вместе взятое? Перед глазами так и возникал образ Лизы, когда она ему говорила, что им нужно расстаться. Расстаться! И ради кого? Ради этого молокососа Шмита?

Алексей в сердцах пнул пуфик. Затем сел. Нет, на измену Лиза не способна – брачные узы для нее святы, однако полюбить другого она может - и тогда как быть? Не может он держать ее подле себя насильно, не может. И что же делать? Семейные отношения не заладились – их брак превращается в катастрофу. И Лиза изменилась – стала невыносимой, что ни слово, то наперекор... Однако, как же он желает ее видеть, прикоснуться к ней, ощутить ее тепло... Алексей вздохнул. Может быть, стоит вынудить ее приехать? А это мысль. Стоит подумать...

* * *

Через пару дней во время пешей прогулки Глебов вновь встретился со своим новым знакомым - рядом остановилась карета, и в окошко выглянул Витте.

- Здравствуйте, Алексей Петрович.

- Здравствуйте, господин Витте.

- Садитесь, я вас подвезу.

Глебов раздумывал недолго и вскоре уже сидел напротив Витте.

- Как ваши дела? - вежливо поинтересовался тот.

- Прекрасно.

- С супругой виделись?

- Пока что нет.

- Понятно. - Витте помолчал, опираясь двумя руками на набалдашник трости. – Прошу простить меня за расспросы, все моя супруга. Она так близко к сердцу приняла ваши напасти, что постоянно задает про вас вопросы. Особенно ее волнует ваше душевное состояние.

- Передайте, что не стоит волноваться.

Витте улыбнулся. На улице раздались крики - какая-то толпа устроила погром. Витте задернул шторку на оконце. Вздохнул:

- По мере наших неудач на фронте¹ смута в России все более и более растет. Вот вам и «маленькая победоносная война», предложенная фон Плеве!

От Алексея не ускользнуло, как поморщился его собеседник, упомянув несчастного министра.

- Вы его не жаловали?

Витте фыркнул, затем посмотрел на Глебова и невесело улыбнулся:

¹ Прим. автора: Речь о русско-японской войне 1904-1905 гг.

- Многие осуждают меня за мою прямолинейность. Однако не считаю нужным юлить и прикрываться ложью. Познакомившись с Плеве, я убедился, что это человек, сделавшись министром, будет преследовать только свои личные цели и принесет России несчастья. Я старался убедить его, что принятый им курс политики кончится дурно и для него и для государства. Что при той политике, какую он ведет, он неизбежно погибнет от руки какого-нибудь фанатика.

Витте помолчал.

- Плеве же думал, что я хочу занять его место. Он так долго добивался поста министра, что, добившись, готов был задушить всякого, кого мог подозревать в способствовании его уходу с министерского места. Я же оказался прав.

- Я слышал, что при покушении на Плеве были похищены некоторые документы из его портфеля, – вставил Алексей.

- Сплетни! – Витте недовольно насупил брови. – Вы хотите меня обидеть?

- Ни в коей мере.

Витте вздохнул:

- До меня дошел слух о документах. Известие об убийстве Плеве я получил в Берлине, в то время я заключал с канцлером Бюловым новый торговый договор. Когда же я приехал в Петербург, то узнал, что в портфеле Плеве якобы было найдено письмо агента тайной полиции, какой-то еврейки из Германии, которая сообщала, что готовится революционное покушение на Его Величество, и что будто бы я принимаю в этом деле живое участие! Очевидно, Плеве этим письмом желал более вооружить чувство Государя Императора против меня.

- Между вами были серьезные разногласия.

- Плеве был злопамятен и мстителен. Мы с ним расходились по большинству государственных вопросов. В течение более чем десятилетнего моего управления финансами - а я их привел в блистательное состояние! - я очень мало мог сделать для народа, ибо встречал в правящих кругах противодействие - и во главе оно всегда стоял Плеве. Я расходился с Плеве по поводу политики на Кавказе, по еврейскому вопросу. Я не могу сослать человека в Сибирь только за то, что он мыслит не так, как мыслю я, и не могу лишать его гражданских прав только потому, что он молится Богу не в том храме, в котором молюсь я.

Витте был раздражен, поэтому предпочел некоторое время помолчать, чтобы успокоить нервы.

Глебов его не торопил. Спустя какое-то время он заметил:

- У вас интересные взгляды, господин Витте. Однако политика наполнена коварством, ложью и цинизмом. Разве политик может остаться «чистым»? Стоит выглянуть в окно, и можно увидеть к чему приводит такая политика.

- Вы правы. В нашей стране нет порядка. Порядок может основываться только на законности. И до тех пор, пока уважение к закону не войдет в плоть и кровь не только населения, но в первую очередь чиновников всех рангов и положений, можно будет всегда ожидать самых невероятных сюрпризов – вот, наподобие беспорядков, что мы наблюдаем.

- Однако, как вы сами и признали, в России уже беспорядки. До законопослушности явно далеко. Да и чиновники не только не желают меняться, но и что-либо предпринять.

- Эх, Алексей Петрович, вы бы знали, как много мне хотелось бы сделать! Недавно я направил императору всеподданнейшее письмо со своими предложениями. Ведь первым делом нужно устранить первопричины нынешних беспорядков, а одна из первопричин - война с Японией. Продолжение войны становится опасным, и дальнейшие жертвы страна при существующем состоянии духа не перенесет без страшных катастроф. – Витте горько усмехнулся. – Однако, так как я в немилости у императора, он не счел нужным прислушаться к моим предложениям.

Некоторое время ехали молча. Витте, в задумчивости хмурясь, смотрел в окно.

Глебов был с ним согласен, русско-японская война оказалась тягостным бременем для России, ибо народ не желал и дальше терпеть свалившихся на него невзгод.

- Да уж, после ряда военных неудач этой зимой число оптимистов, верящих в благоприятный для России исход войны, заметно уменьшилось, - сказал он.

Витте обернулся. Его взгляд был печальным.

- Я не помню ни одного такого поражения русской армии как то, которое мы потерпели в Мукдене¹, - произнес он. - После того, как мы позорно проиграли бой и отступили, для здравомыслящих людей стало ясно, что следует употребить все усилия, чтобы по возможности достойно покончить войну. Государь по свойственному ему оптимизму ожидает, что Рождественский² перевернет все карты войны. Ведь сам Серафим Саровский предсказал³, что мир будет заключен в Токио, значит только одни жида и интеллигенты могут думать противное. - Последнее прозвучало с явной насмешкой. - Между прочим, я предупреждал, советуя не доводить нашу эскадру до боя с японским флотом.

Нахмурившись, он помолчал, затем продолжил:

- После хотели вслед за эскадрой Рождественского послать наш скромный черноморский флот, совершенно оголив Черное море. Я высказался, что посылка этой эскадры ничем не поможет на Дальнем Востоке, совершенно обессилит нас в Черном море.

Алексей заметил:

- Если российский флот покинет Черное море, в него сразу же войдет флот нашего давнего соперника - Англии.

¹ Прим. автора: 19 февраля – 9 марта 1905 г. в Манчжурии разыгралось наиболее масштабное, продолжительное и кровопролитное сухопутное сражение русско-японской войны. Ни одна из сторон не одержала в этом бою решительную победу, но захват японцами Мукдена позволил заявить им о своей победе.

² Зиновий Петрович Рождественский (1848, Санкт-Петербург – 1909, Санкт-Петербург) - вице-адмирал, участник русско-японской войны. В апреле 1904 г. возглавил 2-ю Тихоокеанскую эскадру, отправленную на помощь российским соединениям на Дальнем Востоке и погибшую в Цусимском сражении.

³ Прим. автора: С. Ю. Витте в своих воспоминаниях упоминает предсказания Серафима Саровского (1754 (или 1759) - 1833) — иеромонаха Саровского монастыря, причисленного Российской церковью к лику преподобных по инициативе Николая II. Один из наиболее почитаемых русских святых.

Витте кивнул:

- К слову, наши политики пытались найти иной путь. Решался вопрос о покупке аргентинского флота. Флот, конечно, приобретен не был, но были затрачены и украдены многие миллионы.

Карета остановилась, и собеседники замолчали.

- Что ж, рад был с вами повидаться, - произнес Глебов. В последнее время он стал ловить себя на мысли, что общество семейства Витте ему приятно.

- Знаете, что, Алексей Петрович, а приходите-ка к нам сегодня вечером. Матильда Ивановна будет вам рада.

- Благодарю за приглашение, - Алексей хотел было отказаться, но неожиданно передумал: - Я обязательно приду.

* * *

Май 1905 г. Москва

После похищения Лиза проболела целый месяц. Полиция искала похитителя, но его и след простыл. В конце концов Лиза устала бояться: нельзя же вечно сидеть дома, трясясь от страха, что маньяк вернется, чтобы закончить свое дело! Однако за нее опасались Шмиты и старались ни на миг не оставлять одну. Им помогли оберегать Лизу их общие партийные друзья. Но время шло, а ничего не происходило.

За это время Катя вышла замуж за Андриканиса, и Лиза переехала жить в их дом – находиться в доме Николая Шмита стало неприличным. Постепенно жизнь вошла в свое русло. Как бы то не было, революция разрасталась, а Лиза не хотела ставить свои личные интересы выше общих.

В Москве с начала апреля велись сборы на вооружение, распространялись листовки, состоялись массовки. А несколько дней назад, 28-30 апреля, полиция арестовала активных деятелей РСДРП и партии эсеров, разбрасывавших листовки на улицах Москвы. Были арестованы некоторые члены Военной организации московского комитета эсдеков, проводившие агитационные беседы с солдатами Московского гарнизона.

Прошли первомайские митинги рабочих в Сокольниках, в Марьиной роще, в Петровско-Разумовском, в Останкинском лесу и других местах. Ораторы говорили о приближении решительного боя с самодержавием, о необходимости объединения пролетариата под красными знаменами революции, о политических требованиях.

«Долой самодержавие!», «Долой войну!» - раздавались повсеместно призывы революционно настроенных масс. Митингующие пели революционные песни. Общее настроение было взбудораженным, возбужденным. За порядком пыталась следить полиция и солдаты. На общем фоне возникали выходки хулиганов и пьяных – куда же без них! Полиция стала разгонять демонстрантов, начались аресты. Задержали примерно до двухсот пятидесяти человек.

На фабрике Шмита происходили перемены: как Николай и планировал ранее, он ввел новые правила на своем предприятии. Вместо одиннадцати с половиной часового рабочего времени ввел девятичасовой рабочий день с повышением заработной платы. Рабочим выплачивалось жалование и в случае болезни, а также старикам, проработавшим на фабрике по двадцать – тридцать лет с освобождением от работы. Не считая амбулатории, где вся медицинская помощь оплачивалась хозяином, при фабрике существовала библиотека, велось обучение. Николай требовал от администрации вежливого культурного обращения к рабочим на «вы».

Объявление о новом распорядке рабочие встретили шумно, с ликованием. Но на следующий день в пять часов вечера, когда на фабрике раздался гудок и прозвучали первые слова «Кончай работу, ребята!», никто не решился уйти, по-прежнему находясь у верстака.

Наблюдая за всем этим и недоумевая, Лиза попросила одного из работников позвать Николая Павловича. Обескураженный увиденным, Шмит принялся отправлять всех по домам. Он ушел с фабрики лишь после того, как выпроводил за ворота последнего рабочего...

Рабочие фабрики оценили действия Шмита. Девятого мая они устроили собрание в одной из мастерских. Увидев столпившихся работников, Лизе стало любопытно, и она вышла из амбулатории посмотреть, что происходит. Все ждали, тихонько перешептываясь. Лиза спросила Федора Григорьева – работягу, что происходит. Тот улыбнулся, ответил: «Сами все увидите», и дальше пояснять не стал. Шмит прибежал с тревогой на лице, на ходу застегивая студенческую тужурку.

- Что случилось? Несчастье?

Она поспешила его успокоить, что на фабрике ничего не произошло. Он прошел дальше, и Лиза последовала за ним.

К Шмиту решительно приблизились представители от рабочих: Федор Григорьев, Шлыгин и Егор Федотов. Егор, торжественно раскрыв кожаный переплет, на котором была бронзовая пластинка с выгравированным текстом, запинаясь и путаясь от волнения, стал читать:

- «Гуманному и сердечному хозяину Николаю Павловичу Шмиту. На добрую память от благодарных рабочих придворной мебельной фабрики П. А. Шмит. Москва, 9 мая 1905 года».

Федотов перевел дыхание и, подбадриваемый рабочими, кашлянув, продолжил:

- «Глубокоуважаемый Николай Павлович! В немногих словах позвольте нам, Вашим рабочим, высказать те благоприятные чувства, которые идут из глубины наших сердец, и признательность за все Ваши сердечные к нам, рабочим, отношения как введение 9-часового рабочего дня, так и в многих Ваших покровительственных деяниях, и да послужит Вам сей наш адрес постоянным и приятным воспоминанием, как сердечному хозяину, видящему в лице своих рабочих не только работников дела, но и как человека. - Егор Федотов сделал паузу, затем продолжил: - Мы же, Ваши рабочие, соединяясь воедино, обещаем Вам, что теперь с большей энергией и старанием отнесемся к обязанностям нашим для Вашего предприятия. Вашим покровительством и нашими общими силами процветать ему на многие, многие годы во славу и честь Вашей фирмы. Ваши благодарные и признательные рабочие Ваши».

Прочитав, он шагнул вперед и торжественно вручил послание рабочих Шмиту. Николай был смущен и тронут. Улыбаясь, он посмотрел на поздравительный адрес с подписями рабочих фабрики, повертел его в руках.

- Спасибо за теплые слова... Вы можете быть уверены, что я всегда пойду навстречу вашим нуждам и желаниям. – Он помолчал. – Спасибо.

Шмит пожал руки делегатам, рабочие стали расходиться.

- Поздравляю, вы заслужили доверие рабочих, - произнесла Лиза.

- А сколько я из-за этого пережил! – Николай улыбался.

- Что-то случилось?

- Местные фабриканты пригласили меня на общее собрание и устроили головомойку. Говорили, что я молод и неопытен, не знаком с производством, не сведущ в коммерческой стороне дела и прочее. Когда же я сказал, почему все это сделал, то есть принял новый распорядок, такое началось! То ли смеяться, то ли плакать. Они повскакивали с мест. Левинсон, самый крупный фабрикант, кричал, что я развращаю рабочих, что не делец, не понимаю, как создается капитал. Что так дела ведут лишь дураки, а умный коммерсант сразу видит, что выгодно, а что нет.

- Несложно все это представить! И что дальше?

- Я сказал им вполне спокойно, что если вам невыгодно, то можете свои предприятия закрыть, а я свои расширю.

Лиза засмеялась:

- Наверно, начался такой скандал!

- Не то слово! Ругательства посыпались градом. Я ушел с собрания под крики, угрозы доносом и вмешательством властей. Они называли мою фабрику «Чертовым гнездом».

Лиза вздохнула:

- Надеюсь, вы не столь беспечны, как пытаетесь казаться. Все, что мы делаем, опасно. Можно дать небольшой совет?

Николай кивнул:

- Конечно, Лиза, говорите.

- Вам нужно не показывать полиции своего единомыслия с рабочими. Вам необходимо сказать Карпу, хотя бы для вида предъявлять к вам требования и объявлять забастовки. Нельзя привлекать к фабрике пристального внимания. Вы ведь сами знаете почему. – Лиза намекала на нелегальную школу для политического воспитания рабочих, открытую при фабрике и боевую дружину, которая здесь же создавалась.

- Знаю. Я стараюсь быть осторожным. А как же вы, Лиза?

- Я?

- Я хочу оберегать вас, Лиза, – проникновенно произнес Шмит и взял за руку. - Я хочу, чтобы вы стали моей женой.

В Шмите стала проявляться уверенность в себе, чего Лиза раньше в нем не замечала. Она отняла руку и медленно, осторожно, чтобы не обидеть, сказала:

- Вы мне нравитесь, но я не готова говорить с вами об этом. Я замужем...

- Вы хотели сказать – пока замужем.

- Да. – Лиза замолчала. – Пока замужем. Но...

- Не убивайте во мне надежду, Лиза, - остановил он ее. Затем спрятал руки за спиной: – Давайте пока не будем говорить «об этом».

Лиза молча согласилась. Шмит почтительно кивнул и направился к себе в контору.

Лиза вздохнула. Сегодня вечером ее ждал поверенный, который занимался ее разводом. Поверенный отослал все необходимые бумаги Алексею, но сообщил, что по данному адресу никто не проживает, а чтобы начать бракоразводный процесс, необходимо получить согласие супруга.

* * *

Петербург

Глебов сидел напротив Витте в его кабинете и попивал из бокала скотч. Он был слегка рассеян: посыльный, которого он отправил с письмом к Лизе, вернулся, сообщил, что письмецо передал, однако ответа от нее так и не последовало. Алексей нахмурился. Лиза не могла не отреагировать на его послание – она должна была что-то предпринять, но никак не играть в молчанку.

Тем временем Витте внимательно за ним наблюдал.

- Алексей Петрович, вас что-то беспокоит? – поинтересовался он.

Глебов вздрогнул, вздохнул.

- Нет... Ничего. Сушие пустяки, - отмахнулся он от расспросов и перевел разговор на излюбленную тему Витте: - Вы уже слышали о Цусимском сражении¹?

¹ Прим. автора: Морское сражение во время русско-японской войны, состоявшееся 14—15(27—28) мая 1905 г. в Корейском проливе у островов Цусима. Японский флот разгромил 2-ю российскую Тихоокеанскую эскадру под командованием вице-адмирала З. П. Рожественского.

- Да. Вся наша эскадра была похоронена в японских водах! – Витте сокрушенно покачал головой. - Боле пяти тысяч моряков погибли и примерно столько же попали в плен. - Он помолчал. – Надеюсь, до трона дошло, что необходимо покончить войну миром. Вы видите, что творится в столице? Беспорядки! При том они усиливаются с каждым днем. Генерал-губернатор Трепов сделался негласным диктатором! Он грубой силой желает задавить революцию, не идя на какие-либо уступки. Но ведь это невозможно!

Глебов невольно рассмеялся:

- А Трепов-то чем вам не угодил? – Его удивляло нежелание Витте скрывать свои антипатии к неприятным ему лицам.

Витте сдержанно улыбнулся:

- Вы меня поймете, когда я вам расскажу. Впервые я услышал фамилию Трепов в 1896 году на похоронах Его величества императора Александра III. Вы знаете, как я его уважал. Так вот, когда траурная процессия поравнялась со строем солдат, некий ротмистр скомандовал: «Смирно! Голову направо! Смотри веселей!» Представьте мои чувства! «Смотри веселей!». Я спросил, кто этот идиот, и мне ответили, что это ротмистр Трепов.

- Я слышал, - вернулся к прежней теме Алексей, - среди возвращающихся в Россию военнопленных наблюдается брожение, вызванное распространением японцами революционных прокламаций и изданий.

- Да, японцы целенаправленно проводят противорусскую агитацию среди пленных поляков, евреев и финнов. Что чревато. Япония выдохлась в войне, однако использует сложную ситуацию, что сейчас в России. А Государь не видит опасности. Он уверен, что Япония с некоторыми усилиями будет разбита. Вы знаете, первое время обыкновенное выражение Государя в резолюциях было не японцы, а «эти макаки». Цивилизованнейший человек! После это название начали употреблять так называемые патриотические газеты.

Глебов улыбнулся. Все-таки Витте своими критичными замечаниями его веселил. Витте любил говорить, ему нужны были свободные уши, так что Алексей мог спокойно молча слушать, ответов Витте требовал редко. А тот тем временем продолжал:

- Мы к войне не были подготовлены, а Япония к ней подготовлена была. К тому же, театр военных действий находится почти под рукой Японии и в громадном расстоянии от Европейской России, центра всех наших, как военных, так и материальных сил.

- А кто в Японии посланник от России? Неужели в своих докладах императору он не обрисовывает сложившуюся ситуацию как таковую?

- Посланник от России - барон Розен¹. Человек он честный, рассудительный, но с немецким мышлением. Он советовал правительству войти в соглашение с Японией относительно Кореи. Но держится того мнения, что Манчжурия должна быть наша. Между тем, я уверен, Манчжурия не может быть нашей; было бы хорошо, если бы за нами осталась восточно-китайская дорога и Квантунский полуостров с Порт-Артуром. Ни Америка, ни Англия, ни Япония, ни все их союзники явные или тайные, ни Китай никогда не согласится нам дать Манчжурию. А потому держась убеждения что, так или иначе, а нужно захватить всю Манчжурию, устранить войну будет невозможно.

- Если так, то барон Розен не может быть удобным дипломатом для ведения переговоров с Японией.

- Совершенно верно! Однако не может быть удобным и Алексеев² - оный по натуре мелкий и нечестный торгаш, а не государственный дипломат.

- Как бы то ни было, необходимость мирных переговоров назрела. И в сложившейся ситуации - не в пользу России. Зная мнение Императора, а он ведь не желает идти на уступки, многие не рискнут взять на себя столь сложное обязательство. — Алексей перевел взгляд от бокала на Витте. - Скажите, а вы бы хотели быть тем самым человеком, который заключит мирный договор и окончит неудавшуюся «маленькую победоносную войну» Плеве?

Витте совершенно не смутился, ибо Алексей не ошибся в своих догадках, наклонился к нему и посмотрел в глаза:

- Как вы думаете, я могу это сделать?

- Конечно. Почему бы нет?

* * *

Катарина Хмельницкая вышла из лечебницы и рассеяно огляделась по сторонам. Ей нужна помощь. Ей и сыну. Но где же искать помощь? Это мысль не давала ей спать уже несколько недель — с того момента как она узнала, что больна. Чихотка. Она закашлялась и прикрылась платочком. На бывшем когда-то белом платке появились капельки крови. Катарина зажала его в руках и зашагала к дому, где снимала комнату для себя и сына. В течение недели за Пашкой должна была присматривать домохозяйка, не бесплатно, конечно.

Расстояние до дома было приличным, но Катарина не имела права тратить последние копейки, поэтому побрела пешком. Рядом проходили люди, проезжали экипажи, коляски, изредка автомобили, оставляя за собой пыль, и Катарина, задыхаясь, покрывалась потом.

¹ Роман Романович Розен (1847, Ревель - 1922, Нью-Йорк) - барон, русский дипломат, тайный советник, гофмейстер.

² Евгений Иванович Алексеев (1843 - 1917, Ялта) - русский военный и государственный деятель, адмирал (с 1903 г.). В качестве главного начальника Квантунской области способствовал развязыванию русско-японской войны. Наместник провинции Дальнего Востока России и командующий российских войск в Порт-Артуре и в Маньчжурии во время русско-японской войны.

И тут она увидела его. Глебов! Алексей сел в экипаж и приказал трогать. Катарина кинулась следом, закричала, но Глебов ее не услышал. Экипаж скрылся за поворотом. Из ее глаз хлынули слезы. Прошло три месяца, как она отправила ему письмо, прося прощения за предательство, которое совершила. Теперь он на свободе. Он обязательно поможет. Он не может не помочь.

Катарина все же решилась потратить деньги на экипаж, чтобы добраться до квартиры, где, как она знала, проживал Глебов со своей женой.

* * *

Привратник остановил Катарину на парадной лестнице, когда та намеревалась войти в дом:

- Мадам, вы к кому?

Катарина оглянулась. Ее бледное лицо и темные синяки под глазами выдавали, насколько она тяжело больна.

- Я? Мне нужны господа Глебовы.

- Господа Глебовы? Таки тут не проживают-с.

- Нет, я точно знаю. Они здесь живут. Квартира 8. – Она сделала шаг к входу, считая, что разговор окончен.

- А-а, это там, где был пожар!

Катарина оглянулась:

- Пожар?

- Да, пожар. Жильцы квартиры больше здесь не живут-с. Господам пришлось оплатить ремонт и съехать.

- Как же так? – Катарина закрыла лицо руками, затем вновь посмотрела на привратника и спросила: - Может быть, вы знаете, куда они съехали?

Тот пожал плечами:

- Нет, не знаю. Они-с не оставили адрес. Вот и почта приходит господам, копится...

Больше Катарина его не слушала. Последняя надежда растаяла как дым. Просто невозможно найти Глебова в столице. Катарина покачнулась.

- Что с вами? – Привратник поддержал ее за локоть. Отвел к скамье, помог сесть. - Вы больны-с?

Катарина прикрыла рот платком.

- Вам нужна помощь.

- Мне уже больше ничто не поможет, - ответила она.

Привратник смотрел на бледную красавицу с сочувствием.

- Подождите, - произнес он, - я дам вам один адрес. Там проживает сердобольный человек. Он лечит, очень больных лечит. Он вам поможет. Его зовут Григорий Ефимович Распутин¹...

¹ Григорий Ефимович Распутин (Новых) (1869, с. Покровское, Тобольская губерния -1916, Санкт-Петербург) – крестьянин, имел репутацию «старца», прозорливца и целителя. Приобрел известность благодаря близости к семье императора Николая II. По мнению некоторых современников, играл значительную роль в принятии кадровых и политических решений императора.

* * *

Глебов застал Витте в задумчивости.

- Здравствуйте, Сергей Юльевич, – произнес он.

Витте пожал руку, пригласил жестом присесть в кресло.

- Вас что-то тревожит? – поинтересовался Алексей.

- Я нахожусь перед трудным выбором, Алексей Петрович. Мы с вами так часто говорим о войне с Японией, что вы в курсе всего, что происходит.

- Судя по вашему виду, не совсем. - Глебов улыбнулся.

- Президент американской республики Теодор Рузвельт предложил свои услуги для того, чтобы привести Россию и Японию к примирению.

- Да, это новость.

- Это еще не все, - продолжил Витте, расхаживая по кабинету. - Когда явился вопрос о назначении главного уполномоченного для ведения мирных переговоров, то граф Ламсдорф¹ словесно указал Его Величеству на меня, как человека, который, по его мнению, мог бы иметь шансы привести это дело к благополучному концу.

- И что же Его Величество?

- У Его Величества в отношении меня «особые» чувства... Его Величество не ответил графу Ламсдорфу в утвердительном смысле, хотя и не сказал «нет». - Витте сел в кресло и осмотрительно добавил: - В конечном счете, достаточно знать крайне мягкий, деликатный характер Государя Императора, чтобы понять, что после всего происшедшего Его Величеству было не особенно удобно приблизить меня к себе, назначив главным уполномоченным по такому государственному делу, как ведение переговоров с Японией.

- Подождите, вы сказали «Его Величеству было неудобно»? Я правильно понимаю, что вас все же назначили уполномоченным?

- Думаю, что назначение вскоре последует, – улыбнувшись, ответил Витте. – Никто не желает рисковать карьерой, взявшись за столь сложное дело. Нелидов² отказался, ссылаясь на свои лета и здоровье. Извольский³, наш посланник в Дании, также отказался. Государь решил поручить эту миссию Муравьеву⁴...

- ...А Муравьев приезжал к вам на днях.

¹ Владимир Николаевич Ламсдорф (Ламздорф или Ламбсдорф) (1844 [1845], Санкт-Петербург - 1907, Сан-Ремо, Италия) – граф, русский дипломат, министр иностранных дел Российской империи в 1900 - 1906 гг.

² Александр Иванович Нелидов (1835, с. Дубровки, Смоленская губерния -1910, Париж) - русский дипломат, действительный тайный советник (с 1896 г.), посол в Италии (1897 – 1903) и во Франции (1907 по 1910).

³ Александр Петрович Извольский (1856, Москва - 1919, Париж) - русский государственный деятель, дипломат, министр иностранных дел России в 1906 -1910 гг.

⁴ Николай Валерианович Муравьев (1850, Кострома -1908, Рим) - русский государственный деятель, министр юстиции и генерал-прокурор Российской империи, посол Российской империи в Италии.

- Да. Он провел у меня целый вечер, говорил, что Государь поручил ему ехать в качестве уполномоченного в Америку вести мирные переговоры с японцами... А вот сегодня ко мне явился граф Ламсдорф в ленте, что дало мне основание думать, что он приехал от Государя. Я оказался прав, граф заявил мне, что приехал от Государя, дабы из частной беседы узнать, не соглашусь ли я взять на себя переговоры о мире с Японией.

- А что же Муравьев? Чем он объяснил свой отказ от возложенной на него миссии?

- По словам Ламсдорфа Николай Валерьянович вчера был у Государя и сказался совсем больным. Его Величеству действительно показалось, что Муравьев болен... Ламсдорф взывал к моему патриотизму, дабы я не отказался.

- Поздравляю, Сергей Юльевич. Вы ведь этого хотели.

- Хотел, не спорю. Но понимаю, что на меня возлагается самая неблагоприятная задача. Ибо, заключу я мир или нет, меня будут терзать: одни, уверяя, что, если бы мир не был заключен, то мы бы победили, а другие, в случае не заключения мира, что все последующие несчастья произошли от того, что я его не заключил.

- Не думаю, что вас волнует общественная молва. Для вас всегда особо важно достичь цели.

- Поэтому я ответил Ламсдорфу, что, не считая по моему положению возможным уклониться от этой миссии, я ее приму, но если Государь лично меня просит или прикажет.

Алексей промолчал. Витте играл с огнем, делая такое заявление – государь обиды не прощал, а Витте опять не преминул показать императору свое к нему пренебрежение.

В дверь постучали, затем на пороге возникла прислуга и сообщила Витте о приходе нарочного¹.

- Я оставляю вас ненадолго, – обратился Витте к Алексею и вышел. Оставшись один, Глебов неторопливо прошелся к окну, как раз вовремя, чтобы увидеть посыльного его Величества, вскакивающего на лошадь. Спустя некоторое время в кабинет вернулся Витте, держа в руке развернутый лист бумаги со сломленным отпечатком императорской печати.

- Я получил приглашение Его Величества завтра приехать к нему, – сообщил он.

- Что ж, дело пошло. Можете приказывать прислуге готовить чемоданы, – пошутил Глебов.

Витте улыбнулся:

- Ну уж нет, такое ответственное задание нужно поручать супруге. Лучше Матильды Ивановны никто меня в дорогу не соберет.

* * *

Москва

¹ Нарочный - гонец, посылаемый с каким-нибудь важным и спешным поручением.

Лиза находилась в тревожащем ее неведении. Ее поверенный выслал необходимые документы в контору господина Рериха, занимающегося делами ее мужа, однако время шло, а ничего не происходило. От Алексея не было известий.

В один из вечеров, когда Лиза с Катей вдвоем сидели в гостиной и ожидали прихода Андриканиса, Лиза сказала подруге:

- Мне нужно съездить в Петербург.

На лице Кати отразилось беспокойство:

- Тебя нельзя отпускать одну. Тот тип, что на тебя напал, на свободе. От полиции нет никакого толку. По-видимому, своей основной задачей они считают умирение интеллигенции, рабочих и студентов.

Лиза улыбнулась, но улыбка вышла вялой и неуверенной.

- Уже прошло почти два месяца, а этот... тип не объявился. Возможно, я была его случайной жертвой.

- Что ты говоришь! Случайной?! Да он следил за тобой несколько месяцев, а потом напал! Какая тут может быть случайность! Нет, одна ты не поедешь! Я попрошу мужа съездить с тобой.

- Но он же очень занят. У него сейчас очень важный процесс...

- Тогда тебе придется подождать! И не спорь. Развестись ты всегда успеешь.

Лиза промолчала. Вошла служанка и сообщила, что пришел Николай Павлович. Девушки переглянулись – сегодня Николая у себя они не ждали. Николай вошел подавленный, обескураженный – по-видимому, произошло что-то плохое.

- Что случилось, Николаша? – спросила встревожено Катя.

- Да, случилось... - он снял фуражку, скомкал ее в руке, посмотрел на Лизу, затем на Катю, - дядя, Савва Тимофеевич... умер.

Девушки ахнули.

- Как так? Не может быть!

Николай сел на стул, опустил голову:

- Сообщили, что самоубийство. Но я не верю. Не мог он такого сделать!

- Но как же... Ведь он поехал во Францию... в Канны отдыхать... Как так? – Катя села рядом с братом.

- Да не мог Савва Тимофеевич покончить с собой! Не мог! Не таков он человек... Дядя помогал денежными средствами социал-демократам. Помнишь, он говорил, что к нему приходили некто, предупреждали, чтобы он подобного не делал?

- Но кто?

Лиза предположила:

- Полиция? Черносотенцы¹?

- Кто-то из них.

Все одновременно замолчали. На камине громко тикали часы.

- Тело выслали на родину. Прибудет 28 мая...

- Нужно все подготовить. Очень многие его любили и захотят с ним проститься.

¹ Черносотенцы - члены крайне правых организаций в России в начале XX века, выступавших под лозунгами монархизма, великодержавного шовинизма и антисемитизма.

Лиза вздохнула. Алексей тоже захочет с ним проститься. А значит, приедет в Москву на похороны. Если конечно, его судьба опять не занесла в какие-нибудь дали...

* * *

Петербург

К Глебову прибыл посыльный от Витте - Сергей Юльевич приглашал отобедать в его доме. Ничего необычного - Алексей был его частым гостем, однако удивляла некая поспешность.

Через два часа он был уже у Витте. Тот встретил его с дружеской улыбкой, однако заводить серьезные разговоры не торопился. Обед прошел в привычной для семейства теплой обстановке.

После обеда Витте, по обыкновению, пригласил Глебова в свой кабинет. Разлив виски по бокалам, он протянул один из них Алексею и произнес:

- У меня есть к вам предложение, Алексей Петрович.

- Да? И какое?

- Мне предстоит путешествие по делу государственной важности.

Алексей вскинул бровь и усмехнулся.

- Вы приняли предложение Его Величества?

Витте кивнул:

- Да, принял. И хочу, чтобы вы поехали со мной.

- Я? – Глебов удивился. - Позвольте спросить, зачем я вам нужен?

Витте сел на диван и неторопливо, обстоятельно пояснил:

- Вы один из тех редких людей, которым я доверяю. Только не смейтесь, я говорю серьезно. Никто из нас не безгрешен. Познакомившись с вами, я понял, насколько вы способны и умны. Господин Кони считает, что в свое время вы подавали надежды, как самый лучший студент-юрист, ему встречавшийся. Он пророчил вам блестящую карьеру. Надеялся, что при старании вы станете дипломатом.

Глебов пожал плечами:

- Как видите, подобного не произошло.

- Что не отменяет ваших талантов, Алексей Петрович. Мне хотелось бы, чтобы рядом со мной в Америке находился толковый человек, друг, способный помочь в сложном деле. И скажите, положив руку на сердце, разве вам не интересно поучаствовать в этом деле? Да к тому же побывать в столь отличных от России американских Штатах?

Глебов усмехнулся:

- Вы играете со мной, господин Витте!

- В никакой мере.

Некоторое время помолчали, неторопливо отпивая из своих бокалов. Глебов взглянул на Витте. Все же что-то кроется за его поступками, но что?

- Почему именно Америка? – поинтересовался Алексей, не торопясь с ответом на предложение Витте. – Ведь было бы удобнее съехаться для переговоров где-нибудь недалеко от театра военных действий.

- Согласен с вами, но выбор таков – или Америка, или Европа. А при таком выборе - удобнее в Америке, чтобы по возможности отстраниться от интриг европейских государств.

Алексей понимающе кивнул.

- Государь выдвинул условия по заключению договора? – спросил он.

- Его Величество желает, чтобы переговоры пришли к мирному решению, но не допускает ни копейки контрибуции, ни уступки даже пяди земли. Великий князь Николай Николаевич¹ как председатель Совета государственной обороны пояснит мне нынешнее положение нашей армии на Дальнем Востоке. – Витте помолчал. - Со мной поедут все те лица, которые были назначены для Муравьева. Я считаю ненужным кого-либо менять, так как сомневаюсь, что на чье-либо мнение буду опираться... За исключением вас.

- Вы принуждаете меня принять поспешное решение? – Взгляд Алексея стал суровым.

- Алексей Петрович, у вас есть выбор. Вы можете согласиться, можете отказаться. Но мне бы очень хотелось видеть вас в делегации.

Глебов помолчал:

- Я хотел бы обдумать ваше предложение.

- Что ж, я буду ждать вашего ответа.

Алексей поднялся и, распрощавшись, ушел.

После его ухода Витте взял трубку телефона, назвал телефонистке номер. Вскоре на другой стороне провода ответили.

- Есть срочное дело...

* * *

Прибыв домой, Алексей нашел на подносе для писем телеграмму от Станиславского. Тот сообщал пренеприятнейшие новости – в Каннах во Франции покончил жизнь самоубийством Савва Тимофеевич Морозов. 28 мая прибывало на вокзал его тело.

Алексей, недолго думая, стал собирать чемодан. Затем написал пару строчек для Витте о том, что ему нужно срочно уехать по делам в Москву, и попросил прислугу отправить письмо с посыльным. А также распорядился поймать коляску, чтобы уехать на вокзал.

Подхватив чемодан, Алексей вышел из квартиры. На улице уже ждал извозчик.

* * *

Москва

¹ Николай Николаевич Романов (младший) (1856, Санкт-Петербург -1929, Антиб, Франция) - великий князь, генерал-адъютант, генерал от кавалерии. Участник русско-турецкой войны 1877-1878 гг., в 1905-1914 гг. - командующий войсками гвардии и Петербургского военного округа, одновременно (в 1905-1908 гг.) - председатель Совета государственной обороны.

Прибыв в Москву, Глебов снял номер в гостинице, затем навестил Станиславского. Тот был опечален, сообщил, что завтра утром прибывает тело Саввы Тимофеевича. На вокзале будут многие, кто его любил и уважал.

На следующий день на вокзале полиции было больше, чем всегда - нужно было охранять порядок, так как собрался многочисленный люд, ожидающий прибытия поезда с телом Саввы Тимофеевича. Толпа была разношерстной: многочисленные родственники Морозова, актеры Художественного театра, рабочие и их семьи с орехо-зуевских предприятий, принадлежащих ранее Савве Тимофеевичу... Были здесь и Шмиты. А вместе с ними Лиза. Сердце Алексея замерло и защемило. Он так давно ее не видел! Лиза...

Лиза повернулась, увидела его, на мгновение растерялась, затем, высоко подняв подбородок, отвернулась. Глебов упрямо сдвинул брови и решительно направился к жене, но не успел сделать и пары шагов, как его остановил подошедший поздороваться Станиславский. Алексей взглянул на Лизу. Однако она так и не смотрела в его сторону. Через минуту сообщили о прибытии поезда, на котором был гроб с телом Морозова.

Поезд гудел, свистел, подходя к перрону, затем остановился, выпустил пары. Несколько рабочих забрались внутрь указанного им вагона и осторожно вынести цинковый гроб. Женщины заплакали. Сняв головные уборы, склонили головы мужчины. Рабочие подняли гроб, поставили себе на плечи, затем неторопливо понесли с вокзала, следом двинулась траурная процессия...

В этот день Алексею так и не удалось поговорить с женой. Скорей всего, она ушла, как только гроб погрузили на катафалк.

...На следующий день на Рогожском кладбище состоялись похороны. По столь печальному событию собралось еще больше народу, чем в день прибытия тела на вокзал. Среди присутствующих нельзя было не заметить пришедших проводить в последний путь Морозова именитых служителей искусства: Чехова, Шаляпина, Врубеля, Серова, Левитана, Рахманинова...

После похорон, когда Глебов, осматриваясь, пытался найти жену среди присутствующих, к нему подошел маленький пухлый лысеющий мужчина. Представился - его имя Алексей и не запомнил - затем сказал, что является поверенным его супруги Елизаветы Николаевны. Только тогда Глебов взглянул на него. Поверенный заговорил о необходимости встретиться завтра по важному делу.

- Я не собираюсь ждать до завтра, - раздраженно ответил Алексей. - Я жду вас к трем часам сегодня. Гостиница «Дрезден».

Поверенный не стал с ним спорить и быстро удалился.

* * *

Лиза хочет развода! Алексей шагал из угла в угол в гостиничном номере как разъяренный лев в клетке. И было от чего: в назначенное время к нему явился поверенный его жены и заговорил о ее намерении расторгнуть брак, при этом предлагая ему подписать документы. Алексей испытал такое потрясение, что готов был вышвырнуть дурного вестника за порог. Бросив документы на край стола, он холодно заявил злосчастному поверенному, что желает переговорить со своей супругой и что он ждет ее сегодня вечером в шесть у себя. Тон был столь категоричным, что поверенный, несколько раз беззвучно открыв рот, наконец, его закрыл, сгреб бумаги и, откланявшись, удалился.

Хотя и прошло несколько часов с его ухода, Глебов до сих пор не мог смириться с услышанным. Развод – немыслимо! Как ей в голову вообще могло такое прийти?! Значит, Лиза хочет развестись и выйти замуж за этого малахольного владельца фабрики! Как бы ни так! Что ж, дорогая женушка, не все так просто!

Стрелки часов подходили к пяти сорока пяти, когда раздался стук в дверь. Алексей резким движением распахнул ее, но на пороге была не Лиза – довольно привлекательная служанка, улыбаясь, держала на руках поднос.

- Ваш ужин, сударь.

Алексей, раздраженно передернув плечами, пропустил ее в комнату. Кокетливо поглядывая на него, девица неторопливо расставила на столе столовые приборы, затем грациозно покачивая бедрами, направилась к двери. Она была довольно симпатичной. Глебов был вынужден это признать.

Открыв дверь, девица обернулась и посмотрела сквозь полуопущенные ресницы на Алексея, затем очаровательно улыбнулась.

В этот момент на пороге появилась Лиза. Глебов вздрогнул. Супруга презрительно взглянула на него, проводила прислугу пренебрежительным взглядом, вошла и закрыла дверь. В ее глазах было столько холода и неприязни, что Алексей, первоначально забывший о причине ее прихода, сразу все вспомнил и озлобленно взглянул на жену.

Он жестом предложил ей сесть. Она не стала это делать, а осмотрелась, затем повернулась к нему и решительно произнесла:

- Я хочу развод.

Глаза Алексея сузились, скулы плотно сжались, и Лизе вдруг стало страшно от мысли, что муж сейчас задушит ее в припадке гнева. Таким, наверно, был Отелло, когда душил Дездемону¹. Но Глебов отвернулся и прошел к столу.

- Ты пришла рано. Раньше назначенного времени. Я еще не поужинал, – сказал он тоном, не допускающим возражений. Усевшись на стул, он демонстративно взял салфетку. Игнорируя гневный взгляд Лизы, принялся за еду.

Поджав губы, Лиза взглянула на настенные часы - стрелки показывали без десяти шесть, - затем с достоинством опустилась на предложенный ранее стул.

Он трапезничал, она смотрела на него и ждала. Когда стрелки часов показали шесть, из них выглянула кукушка и принялась раздражающе противно куковать.

¹ Прим. автора: Герои трагедии У. Шекспира «Отелло».

Алексей пригубил бокал вина, поставил его на стол, неторопливо взял салфетку, вытер рот, затем по-барски бросил ее на край стола. Потянул шнурок, вызывая прислугу.

- Время вышло, – предъявила Лиза, когда кукушка скрылась в теремке часов.

Он поднял палец вверх, призывая подождать.

- Ты умышленно тянешь время? Что тебе...

В этот момент в дверь постучали, и Лиза замолчала.

- Войдите.

Вошла прислуга – та же самая кокетливая девица, и улыбнулась господину.

- Что желаете?

- Унесите. – Он кивнул на стол.

Девица вплыла в комнату, собрала посуду на поднос и, покачивая бедрами, направилась к выходу. Лизу она раздражала. И с каждой мгновением все больше!

- Да, и еще, – Глебов остановил прислугу. Нарочно. Девица с улыбкой оглянулась, он кивнул на настенные часы. – И их тоже заберите. Они меня нервируют.

- Как это ужасно! – посочувствовала она, вынесла поднос в коридор и вернулась за часами. Сняв их со стены, направилась к выходу и, прежде чем закрыть за собой дверь, кокетливо улыбнулась Алексею.

Когда дверь закрылась, Глебов посмотрел на супругу.

- Прости, дорогая, но кукушка просто выводит меня из себя.

«А ты выводил меня», – прочитал он в ее взгляде.

Лиза протянула Алексею бумаги:

- Так не может больше продолжаться. Подпиши согласие на развод.

Глебов откинулся на спинку стула. Сцепил пальцы в замок.

- Ты ведь понимаешь, что разводы не приветствуются ни обществом, ни церковью. На сто браков приходится один развод, и такова возможность, что нас разведут.

- Ты подпишешь?

- Зачем?

- Развод нужен нам обоим.

- Правда? И зачем же он мне нужен? – не удержался Алексей от сарказма.

Лиза судорожно вздохнула, набираясь смелости.

- В любом случае я не вернусь к тебе. А после развода ты сможешь вновь жениться. Заведешь себе полноценную семью: любящую жену, детей... и еще любовниц.

Алексей все же не выдержал – вскочил с места, подошел к окну, уставился в него, повернувшись к жене спиной. По тому, как были напряжены его плечи, Лиза поняла, насколько он не приемлет ее слова.

- Во-первых, – произнес он сухо, – я хотел создать семью с тобой. Во-вторых, мне развод не нужен.

- Мне нужен, – настойчиво ответила она.

Алексей молчал некоторое время. Наконец спросил:

- Ты так сильно его любишь?

- Кого? – Она не поняла, о ком он говорит.

Глебов оглянулся, посмотрел на супругу и усмехнулся.

- Я непонятно выразился?

Лиза смутилась, пойманная на слове.

Алексей расслабился, вальяжно прошелся по комнате, встал напротив жены. Смотрел на нее долго и пристально сквозь полуопущенные ресницы. Лиза отвернулась.

- Знаешь, я готов подписать эту чертову бумагу, но с одним условием, - сказал он наконец.

- С каким? – голос Лизы прозвучал глухо. В горле пересохло.

Он наклонился к ней. На губах заиграла улыбка искуителя, а в глазах заплясали огоньки.

- Проведи со мной эту ночь...

Лиза вспыхнула, вскочила на ноги. Он поймал ее за руку, резко притянул к себе и сжал в объятиях. Она попыталась оттолкнуть мужа, но безуспешно...

- Ты сводишь меня с ума... – Алексей поцеловал ее. От гнева и бессилия Лиза застонала. Еще раз попыталась его оттолкнуть. Напрасно... Он нежно целовал ее и сжимал в объятиях. Невольно наслаждаясь, она ослабла в его руках... Вся задрожала, когда его руки, лаская, заскользили по ее спине.

- Ты все еще хочешь уйти? – спросил он проникновенно, коснувшись губами ее ушка. Сердце его отбивало бешеный такт, и Лиза слышала это. Ее собственное сердце вторило ему...

Лиза опомнилась, испуганно оттолкнула мужа, отступила и стремительно выбежала из номера.

Оставшись один, Алексей тяжело вздохнул, запустив пятерню в волосы. Затем крепко выругался. Подошел к столу, плеснул из графина в бокал вина - руки предательски дрогнули, и часть жидкости расплескалась по поверхности стола. Пить не стал, прошел к окну и, оперевшись рукой о раму, уставился на улицу.

Из мрачной задумчивости его вывел звук открывающейся двери. Решив, что вернулась прислуга, Алексей нехотя оглянулся и... увидел Лизу. Напуганная чем-то, она быстро закрыла дверь и прижалась к ней спиной. Алексей сам не заметил, как оказался рядом.

- Что случилось, Лиз? – заволновался он.

-Эт-от тип, - от страха она стала заикаться.

Алексей взял ее за плечи:

- Успокойся.

Лиза подняла голову и посмотрела на него большими от ужаса глазами. Она готова была разрыдаться.

- Я боюсь его...

- Кого боишься?

- Этого подонка. В прошлый раз... он на меня напал! И вот сейчас опять вернулся!

Лиза закрыла лицо руками. Зарыдала. Глебов стиснул зубы:

- Где он?

- На улице... Стоял у входа.

- Как выглядит?

- Такой щербатый... худой, жилистый... Не знаю. Гадкий, отвратительный!

Алексей открыл дверь:

- Оставайся здесь. Закройся.

Лиза, судорожно глотая слезы, кивнула, он вышел, дождался, когда она закроется, и затем быстрыми шагами направился по коридору вниз. Выйдя на улицу, осмотрелся, но, не обнаружив никого с подобными приметами, вернулся к номеру. Постучал в дверь:

- Лиза, это я.

Она открыла. В глазах ее стоял немой вопрос.

- Нет там никого.

- Куда же он делся?!

Алексей прошел внутрь, закрыл дверь. Затем усадил расстроенную жену на стул, присел на корточки рядом. Взял за руки.

- Расскажи мне все по порядку. Хорошо?

Лиза кивнула. Стала рассказывать о типе, который следил за ней, а затем похитил и хотел изнасиловать.

Алексей задавал наводящие вопросы, слушал внимательно, и в его глазах по мере рассказа жены разгорался недобрый огонь.

- Где он тебя держал? – спросил он.

- За фабрикой. На окраине рабочего поселка. Там есть ветхий домик у реки. Он стоит поодаль от других домов. На доме флюгер в виде кошки.

Алексей вздрогнул. Вспомнился фрагмент тревожного сна. Флюгер скрипит, поворачиваясь на ветру, солнечный луч просвечивает через дыру вместо глаза. Он отвел взгляд от Лизы, поднялся.

- Оставайся здесь, - сказал он. – Дождись моего возвращения. Поняла?

Лиза растерянно заморгала. Встала:

- Я...

- Никому не открывай, кроме меня. Ясно?

Она кивнула. Все же хорошо, когда можно на кого-то положиться и не пытаться всегда быть сильной.

Алексей ободряюще ей улыбнулся.

- Все будет хорошо. Обещаю, - сказал он и направился к выходу. Лиза последовала за ним до двери.

- Будь осторожен, - попросила она. Он посмотрел на нее, хотел что-то сказать, но передумал. Выйдя, он дождался, когда Лиза закроется на замок, и только потом зашагал по коридору...

* * *

Алексей все-таки нашел этот заброшенный домик. Флюгер в виде кошки скрипел, поворачиваясь из стороны в сторону. Он открыл столь же скрипучую калитку и пошел к дому. Из-под перевернутой дырявой лодки вылезла худая ободранная псина и посмотрела на него. Алексею от ее взгляда стала дурно – он видел эту собаку - во сне... Глебов отвернулся и зашагал к дому.

Внутри, как и следовало ожидать, никого не оказалось. Пыльно, грязно, сыро. На спинках кровати по-прежнему болтались веревки, которыми маньяк привязывал Лизу. Глебов злобно стиснул зубы. Отвернулся. Прошелся по дому, осматриваясь, и пытаясь найти хоть что-то, что может подсказать, где нужно искать маньяка. Во дворе залаяла собака. Алексей выглянул наружу, но сквозь пыльное окно ничего не возможно было разглядеть. Он прошел к двери, взялся за ручку. Открыл. Собака стояла возле крыльца и лаяла в его сторону. Но не на него! Он успел отклониться - нож скользнул по груди, распарывая тонкую ткань воротничка рубашки. Щербатый кинулся на него из укрытия, вновь взмахнул ножом. Алексей опять отступил. Маньяк сделал выпад, Глебов уклонился, одновременно ухватился руками за его кисть – резко вывернул. Кисть хрустнула, Щербатый взвыл от боли. Нож звякнул, упав на пол.

Маньяк толкнул Глебова и бросился бежать. Алексей кинулся за ним – дверь захлопнулась перед его носом. Он распахнул ее, ринулся за перескакивающим палисадник Щербатым. Побежав наперерез, выскочил на дорогу, однако не успел. Понесся за ним по улице. Еще немного и цель была бы достигнута. Рывок – Щербатый сиганул через забор, Алексей кинулся за ним, забор предупреждающе скрипнул, затем раздался треск, и вся конструкция вместе с Глебовым опрокинулась на землю.

* * *

В дверь постучали. Лиза соскочила с кресла и подошла к ней. Вновь раздался стук.

- Лиза, это я, - узнала она голос мужа. Быстро повернула ключ, распахнула дверь. На пороге стоял Глебов в пыльной, запачканной грязью одежде. Он вошел в номер, запер дверь.

- Что случилось?

- Познакомился с этим гадом. – Глебов заходил по комнате из угла в угол.

- Он...

- Он сбежал. Я сломал ему руку.

- Что же делать? Он не оставит меня в покое!

- Нужно подумать. – Алексей остановился посреди комнаты. Его взгляд упал на свое отражение в зеркале.

- Черт, - он потер ладонью щеку, на которой осталась грязь. А еще нужно было переодеться.

Глебов прошел в соседнюю комнату – Лиза последовала за ним. На ходу он скинул пиджак, открыл шкаф, достал чистую одежду, швырнул ее на спинку кресла.

Лиза ждала, что он скажет. Но что сказать? Он рывками расстегнул разрезанную сорочку, скинул ее с себя. Потянулся за чистой.

Лиза очень быстро оказалась рядом.

- Что это? – Голос ее дрожал. Она коснулась пальцами его покрытой шрамами спины. От ее прикосновения Алексей вздрогнул и застыл на месте, забыв о рубашке.

- Что это? – очень тихо переспросила она.

- Да так...

Лиза провела рукой по его спине. Хотелось плакать. Что же произошло с ним за последние месяцы? Где он был? Что делал?!

Она отдернула руку, испугавшись тех чувств, которые нахлынули на нее. Алексей медленно повернулся. Он стоял очень близко. Совсем рядом. Лиза чувствовала его дыхание на своем лбу, а ее глаза смотрели на еще один новый шрам на его теле – пулевое ранение – несомненно. Она подняла на него полные слез глаза и увидела, что он смотрит на нее смутенно, потерянно.

- Лиза...

Она обняла его, поцеловала шрам, провела ладонями по спине. Глебов обнял ее, потянулся к ее губам. Она ответила на поцелуй нежно, затем страстно. Он целовал ее, ласкал ее тело. Он так скучал по ней! Ужасно скучал! Лиза крепко прижималась к нему, гладила по обнаженным торсу, спине, плечам... Он стал освобождать ее от одежды: жакет, блуза, юбка – все оказалось на полу под их ногами. Лиза осталась лишь в белье – лямка сорочки скатилась вниз, оголяя волнительные округлости груди. Он погладил их руками, коснулся горячими губами сквозь тонкую ткань. Лиза с тихим стоном наслаждения вздохнула, запустила пальцы в его волосы, погладила шею.

- Лиза... - Он подхватил ее на руки, отнес в кровать, положил на покрывало. Склонился над ней, смотря жадно в глаза. Лиза потянулась к поясу его брюк, растегнула. Он разделся быстро и вернулся к ней. Снял с нее последнюю одежду.

- Лиза... - Их губы слились в сладостном поцелуе. – Лиза...

* * *

Казалось, весь мир исчез, перевернулся. Вся ночь, чудная волшебная ночь. Им было не до сна. Как хорошо, волшебное и чудесно! Лиза потянулась в кровати, открыла глаза.

Алексей уже был на ногах - принес завтрак, поставил поднос на кровать, склонился к ней и поцеловал в губы.

- Отдохнула?

Он ухмылялся своей улыбкой сатира.

- Как никогда!

- Продолжим?

Лиза вспыхнула – на лице заиграл румянец. Она кокетливо улыбнулась:

- Сейчас?

- Почему бы и нет?

Но у желудка были свои желанья – он предательски заурчал. Лиза смущенно рассмеялась.

Алексей наигранно сокрушено вздохнул:

- Понятно.

Он поставил поднос ей на колени.

Лиза стала кушать: бутерброды, горячий вкусный чай с молоком, рядом Алексей - больше для счастья ничего не надо.

- После завтрака, родная, мы заедем и заберем твои вещи, - сообщил Глебов, отходя к окну.

- Зачем? – Бутерброд повис в руке, так и не оказавшись у рта.

- Ты едешь в Петербург со мной. – Голос Алексея был категоричен.

Лиза положила бутерброд на тарелку. Аппетит исчез. Она ведь обо всем забыла в одно мгновение, как только оказалась в плену его сильных рук! Как она могла? Лиза закрыла глаза, тяжело вздохнула:

- Я не поеду.

- Поедешь. Так лучше для тебя.

Лиза промолчала. Убрала поднос, соскользнула с кровати и стала одеваться.

- Ты будешь под моим присмотром. Я защищу тебя. Я обещаю.

- Алексей, я не поеду. – Голос ее звучал глухо, но твердо.

Он обернулся:

- Лиза, ты поедешь!

Она вспыхнула от его приказного тона, решительно вышла из спальни.

- Лиза! – Глебов последовал за ней.

Она взяла со стола документы:

- Вчера я тебя просила подписать бумаги. Ты должен подписать!

- С какой стати?!

Лиза судорожно вздохнула:

- Ты опять?! Мы ходим по кругу! Ты делаешь мне больно! Ты должен подписать!

- Нет!

Лиза была на грани истерики. Он не понимает, как ей плохо! Лиза закрыла глаза и закричала:

- Самонадеянный дурак! Я тебя ненавижу!

- Ты спишь с ним, да? – Глебов тоже дошел до гневного злого крика. – Спишь?!

- Замолчи! Я тебя ненавижу!

- Я тебя тоже! – Он вырвал из ее рук бумаги, прошел к столу, схватил перо. На секунду остановился, затем быстро макнул в чернила и расписался на листах. Выпрямился, расправил плечи. Несмотря на нее, прошел к двери и вышел, хлопнув ею.

Лиза разрыдалась. Утерев слезы ладошкой, она собрала волосы в узел, поправила одежду. Затем взяла бумаги и вышла из номера.

* * *

Алексей ходил по коридору назад-вперед. Лиза тихонько выскользнула на лестницу и вышла из гостиницы.

Глебов не знал, что ему делать. Ну почему она не хочет его понять?! Она нужна ему, он ее любит... Алексей выругался, взмахнув рукой. Какого черта он влюбился? Так привязался к бабе, что сносит голову! Дурак!!! Да он ее не отпустит, пусть не мечтает!

Глебов вернулся в номер и быстро понял, что Лиза уже ушла. Он в сердцах ударил кулаком о дверь и кинулся вдогонку.

* * *

Лиза шла по улице и не замечала, что по ее щекам бегут слезы, а прохожие с удивлением и неодобрением смотрят на нее. Ей было все равно. Она их не замечала. Ей было плохо. Все. Конец. Она его отпускает... Она ведь даже не может родить ему детей...

Кто-то резко ударил ее в спину и затащил в проулок. Лиза закричала, увидев лицо Щербатого. Он ударил ее по лицу, прижал к стене.

- Что, сука, получила?! Заткнись, иначе сразу прирежу. – Щербатый вынул нож. Приставил к ее горлу. Лиза замерла. Маньяк ослабился, развернул ножик и опустил острие между ее грудей. Стал медленно резать лиф блузки.

Он практически не держал ее, и это было странно. И Лиза вспомнила. Алексей сказал «Я сломал ему руку». Она отчаянно схватила маньяка за больную кисть и, что был сил, сдавила. Щербатый заорал, замахнулся ножом. «Все!» - Лиза закрыла глаза...

Удара не последовало. В следующий миг, она увидела рядом Алексея, избивающего маньяка. Он его бил так стремительно и сильно, что тот не успевал сопротивляться. Лиза покачнулась и стала сползать по стенке. Глебов оглянулся, Щербатый вырвался и бросился бежать. Глебов ринулся за ним. Щербатый выскочил из проулка, на ходу оглядываясь, далеко ли Алексей, и не заметил мчащуюся упряжку лошадей. Он закричал, когда лошади сбили его, и еще раз крикнул, когда копыто одной из них ударило ему в лицо и раскололо череп.

* * *

Лиза, стягивая рукой разрезанный лиф, вышла из проулка и столкнулась с Алексеем. Он закрывал собой то, что происходило за его спиной. Там что-то случилось, и собирались люди.

Он взял ее за локоть, повел назад, по пути подобрал принадлежащий ей ридикюль, в котором торчали свернутые документы. Они вышли на соседнюю улицу, Алексей поймал коляску, посадил Лизу и сел рядом.

- Адрес.

Лиза назвала. Коляска тронулась вперед. Они молчали. Подъехали к дому Кати.

Лиза посмотрела на Алексея, он даже не повернулся, так и смотря перед собой.

- Он...

- Он больше тебя не побеспокоит. Никогда. – Голос Алексея звучал жестко. Лиза подняла руку, неосознанно желая коснуться мужа, но передумала, сжала пальцы в кулак и опустила руку на колени.

- Ты должна сделать выбор, Лиза. Сейчас. Раз и навсегда. – Его голос звучал напряженно и категорично. Алексей ждал.

По щеке Лизы стекла одинокая слеза.

- Прости. – Она спрыгнула с коляски и отошла на тротуар. Алексей даже не посмотрел на нее.

- Лиза! – из дома выскочила Катя, за ней следом Шмит и Андриканис. Алексей посмотрел на них, затем холодно на Лизу и приказал извозчику:

- Трогай.

Коляска рванулась с места и покатила по каменной мостовой.

* * *

Прошло несколько дней, как Алексей уехал. Лиза тосковала, и это видела не только Катя, но и Шмит. Отношение Николая к Лизе, после того, как она провела ночь с мужем, изменилось. Возможно, он по-прежнему ее любил, но мириться с тем, что Лиза может вернуться к своему супругу, он не хотел.

- Лиза, когда у тебя встреча с поверенным? – спросила как-то Катя.

Она вздохнула:

- Я к нему схожу. Алексей... Он подписал бумаги.

- Может быть, тебе не стоит разводиться?

Лиза посмотрела на подругу.

А Катя неуверенно продолжала:

- Твой Алексей не так уж плох. Он показал себя как настоящий мужчина. И если ты его любишь...

- Ты ведь знаешь, почему я развожусь!

- Лиза, это не причина! Расскажи ему...

- Я не могу. – Лиза отвернулась. – Мне не нужна его жалость. Давай не будем говорить об этом.

Катя тоже горестно вздохнула:

- Но, все-таки, ты подумай.

Прошло три дня и Лиза, наконец, решила приехать к поверенному. Она передала ему документы и подошла к окну. Вот и все.

Поверенный снял пенсне и положил документы на стол.

- Мадам, вы уверены, что развод вам нужен?

- Почему вы опять спрашиваете об этом? – с грустью произнесла она.

- Потому что развести вас практически невозможно.

- Но вы говорили, что если муж подпишет согласие на развод, то вы найдете возможность это сделать.

- Да, говорил.

- Так, что же? Он подписал.

Бровь поверенного пошла вверх.

- О! Вам стоит на этого взглянуть, мадам.

Лиза подошла к столу и взяла бумаги. Руки задрожали от охватившего ее волнения. На документе, там, где должна была стоять подпись мужа, было написано размашистым уверенным почерком: «Лиз, я тебя люблю».

Она закрыла глаза. Слезы покатились по ее лицу.

- С вами все в порядке?

Она кивнула. Мой муж - мошенник!

* * *

Июнь 1905 г. Подмосковье - Петербург

После расставания с женой, Алексею нестерпимо захотелось уехать как можно дальше. Дальше от неверной Лизы, от городского шума... и душевной боли.

Вернувшись в гостиницу, он собрал чемодан и уехал в Подмосковье. Снял меблированную комнату, и, как в ранешние беззаботные времена, каждый день ходил на реку удить. Когда надоедало рыбачить или же одолевали мысли о жене, нырял в июньскую холодную воду. Плыл против течения, а устав, ложился на спину и позволял течению себя нести... А затем греб к берегу, падал на мелкий прибрежный песок и смотрел в небо. Голубое чистое или пасмурное – все равно... Как глаза Лизы... И так день изо дня. Июнь шел к исходу, и Алексей решил вернуться в Питер: ждали неотложные дела.

Возвратившись в Петербург, Алексей не ожидал повстречать у себя дома, никого иного, как уполномоченного Департамента полиции.

- Малышев?

Тот улыбнулся:

- Удивлен?

- Не то слово. Мне казалось, что наши пути разошлись. Окончательно.

Малышев протянул ему руку, Глебов пожал, предложил Малышеву сесть в кресло, сам сел на диван напротив. Некоторое время они молча смотрели друг на друга.

- Догадываешься, почему я к тебе пришел?

- Понятия не имею, - солгал Глебов.

- В Москве более двух недель назад под экипаж попал наш бывший сотрудник, - начал Малышев, смотря ему в глаза. – Тот, что следил за твоей женой какое-то время.

Алексей невольно сжал кулаки, выдавая свое напряжение. Затем усмехнулся:

- Знаешь, мне нет до этого никакого дела.

Малышев не поверил:

- Полиция расследует дело. Есть свидетели, который могут тебя опознать. На тебя выйдут, начнутся дознания. Много всплывет... У тебя в запасе неделя. Тебе лучше на какое-то время уехать. И как можно дальше. За границу – лучший вариант.

Малышев поднялся, надел шляпу, кивнул на прощание и удалился, оставив Глебова размышлять.

* * *

- О, дорогой мой Алексей Петрович! – Витте дружески пожал руку Глебова, который к нему пришел. – Вы вернулись. Как ваша поездка в Москву?

- Увы, я ездил не по приятному делу. На похороны хорошего знакомого, - ответил Алексей.

- Сожалею. – Витте предложил Глебову присесть.

- А как продвигаются ваши дела?

- Ведем подготовку к поездке. Поездка обещает быть захватывающей. Не без приключений.

Глебов усмехнулся:

- Хотите меня завлечь?

- Я? Несомненно.

Алексей смотрел на носки своих ботинок и, мнимо рассеянно улыбаясь, молчал. Он не торопился с ответом, а Витте его не торопил.

- Мне нужно уладить массу дел... Когда отбывает делегация?

- Шестого июля.

- Хорошо. Я буду иметь это в виду. - Алексей посмотрел на Витте. Тот кивнул.

* * *

Москва

Лиза и Катя были у Николая на Новинском бульваре, когда пришел Шанцер¹. поприветствовав всех, Марат развернул газету.

- Это первый номер новой большевистской газеты «Пролетарий», - пояснил он. - В ней опубликованы извещение о третьем съезде РСДРП и его важнейшие резолюции! – Он поискал по тексту нужное место. - Вот, послушайте: «...принять самые энергичные меры к вооружению пролетариата, а также выработке плана вооруженного восстания и непосредственного руководства таковым, создавая для этого, по мере надобности особые группы из партийных работников».

- Вот это настоящее дело! – воскликнул Николай, вставая с места и запуская пятерню в волосы, затем прошелся по комнате. – Деньги на оружие у нас будут! А преданные люди давно имеются: как на нашей фабрике, так и на других фабриках и заводах. Мы проведем собрание на фабрике сегодня. Ты должен выступить, Виргилий.

К концу рабочего дня на фабрике в большом цеху собрались рабочие. Кто сидел на стульях, кто-то стоял, облокотившись на станки, иные присели на сложенные одна на другую доски. Лиза пришла вместе с Катей, Николай уже был здесь и

¹ Виргилий Леонович Шанцер (партийный псевдоним «Марат») (1867, Шабо, Бессарабская область – 1911, Москва) — революционер, большевик, руководитель МК большевиков в 1905 г.

беседовал с Маратом и Карасевым - руководителем большевистской организации фабрики.

Марат начал выступление. Пока он зачитывал резолюцию РСДРП о вооруженном восстании, в цехе стояла полнейшая тишина. Он закончил, посмотрел на рабочих, но все по-прежнему молчали, понимая, к чему приведет восстание с оружием в руках. Перед рабочими встал и заговорил Карасев. Он говорил долго и, по сути, без прикрас и бравады. Затем выступил Николаев и, обычно молчаливый на собраниях, Егоров¹.

Один из рабочих поднялся.

- Что же... Мы все понимаем. Без вооруженного восстания уже никак нельзя. Но нужен основательно продуманный план. Как, братцы?

Он повернулся к рабочим. Они одобрительно зашумели, некоторые закивали головой. Марат и Николай перекинулись взглядами, радуясь пониманию со стороны рабочих. Последующие несколько часов обсуждали, что нужно сделать, предпринять.

Когда рабочие разошлись, Лиза с Катей вместе с фабричными работницами размножили на печатном станке резолюцию третьего съезда.

Работу окончили далеко за полночь. Лиза устало опустилась на табурет.

- Устали? – участливо спросил Николай.

- Да, немного, - Лиза замучено посмотрела на него снизу вверх покрасневшими глазами.

Он протянул ей кружку чая.

- Спасибо.

Лиза отпила чай и задумчиво обхватила кружку ладонями.

Некоторое время Николай не решался заговорить.

- Я должен вам сказать, - начал он. – Я взял на себя смелость и дал распоряжение вашему поверенному.

- Что сделали...? – не поняла Лиза, но с подозрением уставилась на него.

- Ваш поверенный отправился искать Глебова, чтобы оформить ваш развод.

Лиза вскочила на ноги, как ошпаренная. Кружка выскользнула из ее рук и упала на пол.

- Как вы могли! Вы не имели право!

Шмит тоже поднялся.

- Я сделал это для вас. Вы не можете заниматься разводом самостоятельно. Это лишает вас сил и здоровья.

- Кто вас просил? Вы.. Вы...! – Лиза сжала кулачки. – Вы не имели право!

- Разве должно быть какое-то право для того, чтобы любить и оберегать небезразличного вам человека? Я хочу заботиться о вас, Лиза, оградить от неприятностей. Возможно, я поступил своевольно, но сделав это, я приблизил вас к той самой свободе, которую вы добиваетесь так долго. Но если вы считаете, что я поступил

¹ Прим. автора: Николаев Михаил Степанович и Егоров Матвей Егорович – революционеры, большевики, участники революции 1905 г.

неправильно, вам ничего не стоит отозвать своего поверенного и оставить все как есть.

Сказав это, Шмит развернулся и зашагал прочь. Лиза обессилено опустилась на табурет и закрыла лицо ладонями. Шмит принял за нее важное решение. Чем же тогда он лучше ее мужа? В ее жизни всегда было так - мужчины принимали за нее решения, не считаясь с тем, чего хочет она. Вначале отец и братья, затем Алексей, теперь вот Шмит.

- Боже, как я устала! – прошептала она отчаянно. – Как же я устала от них всех вместе взятых!

* * *

Июль 1905 г. Россия, Петербург – Франция, Шербург

Алексей решил поехать с Витте, таким образом, убив двух зайцев сразу: скрыться от неприятностей со стороны полиции и от поверенного Лизы, который обивал его порог. Но прежде нужно было повидаться со своим поверенным для обсуждения деловых вопросов, а также с сыщиком, разыскивающим для него Катари́ну.

Если с Рерихом не возникло никаких сложностей, то сыщик Алексея разочаровал: Катари́ну с сыном он не обнаружил, однако узнал, что госпожа Хмельницкая лежала в лечебнице, а затем забрала сына и уехала в неизвестном направлении. Глебов дал распоряжения сыщику продолжать поиск и стал собираться в путь.

Витте выехал из Петербурга в Париж 6 июля в сопровождении жены и прислуги. Семейство Витте должно было доставить своего внука Льва его родителям, Нарышкиным, ждавших их во французской столице. Ехать же Глебову в Париж было нельзя ввиду его последней туда поездки. Поэтому он предпочел отправиться в Шербург, откуда 12 июля должен был отплыть в Америку пароход с российской делегацией.

Гостиница, в которой поселился Глебов, являлась воплощением местного мещанского уюта, имела вид на пристань и сад с всевозможными цветами и кустами. Однако спокойному размеренному пребыванию Алексея нашлась помеха в лице надоедливой немца из соседнего номера. Швайгер совал везде свой нос и не давал прохода. Он сам подсаживался к Алексею за столик на мансарде, был поблизости на пристани, частенько встречался в саду и на улицах города. Гаркающая речь немца начинала раздражать.

Одиннадцатого, перед отъездом, в номер Глебова постучали. Открыв, он увидел Швайгера, который предложил ему вместе отобедать. Алексей вежливо отказался. Спустя час, придя на мансарду, он сел за один из столиков и заказал обед.

Швайгер сидел немного поодаль в компании азиата - господина с квадратным лицом. Говорили они весьма тихо. Незнакомец положил на край стола газету, немец поспешно ее забрал и спрятал во внутренний карман.

Глебов нахмурился. Швайгер еще та темная лошадка! Щурясь солнцу, Алексей надел очки с затемненными стеклами, приобретенные им на днях. Главная польза таких очков, по его мнению, была в том, что они скрывали глаза и не позволяли определить, куда же смотрит их хозяин.

Устроившись поудобней, будто он наслаждался солнцем, Глебов между тем попытался прочесть по губам, о чем говорили немец и его собеседник. Он давно не практиковался - чтение давалось с трудом, урывочными фразами и только то, что отвечал собеседнику Швайгер.

- Да, я уверен. Личный помощник Еттив... У нас нет времени... Нужно найти способ склонить его к сотрудничеству...

Гарсон принес заказ и закрыл для Алексея обзор. Глебов взглянул на него снизу вверх, вздохнул и снял очки. Когда официант ушел, господа, за которыми он наблюдал, разошлись.

* * *

Алексей собирал вещи в чемодан, когда в дверь громко постучали. Он нехотя открыл - на пороге оказался немец.

- Позвольте, господин Глебов, войти, - произнес он по-русски. - У меня к вам очень серьезный разговор.

- Господин Швайгер, я собираюсь в дорогу...

- Я не займу у вас много времени, господин Глебов.

Алексей нехотя его впустил:

- Что ж, входите.

Он вновь принялся складывать вещи в чемодан, показывая тем самым, что не намерен вести длительные беседы.

- Господин Глебов, вы человек риска?

Алексей удивленно вскинул бровь:

- Что за блажь, господин Швайгер?

- Вовсе нет. Не юлите. – Иностранец вел себя бесцеремонно. Присел на край стола, держа руки в карманах. – Деньги и риск – вот что вам интересно.

Глебов, стараясь снять внутреннее напряжение, рассмеялся:

- Вы хотите предложить мне посетить казино где-нибудь в Монте-Карло?

- Я хочу вам предложить намного больше.

- Ума не приложу – чтобы это могло бы быть! Деньги и риск? Хм, - Алексей снова повернулся к чемодану. Разговор с Швайгером становился опасным. Неужто угораздило вляпаться в шпионские дела?

- Вы ведь помощник господина Витте?

- Это не совсем так. Точнее, совсем не так. – Алексей дотянулся рукой до револьвера. Неужели придется стрелять? Убрал руку. Поправил вещи.

- У нас есть информация о вас, господин Глебов. Не нужно со мной играть. Я знаю, кто вы, чем занимались. Я знаю то, что Витте взял вас с собой для каких-то личных целей. Он ценит вас и даже доверяет. А мы готовы вам платить. За информацию. И двойную игру.

Алексей повернулся к нему. Посмотрел в глаза:

- Это что, вербовка?

- Предложение к сотрудничеству.

- Ах, да, точно. Сотрудничество. - Он захлопнул чемодан, закрыл замки. – А что, если я не согласен?

- Полиция будет рада вас задержать. Она вас, кстати, ищет во многих государствах. Даже у нас в Германии. Ограбление ратуши в предместье Берлина. Помните?

Алексей усмехнулся:

- Вы меня с кем-то путаете, господин Швайгер! Да, я бывал в Берлине. И в его предместьях. Знаете, немецкое пиво, сосиски и грудастые немки. Только все равно тоскливо у вас в стране. Die Ordnung und die Arbeit¹ - основа вашей жизни. Негде развернуться русской душе! Поэтому русских там так мало, в отличие от Франции. Вот где для нас простор! Если не считать России...

Желваки на лице немца нервно заходили.

- Вы хотите мне зубы заговаривать, господин Глебов?

- Нет, я просто издеваюсь.

Швайгер вскочил, вытягивая револьвер из кармана, но Алексей был быстрее. Он со всего размаху чемоданом ударил немца по голове, и тот рухнул на пол. Меткий удар! Немец потерял сознание. Осталось только перетащить его в соседний номер и тайком покинуть гостиницу.

* * *

Шербург

Пароход, на который должна была сесть российская делегация, опаздывал из-за бури. И к лучшему, решил Витте - Глебов не объявился. Так как пароход еще не прибыл, российской делегации пришлось расселиться в гостинице, которая оказалась переполненной настолько, что им едва достались две некомфортабельные комнаты.

Витте угнетало отношение французов. Не было прежнего почтения, большинство относилось равнодушно, иные с чувством какого-то соболезнования, другие со злорадством. Газеты левого толка отзывались о Государе и России недостойно и оскорбительно. В Париже президент Лубе², хотя и встретил его тепло и говорил с искренней симпатией к российскому Государю, однако настоятельно советовал заключить мир на любых условиях со стороны японцев. Первый министр Рувье³ убеждал не противиться, даже если японцы потребуют контрибуции, обещая при этом финансовую помощь. Их позиция, хотя и была неприятна, но понятна – и президент, и министр, осознавая опасность внешней политики Германии, нуждались в России как союзнице и поэтому не желали дальнейшего ее ослабления из-за войны.

¹ Порядок и работа (нем.)

² Эмиль Лубе (1838, Марсанн, департамент Дром - 1929, Монтелимар, департамент Дром) - французский государственный деятель, президент Франции в 1899 - 1906 гг. Способствовал образованию Антанты.

³ Морис Рувье (1842, Экс-ан-Прованс - 1911, Нёйи-сюр-Сен) - французский политик и государственный деятель, министр финансов, дважды возглавлял кабинет министров.

Если в Париже отношение к нему - как представителю России - его несколько корбило, то чувство это еще более усилилось в Шербурге: делегации было показано полное пренебрежение. Пока его подчиненные обустраивались на ночь, Витте мрачно раздумывал по поводу отсутствия Глебова. Поездка начиналась крайне неудачно.

Ближе к ночи служанка предала Витте записку. Некий раввин¹ желал встретиться с ним. Витте недоумевал.

- Что это?

- О, простите, месье, за беспокойство. Но этот человек сказал, что знаком с вашей женой и хочет передать вам от нее небольшой напутствие в дорогу.

- И где же этот раввин?

- Он ожидает вас в холле.

Спустившись в холл, Витте сразу заметил раввина: как и положено иудею-ортодоксу он был в черной долгополой одежде, шляпе, имел бороду и пейсы, сплетенные в косички².

- Вы меня искали? – спросил Витте незнакомца.

Раввин обернулся - широкие поля шляпы скрывали его глаза - кивнул и плавным жестом предложил Витте пройти. Они вышли в сад.

- Господин раввин, что вы хотели мне сказать?

- Оставайтесь спокойным и не показывайте вида, господин Витте, - раздался тихий голос.

Витте на секунду опешил, сбился с шага, но быстро взял себя в руки:

- Алексей Петрович? Этот маскарад ... Что случилось?

- Меня хотели завербовать. Немцы. Кто-то поделился с ними моими «секретами» и сообщил, будто я ваш помощник. Будьте осторожны, господин Витте, против вас ведется грязная игра. Я счел необходимым вас предупредить, однако в виду произошедшего не могу поехать с вами.

- Поздно. Мне нужна ваша помощь. – Голос Витте был серьезным и удрученным.

Они вошли в повитую плющом беседку.

- Что значит «нужна помощь»?

- Я был у Лубе. Выкрали переписку, которую я с ним вел. Если письма обнародовать - разразится скандал, который может привести к перестановке сил в Европе.

- Вы были столь неосторожны? Неужели все настолько серьезно?

- В мире начинались войны под менее значительными предлогами...

- И кто же выкрал переписку? С какой целью?

¹ Раввин – в иудаизме служитель культа, духовный наставник, руководитель религиозной общины.

² Прим. автора: Внешние признаки ортодоксального иудея - пейсы (длинные неподстриженные пряди волос на висках), усы и борода, широкополая шляпа, длиннополая верхняя одежда - лапсердак. Приверженцы ортодоксального иудаизма отвергают нововведения и строго соблюдают предписания Торы и Талмуда.

- Агенты американского президента. Он имеет свои интересы на Дальнем Востоке, и на переговорах будет поддерживать японцев. Он желает повлиять на исход мирного договора.

- Откуда вы знаете?

- Есть достоверные источники, поверьте. Мне сообщили, что в ходе подготовки к мирным переговорам Япония условилась о поддержке со стороны Великобритании и США. В январе этого года президент США Рузвельт¹ и посол Великобритании Дюранд², тайно естественно, договорились о передаче Порт-Артура и Ляодунского полуострова Японии. Помимо всего Германия не желает скорейшего окончания войны между Россией и Японией.

- А ей, какой интерес?

- Когда началась война, в которую нас, в некоторой степени, вовлек император Вильгельм³, то Германия от этого больше всех выиграла, так как война нас ослабила и обессилила. Сейчас Германия опасается того, что после подписания мирного договора Россия выступит на стороне Франции как ее союзница. Лубе обеспокоен, грезит о том, чтобы мы скорейшим образом заключили договор на любых условиях.

- Но что вы от меня хотите?

- Мне нужна ваша помощь, Алексей Петрович. Переписка, которую выкрали – это бомба замедленного действия. Я говорю не о себе – после того, как документы пустят в дело, со мной будет покончено раз и навсегда. Однако знайте, я действовал исключительно в интересах государства. – Витте помолчал. - Если вы не поможете, для России будет заключен весьма невыгодный договор. Союзники от нас отвернутся, появятся новые враги. Возможно, потеряем Дальний Восток. Начнется экспансия. Не уверен, что мы удержим эти территории. Последствия могут быть плачевными... Я знаю, Алексей Петрович, вы любите своё Отечество. Вам не безразлична судьба России.

Глебов тихо рассмеялся, выглянул в щель между решетками беседки и осмотрелся по сторонам:

- Вы шутите?

- Нет. Я совершенно серьезен.

- Я аферист, для меня ценными являются только риск и деньги.

- Деньги? Вы довольно состоятельный человек.

- Денег никогда не бывает много.

- Не пытайтесь казаться циничным. Я вам не поверю. Риск – я согласен, он вам нужен. Как воздух. В этом деле риск будет. Прошу вас, помогите мне и рискуйте во имя интересов Отчизны.

¹ Теодор (Тедди) Рузвельт (1858, Нью-Йорк - 1919, Сагамор-Хилл, Ойстер Бей) — американский политик, представитель Республиканской партии, 26-й президент США (1901—1909 гг.).

² Генри Мортимер Дюранд (1850, Бхопал, Индия – 1924, Сомерсет, Англия) - британский дипломат и чиновник колониальной Британской Индии. Известен тем, что в 1893 г. подписал договор об установлении государственной границы между Афганистаном и Британской Индией (так называемая «линия Дюранда»). В 1903-1906 гг. был послом в США.

³ Вильгельм II (1859, Берлин - 1941, Дорн, Нидерланды) - германский император и король Пруссии в 1888 – 1918 гг.

- Я - на службе Отечеству? – Глебов покачал головой. - Не могу поверить, что вы серьезно! Кто внушил вам эту глупость?

- Не знал, что вы считаете меня глупцом.

- Раньше не считал. Но судя по тому, что вы мне сейчас предлагаете, господин Витте...

- Если вы сможете вернуть переписку, а также добудете документы, подтверждающие, что американцы имеют тайный договор с японскими властями, мы избавим Россию не только от войны. Станет возможным успокоить массы - Государь примет общенародный Манифест. Революция пойдет на спад.

- Господин Витте, вас не пугает то, что меня ищут? Если не полиция, так германские или японские шпионы. Что им стоит заявить в газете, что российскую делегацию сопровождает вор и мошенник?

- Это не так страшно, как то, что уже произошло. Вам не нужно быть в делегации, чтобы быть полезным. Я знаю, вы сможете решить эту проблему.

Алексей молчал. Витте говорил убедительно. У него непревзойденный талант - убеждать.

- Я подумаю, - сказал Глебов и вышел из беседки. Вскоре Витте уже не слышал его шагов.

* * *

Утром делегация покинула негостеприимную гостиницу и отправилась на пристань. Возле берега собралась толпа зевак, мешая пройти к пароходу.

- Что там случилось? – поинтересовался Витте у полисмена.

- Ночью был убит мужчина, труп сброшен в воду. Лица не опознать. Но он не местный.

Из толпы появился еще один полицейский, держа в руке промокший документ.

- Сержант, я обнаружил во внутреннем кармане пиджака документы. Выданы российскому подданному Глебову Алексею Петровичу.

Витте покачнулся. Передал саквояж помощнику и стал пробираться сквозь толпу.

На земле лежало тело молодого человека, у которого вместе лица было сплошное месиво. Оpozнать Глебов ли это или нет – он не мог. Витте отвел глаза от трупа и натолкнулся на пытливый взгляд блондина с внушительным синяком на левом виске. Агент германской разведки? Один из тех, о ком говорил Глебов. Витте отвел глаза и снова посмотрел на тело. Снял шляпу, перекрестился и на несколько секунд почтительно склонил голову. Затем развернулся и стал пробираться сквозь толпу.

Члены делегации недоумевали, что с Витте, но вопросов задавать не стали.

- Идемте, господа, - сказал он, забирая саквояж из рук помощника, и зашагал вперед. Члены делегации переглянулись, некоторые пожали плечами, и пошли за ним следом.

Поднимаясь по трапу на немецкий пароход «Wilhelm der Grosse»¹, Витте был рассеян и вздрогнул, когда при его появлении командный оркестр заиграл русский гимн «Боже Царя храни».

Витте посмотрел на публику. Снял шляпу, и все русские и многие не русские пассажиры последовали его примеру. Он улыбнулся, помахал рукой и прошел дальше. Такое отношение к России было для него отрадно, но лишь на мгновение приподняло ему настроение. Черда неудач продолжалась...

* * *

Атлантический океан, пароход «Wilhelm der Grosse»

Наступили вторые сутки морского путешествия. Осталось еще четыре. Море было довольно спокойное, и Витте почти не укачивало. На пароходе он обедал отдельно со своими сопровождающими, и только раз с другими пассажирами. Часто Витте совершал прогулку по палубе. Оказалось, что на пароходе едут многие люди просто из любителей сенсаций для того, чтобы быть на месте во время предстоящего политического турнира между Витте и Комурой². Были здесь и любопытствующие корреспонденты.

Витте, поприветствовав одного из них - Диллона³, прошел к краю борта и оперся на перила. Глубоко втянул носом воздух. Порывистый ветер нес запах солоно-горького океана...

- Здравствуйте, господин Витте, - услышал он голос протестантского пастора⁴, остановившегося минутой раньше рядом и также наблюдавшего за океаном. Витте слегка вздрогнул, затем неторопливо повернулся к священнику в черной одежде с белым воротничком - колораткой⁵.

Глебов в строгом сюртуке и черной фетровой шляпе смотрел на него сквозь стекла круглых очков. Вкупе с коротко подстриженной бородкой и тонкими усами, они делали его лицо неузнаваемым. Библия в руках мешала думать об этом человеке плохо и заставляла невольно доверять ему.

- Ужасно рад вас видеть, - сказал Витте и снова повернулся к океану. - Поделитесь секретом, как вам удалось себя похоронить?

- Здесь нет особого секрета. У меня есть знакомые, которые помогли. За хорошие деньги, разумеется. Одни подобрали в морге подходящий труп, одели в мою одежду, положили мой паспорт, а другие выправили мне новый документ. Теперь я Густав Астер. Прошу любить и жаловать.

¹ Вильгельм Великий (нем.)

² Дзютаро Комура (1855-1911) – барон, японский дипломат, министр иностранных дел в 1901-1906 гг. и в 1908-1911 гг. Играл видную роль в заключение англо-японского союза, в дипломатической подготовке русско-японской войны и в последующих мирных переговорах в Портсмуте.

³ Эмиль Джозеф Диллон (Эмиль Михайлович) (1854, Дублин, Ирландия – 1933, Барселона, Испания) - английский журналист. Лингвист, магистр восточных языков Петербургского университета, профессор Харьковского университета. В 1904 - 1905 гг., состоя корреспондентом в «Daily Telegraph», сочувственно относился к освободительному движению в России, но затем стал высказывать одобрение репрессивной политике правительства.

⁴ Пастор - священник, руководитель паствы.

⁵ Колоратка (от лат. collum — шея) — воротничок с белой вставкой, имеющем вид квадрата под подбородком, ошейника (у англикан) или галстука с двумя свисающими концами (у лютеран).

- Вы потрясающий трюкач! Но вы осознаете, что теперь и в России вас будут считать мертвым?

- Что ж, если я не вернусь, моя жена окажется довольно состоятельной вдовой. - Хотя Алексей и шутил, но в голосе послышалась горечь. Затем он сменил тему: - Нам не нужно встречаться на людях, господин Витте. В девять ждите меня в своей каюте. А сейчас я вас попрошу уйти – один из журналистов направляется к вам.

Витте без лишних слов развернулся и не спеша пошел прочь. Через несколько минут к нему присоединился молодой любопытный журналист, по всей видимости, которого Витте знал и не особо жаловал.

Глебов оперся руками о перила. Океан олицетворял мощь и силу. Ясная погода была обманчива: на горизонте виднелась серость, грозящая навалиться сильным штормом.

Алексей вновь подумал о Лизе. Что произошло с ними?

До знакомства с Лизой аферы, которые он проворачивал, делали жизнь интересной, захватывающей, опасной. Когда же он повстречал ее, многое переменилось. Он стал думать о том, что может изменить свой образ жизни: стать достойным мужем, отцом семейства, вести дела, приносящие честный доход.

Однако грезы о семейном счастье оказались самообманом. Их брак не выдержал житейских испытаний и распадался на глазах, принося боль и горечь. И что теперь? Теперь вкус к жизни возвращал азарт, вызываемый риском. Риск будоражил кровь, заставлял мозг усиленно работать, принимать быстрые решения, продумывать на несколько ходов вперед. Алексей вздохнул полной грудью. Что ж, он готов к новым испытаниям, готов играть...

* * *

Как и условились, Витте ждал Глебова в своей каюте. Для этого ему пришлось уйти из ресторана, сославшись на утомление и головную боль.

Когда Алексей постучал, он быстро открыл дверь и впустил его в каюту.

- Мне нужно как можно больше сведений, господин Витте, – расположившись в кресле, сказал Глебов.

Витте сел напротив.

- Что вас интересует?

- Все. Рузвельт и его окружение. Японская делегация. Журналисты на пароходе. Кому из вашей делегации можно доверять.

Витте кивнул. В течение последующего часа он рассказывал Алексею обо всем и всех, как тот и просил. Благо Витте любил говорить, а Глебов умел слушать. Слушал он внимательно, не перебивал и лишь задавал наводящие вопросы.

Когда вопросы закончились, Глебов кивнул:

- Предлагаю разработать тактику поведения, господин Витте. Ваши письма могут быть обнаружены. Поэтому нужно заранее кардинально поменять мнение окружающих по поводу вас и делегации. Все считают Россию проигравшей стороной. Вы же должны вести себя так, что мы не проиграли. С Россией произошла небольшая неприятность. Будьте демократичны, доступны для американцев – они это любят. Найдите подход к журналистам. Пусть напишут о вас и делегации, но только хорошие отзывы. Можно осторожно дать им совет воспользоваться воздушной связью, чтобы распространить статьи по миру. Чем скорее вы приметесь за дело, тем лучше.

- Все это хорошо, Алексей Петрович... - Витте поправился, - Густав. Но зачем же столько сложностей?

- Как я понимаю, японцы люди скрытные и не будут искать контактов. Американцы, да и вообще многие европейцы, любят контактных, общительных людей. Симпатии будут на вашей стороне. Когда же американцы будут на вашей стороне, президенту Рузвельту ничего не останется, как поддержать Россию и посоветовать японцам пойти на уступки.

- Что же, разумно. – Витте предложил закурить, но Алексей отказался. Витте закурил. – Итак, давайте обсудим тактику по пунктам. Во-первых, ничем не показывать, что мы желаем мира, вести себя так, чтобы создать впечатление, что если государь согласился на переговоры, то только ввиду общего желания почти всех стран, чтобы война была прекращена. Во-вторых, держать себя так, как подобает представителю России - представителю величайшей империи, у которой приключилась маленькая неприятность. В-третьих, имея в виду громадную роль прессы в Америке, держать себя предупредительно и доступно ко всем ее представителям. В-четвертых, чтобы привлечь к себе население, которое крайне демократично, держать себя с ним совершенно просто, без всякого чванства. Это все?

- Добавьте пятый пункт. В США значительное влияние имеют евреи, в особенности в Нью-Йорке. Не относитесь к ним недружелюбно, как порой относятся к ним в России. Тот же совет дайте и членам своей делегации. Наладьте с американскими евреями добрые уважительные отношения.

- Это вполне соответствует моему к ним отношению.

- Но вы бываете резки в высказываниях. Будьте актером, господин Витте.

Витте пытливо посмотрел на Глебова.

- Странная особенность! Как только вы согласились заняться этим делом, вы чудеснейшим образом взяли все под свой контроль, - заявил он с нотками недовольства.

Алексей оценивающе смотрел на него.

- Это всего лишь дельные практические рекомендации, господин Витте. Как только мы сойдем на берег, наши пути разойдутся. Мы с вами будем крайне редко соприкасаться. Но нельзя забывать о том, что действия каждого из нас предопределят исход. Нужно снизить риск до малого.

Витте хмуро молчал. Затем вздохнув, сказал:

- Вы единственный человек в моем сопровождении, мнение которого мне не безразлично. Я в вас не ошибся.

* * *

Путешествию подходил конец: пароход бороздил атлантические просторы уже пятые сутки. Глебов, облокотившись о перила, наблюдал, как белые «барашки» несутся по волнам, подгоняемые ветром. Небо, хоть еще и отливало синевой, но неминуемо затягивалось серыми тучами, сбивающимися в кучу, превращаясь в гнетущую серую массу на горизонте. Должен был разразиться шторм – это было несомненно.

Алексей задумчиво смотрел вдаль, хмурясь своим мыслям. Война с Японией обострила противоречия в российском обществе и спровоцировала революцию, резко ослабила позиции России и на Востоке, и на Западе. России приходилось весь свой военный потенциал постоянно делить на две части, разрываясь между западной и восточной границами. Следовательно, очень многое зависело от исхода мирных переговоров.

Алексей усмехнулся и покачал головой. Это был редкий случай, когда важную дипломатическую миссию профессиональные дипломаты под разными предлогами отказались выполнять. В результате царю пришлось против своего желания доверить миссию Витте. Задача, поставленная Государем, не могла не вызывать озабоченности: Николай требовал добиться мира, не уступив ни пяди русской земли и не выплатив даже символической контрибуции. Были и другие сложности: переговоры проходили в США, где президент и общественное мнение откровенно симпатизировали японцам.

Сейчас Витте уже осуществлял тактику, предложенную Алексеем. Человек он был инициативный и не откладывал решение проблемы в долгий ящик: он давал интервью известному в Штатах и Великобритании публицисту и корреспонденту «Дейли телеграф» Эмилю Диллону. Интервью должно было стать первым, данным по воздушному телеграфу посреди океана. И это обстоятельство уже привлекало внимание общественности. Хорошо осознавая, какую роль играет пресса в жизни Америки, первое свое интервью Витте начал с комплиментов в ее адрес, воздав должное «великому американскому народу» и в конце назвав президента Теодора Рузвельта «гениальным вождем».

Витте был не только равнодушен к «государевым инструкциям», но и к своей свите, которая подбиралась для Муравьева, когда думали, что поедет он. Витте твердо знал, что будет делать только то, что сам посчитает нужным, тогда, не все ли равно, будет ли при нем Розен, Плансон¹, Коростовец², Набоков³, или вместо них будут другие.

¹ Георгий Антонович Плансон (Плансон-Ростков) (1859, Харьков - 1937) - русский дипломат. С 1888 г. в Министерстве иностранных дел. Старший чиновник Азиатского департамента. В 1903 - 1905 гг. - дипломатический чиновник при наместнике на Дальнем Востоке Е. И. Алексееве.

² Иван Яковлевич Коростовец (1862, Полтавская губерния - 1933, Париж) - русский дипломат, востоковед. Многие годы был на дипломатической службе в странах Востока.

³ Константин Дмитриевич Набоков (1872, Ростов-на-Дону - 1927, Лондон) - русский дипломат. Службу начал в 1894 г. в министерстве юстиции. В сентябре 1896 г. переведен в Министерство иностранных дел России.

Равнодушный со всеми остальными, Витте прислушивался только к Алексею. Что это - искреннее доверие или попытка усыпить бдительность? Глебов не мог дать однозначного ответа. Как это бывает, он неосознанно чувствовал к нему симпатию. Однако Алексей редко кому доверял. Бывало, что ему приходилось разочаровываться в человеке. А Витте... Время покажет, стоит ли ему доверять.

* * *

Июль 1905 г. Франция, Шербург

Ночной сторож морга спал крепким сном. Его склоненная на бок фигура была хорошо видна сквозь окно. Швайгер, отошел от окна, свернул за угол, взломал замок черного входа и проскользнул внутрь. Пробираться приходилось в темноте, но он шел осторожно и бесшумно. Оказавшись в холодном подвальном помещении морга, он чиркнул спичкой и осветил помещение. Несколько тел лежали на столах, прикрытые белыми полотнищами, были еще и боксы, где, возможно, находились тела покойников. Швайгер искал тело русского: он приподнимал простыни и всматривался в безжизненные застывшие лица мертвецов. Наконец, он нашел то, что искал. Мертвого русского. Оказывается, он напрасно сомневался. Это Глебов. Значит, он не ошибся, когда докладывал начальству, что русский погиб. Немец накинул простыню на распухшее разбитое лицо покойного и сделал шаг в сторону, но неожиданно остановился. Чиркнув спичкой, он осветил оголенные ступни мертвеца. У трупа отсутствовал мизинец. Немец вспомнил один из дней, когда он следил за Глебовым на побережье. У прогуливавшегося босиком Глебова не было подобного дефекта, а у мертвого человека, лежащего на столе, палец был отрезан по всем признакам много лет назад.

Немец развернулся и пошел к выходу. Глебов жив! Нужно сообщить начальству.

Он вышел из морга тем же путем, что и проник. Свернул за угол и столкнулся с человеком. В тоже время он почувствовал резкую боль в боку, вцепился пальцами в плечи незнакомца. Затем замертво рухнул к его ногам.

* * *

Атлантический океан, пароход «Wilhelm der Grosse»

Во время путешествия Витте заочно познакомил Глебова со своей свитой. Вторым уполномоченным являлся посол в Америке барон Розен. Витте характеризовал его, как человека «хорошего, благородного», но с «посредственным умом», который не будет принимать активного участия в переговорах, а лишь окажет полное содействие, что уже неплохо. Профессор Мартенс¹ был «хорошим человеком с громадным багажом знаний», однако, может быть, случайно пользовался известностью за границей, так как был «крайне ограниченной» особой. Плансон был угодлив и, в пору службы чиновником при наместнике Дальнего Востока Алексее-

¹ Федор Федорович (Фридрих Фромгольд) Мартенс (1845, Пернов, - 1909, Валк) - российский юрист, профессор, дипломат. С 1885 г. вице-президент Европейского института международного права.

ве, угодливо исполнял его политику, в результате приведшую к войне. Покотилов¹, который должен был прибыть на переговоры прямо из Китая, являлся «весьма умным, талантливым и отличным человеком, прекрасно знающим Дальний Восток»; он был противником войны и сторонником заключения мира, однако не имел больших полномочий в переговорах, но мог, по крайней мере, оказывать влияние на Розена.

Витте без подробностей упомянул двух секретарей, чиновников министерства иностранных дел Набокова и Коростовец, а также директора департамента казначейства Шипова², опять же, по словам Витте, «умного, талантливого и недурного», и двух чиновников при нем.

От военного ведомства в делегацию был определен генерал Ермолов³, заведующий заграничными военными агентами, «человек умный, хороший, культурный, приличный, но немного слабый характером». Он выражал мнение, что мир желателен, мало верил в то, что Россия может иметь успех на театре военных действий, однако весьма заботился, чтобы при переговорах и, в особенности, в мирном договоре не было задето достоинство русской армии. Со вторым уполномоченным военного ведомства, полковником Самойловым⁴, Алексей уже вался, когда пароход тронулся из Шербурга. Витте говорил, что Самойлов - сторонник мира, «весьма умный, культурный и знающий», до войны он был

военным агентом в Японии, а после находился при Главном штабе действующей армии. От морского ведомства должен был прибыть из Маньчжурии капитан Русин⁵, который заведовал канцелярией по морским делам при главнокомандующем.

Мнения Витте были субъективны, однако Глебову стало ясно, что в большей степени российские делегаты имели пораженческие взгляды, и Витте в Америке придется рассчитывать только на себя.

¹ Дмитрий Дмитриевич Покотилов (1865, Санкт-Петербург – 1908, Пекин) - русский дипломат, посол в Китае, предприниматель.

² Иван Павлович Шипов (1865, Нижний Новгород – 1920, Ростов-на-Дону) - государственный деятель, министр финансов в 1905—1906 гг.

³ Николай Сергеевич Ермолов (1853 - 1924, Лондон) - русский генерал, военный агент в Великобритании с 1891 по 1905 гг. С марта 1905 г. по май 1906 г. – начальник военного статистического отделения Управления генерал-квартирмейстера Главного штаба.

⁴ Михаил Константинович Самойлов (1868 – 1940, Ницца) – русский полковник. Служил на Кавказе, в Сибири, на Дальнем Востоке. Участвовал в Китайском походе, русско-японской войне.

⁵ Александр Иванович Русин (1861, Тверь - 1956, Касабланка) – русский капитан. Служил на Балтийском море и Дальнем Востоке. В 1899—1904 гг. морской агент в Японии. Принимал участие в Китайской войне 1900—1901 гг. и русско-японской войне.

Алексею тоже придется рассчитывать только на себя. Не шутка ли выкрасть документы у самого президента Рузвельта! Глебов усмехнулся. Задача не из простых, но решить ее можно.

* * *

Шоу началось! По приближению к Нью-Йорку «Вильгельма Великого» встретили несколько пароходов с корреспондентами различных американских газет. Когда эти корреспонденты поднялись на пароход, Витте, давая интервью, выказал радость по случаю своего приезда в страну, которая «всегда была в дружественных отношениях с Россией», и свою симпатию к прессе, которая играет такую «выдающуюся роль в Америке».

Глебов наблюдал с верхней палубы за действиями и речью Витте. Первый уполномоченный вел себя как заправский актер, так что постоянное внимание со стороны прессы ему было обеспечено - американцы любят show и showmen¹!

Поймав на мгновение взгляд Витте, Алексей прищурился, затем оттолкнулся от перил и вернулся в свою каюту. Нужно было собрать вещи: вскоре судно пришвартуется к пристани и, под всеобщий ажиотаж вокруг делегации с Витте, он приметно покинет пароход.

* * *

США, Нью-Йорк

Нью-Йорк встретил прибывших статуй Свободы – символом Соединенных Штатов Америки. Дама на постаменте высилась над берегом более чем на девяносто метров и поражала своим видом так же, как Эйфелева башня в Париже. Немудрено,

подарили-то ее французы!

Нью-Йорк представлял собой центр промышленности, торговли, связи, однако неотъемлемой его частью были нищета и преступность. Манхэттен, Бронкс, Бруклин, Квинс, Статен-Айленд - районы города - отличались друг от друга благосостоянием, зависящим от благополучия населяющих их людей. В городе проживали многочисленные иммигранты, прибывшие сюда в поисках лучшей доли. Как и любому «белому» европейцу, Глебову было необычно видеть «чернокожих», которых в Нью-Йорке было много. Город оказался шумным. Повсеместно раздавались тревожные звуки свистков, лай собак, стук колес и шелест шин, будоражащие перезвоны медных колоколов спешащих на пожар машин...

¹ Зрелище, постановщики публичных зрелищ (анг.)

Глебов поселился в довольно неплохой гостинице Нью-Йорка. От облачения священника пришлось отказаться и принять вид обычного среднестатистического обывателя ничем не приметного в разношерстном Нью-Йорке. Прежде чем приняться за дело, Алексей должен был получить «весточку» от Витте. А пока было время, он его зря не терял: практиковался в «американском» английском и изучал образ жизни нью-йоркцев.

Как он заметил, зачастую американцы улыбались, говорили: «How do you do?»¹, ждали в ответ подобной же улыбки и единственного ответа: «I'm fine»². И не дай бог кому-то начать говорить о своих делах и заботах!

Обслугой в гостинице в большей степени были студенты, желающие подзаработать. Работы они не стыдились. В России подобного и быть не могло: русские студенты порой голодали, но, тем не менее, не мыслили прислуживать кому-то.

Отличались здесь и нравы. Даже добропорядочные американцы не считали предосудительным, если девушки их семейств находились с молодыми людьми тет-а-тет: в лесу, в парке, на прогулках в лодках и во время темноты. Насколько это было благоразумно, Алексей мог судить по тому, что порой наблюдал у «пообщавшихся» помятые одежды, неудачно поправленные прически и блеск в глазах.

Американки находили Глебова довольно интересным и привлекательным - ему же не помешало бы развлечься, только на «подвиги» они не вдохновляли. Прямолинейные, порой нахальные, без таинственности, исход с такими и так был ясен – скучно, никакой тебе интриги и желания завоевать.

Из газет Алексей в подробностях узнавал о деятельности Витте. Популярность главы российской делегации росла не по дням, а по часам.

Витте поселили в одной из лучших гостиниц Нью-Йорка, где над балконом его номера развивался громадный российский флаг. Но Витте на месте не сидел, а активно действовал: побывал у президента в загородном особняке на острове Ойстер-Бей, в Нью-Порте у губернатора, тем же днем выехал в Бостон, где с утра посетил Бостонский университет. Пообщавшись с тамошними профессорами, он скорым образом вернулся в Нью-Йорк, так как прибыли оппоненты - японские делегаты - Комура со свитой.

В течение последующих дней Витте был словно заведенный: встречался с банкирами, посетил бедные эмигрантские кварталы, побеседовал с соотечественниками, особо уделил внимание евреям.

¹ Как ваши дела? (анг.)

² Все хорошо. (анг.)

На радость репортерам он пожимал руки кочегарам и механикам парохода, машинистам поездов, простым американцам, его встречавшим, и даже вызвал радостный ажиотаж, подняв на руки маленькую девочку и поцеловав. Съемка по просьбе на «кодаки»¹, раздача улыбок, автографов, рукопожатий и интервью стала важнейшей частью его миссии. Витте был открыт для всех, жил в номере, не закрывая окон, чтобы его мог сфотографировать любой репортер или прохожий. Он окончательно завоевал симпатии прессы, предложив сделать переговоры открытыми, доступными для газетчиков и журналистов.

Витте стал популярным. Угрюмая японская делегация на фоне вечно улыбающегося и общительного Витте проигрывала в глазах публики вчистую.

Очередной раз купив утреннюю газету, Глебов сразу заметил на первой странице статью о переговорах. Встреча делегатов была назначена на яхте президента Рузвельта около Ойстер-Бея, после чего намечался отъезд на военных судах в Портсмут для начала проведения конференции. Итак, Витте отправляется на переговоры.

Вернувшись в гостиницу и поднявшись к себе, Глебов нутром ощутил, что в его номере кто-то побывал. Внешне все выглядело как прежде, однако обойдя комнаты и вернувшись в гостиную, он обнаружил на столе запечатанный бумажный пакет. Не адресата, не отправителя.

* * *

Зашторив окна, Алексей вскрыл посылку. В ней было досье на американского президента. Досье было подробным: биография Рузвельта, его привычки, наклонности, данные на его семейство, места его пребывания и тому подобное.

Алексей развернул на столе рабочие чертежи летнего особняка президента, напоминающего дом небогатого бюргера. По всей видимости, чертежи были изъяты из архивов бюро технической инвентаризации или архитектурно-планировочного управления. Каждое лето Рузвельт проживал со своим семейством в особняке Сагамор-Хилл. Прислуга в основном – негры, о них мало, что известно, однако думается, что отбирали их с особой тщательностью. Охрана – бдительная, хорошо обученная, ведь охраняли главу государства и его семью. Алексей задумчиво потер подбородок. Витте уверен, что Рузвельт держит похищенные документы в загородном доме. Попасть же в дом Рузвельта и выяснить, где находятся документы практически невозможно.

Глебов открыл личное дело президента и еще раз пробежался по нему глазами. В октябре Рузвельту исполняется 47 лет. Два раза женат. Первая жена умерла при родах, оставив Рузвельту дочь. От второго брака четыре сына, дочь. Епископал². Окончил Гарвардский университет. Примкнул к республиканской партии. Был шефом полиции города Нью-Йорк. Затем заместителем военно-морского министра

¹ Кодак - фотографический аппарат простой конструкции.

² Епископал – верующий, посещающий Протестантскую епископальную церковь. С конца XIX в. к ее верующим относилась значительная часть американской политической и финансовой элиты.

в администрации президента Уильяма Маккинли¹. Был губернатором Нью-Йорка, вице-президентом, а после покушения на Маккинли, стал президентом США. Рузвельт активен: с энтузиазмом отдается работе, регулярно занимается теннисом, греблей, водным поло, верховой ездой. Боксировал, пока не получил травму и не ослеп на один глаз. Теперь занимается дзю-дзюцу. Когда Глебов закончил изучать документы, он откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза.

«Что ж, не нужно недооценивать Рузвельта, все-таки он был шефом полиции, а у таких - особый нюх на тех, кто вне закона, - размышлял Алексей. – Но у него, как и у всех людей, имеется слабое место... Как говорил Архимед? «Дайте мне точку опоры, и я переверну весь мир»? Нужно найти такую точку у недосягаемого Рузвельта - его слабое место, и тогда можно проникнуть в его мир, в его дом, несмотря на то, что он президент».

Глебов закурил, еще раз внимательно изучил переданные ему бумаги, затем подошел к камину и поджег их. Дождавшись, когда листы догорят, он перемешал пепел кочергой, затем стал укладывать вещи в чемодан.

* * *

*Июль 1905 г. США,
Ойстер-Бей*

Прибыв на остров Ойстер-Бей, где находился Сагамор-Хилл - имение президента, Глебов поселился в «Таунсенд Инн» - гостинице одноименного острову городка.

Городок Ойстер-

Бей, в сущности, оказался провинциальным, однако был уютным и находился недалеко от побережья. Как и другие отдыхающие, Алексей ежедневно совершал пешие и конные прогулки по округе, бывал на пляже, несколько раз на лодке проплывал вдоль побережья, посещал кафе и рестораны. Все мирно, чинно, однако если первые отдыхали, то Глебов наблюдал.

Прожив несколько дней в Ойстер-Бее, в скором времени он точно знал, кто живет и работает в Сагамор-Хилле, кто часто там бывает. Слухи, которые ходили среди местных жителей и постояльцев, сыграли в этом существенную роль, ведь, как правило, многое из того, что говорят, является правдоподобным и нередко - достоверным. Конечно, Алексей относился к слухам предельно осторожно, никогда не забывая о стремлении людей выдавать домыслы за правду.

Следующим шагом в его деле стало знакомство с Мэри - горничной из Сагамор-Хилл. Девушка часто бывала на местном рынке, делая закупки для кухни и

¹ Уильям Мак-Кинли-младший (1843, Нилс, штат Огайо - 1901, Буффало, штат Нью-Йорк) - политический деятель и 25-й президент Соединённых Штатов Америки (1897—1901 гг.).

домашнего хозяйства; она любила поболтать, построить глазки, поэтому Алексею не составило особого труда завязать с ней знакомство.

Мэри в самом прямом смысле оказалась находкой «для шпиона». При очередной встрече, когда Алексей катал девушку на лодке, она болтала без умолку - ему оставалось только направлять словесный поток Мэри в нужное русло.

- Мистер Рузвельт был женат на Элис Ли Хатуэй. Говорят, что он ее очень любил. После ее смерти он в одиночку занимался воспитанием дочери, пока вновь не женился. На Эдит Кермит Рузвельт¹, с которой был знаком с детства. От второго брака у них несколько детей: Теодор младший, Кермит, Этель, Арчибальд, Квентин², - Мэри поморщила носик, - но лишь старшая Элис – дочь президента от Ли Хатуэй, для всех словно «принцесса». Президент обожает ее и спускает с рук все ее выходки!

- Выходки? – мнимо рассеянно спросил Глебов, отложив весла в сторону и позволяя лодке раскачиваться на тихих волнах.

- О, да! Когда Элис Рузвельт узнала о предстоящем переезде в Белый дом, - болтала Мэри, - она издала дикий крик и пустилась в пляс по газону. И это леди?! Это еще что! Когда мистер президент распорядился о том, что ни одна из его дочерей не будет курить под его крышей, знаете что она сделала?

Алексей пожал плечами:

- Что же?

- В знак протеста, она забралась на крышу и закурила.

- Так она бунтарка?

Мэри фыркнула:

- Элис Рузвельт пытается подражать новомодному образу – хочет быть как девушки Гибсона³!

- Девушки Гибсона?

Мэри округлила глаза:

- Вы не знаете?

Алексей с очаровательной улыбкой посмотрел на нее:

- Нет.

Мэри сверкнула глазками, сложила кокетливо ручки на коленках и стала объяснять:

- Гибсон – художник. Он рисует девушек столь соблазнительными, что все молодые парни хотят влезть внутрь картины и сесть подле неё!

¹ Эдит Кермит Кароу Рузвельт (1861, Норвич, Коннектикут - 1948, Сагамор-Хилл, Ойстер-бей) - вторая жена Теодора Рузвельта и Первая леди США во время его президентства с 1901 по 1909 г.

² Прим. автора: общие дети Теодора и Эдит Рузвельт. Теодор мл. (1887, Ойстер-бей, штат Нью-Йорк – 1944, Нормандия, Франция), Кермит (1889, Ойстер-бей, штат Нью-Йорк - 1943, Ричардсон, Аляска), Этель (1891, Ойстер-бей, штат Нью-Йорк - 1977, Ойстер-бей, штат Нью-Йорк), Арчибальд (1894, Вашингтон, округ Колумбия - 1979, Стюарт, Флорида), Квентин (1897, Вашингтон - 1918, Шамри, Франция).

³ Прим. автора: Чарльз Гибсон (1867, Роксбери, Бостон – 1945, Нью-Йорк) - американский иллюстратор. В начале XX в. красивыми и идеальными стали считаться девушки, изображенные на его полотнах. Леди, мечтающие походить на образ, занимались спортом – теннисом, гольфом, верховой ездой, ездили на велосипеде; а также утверждались в мужском обществе: завоевывали лидирующие позиции, стремились к независимости, носили брюки, курили.

- И как же должна выглядеть «девушка Гибсона»?

Глаза Мэри загорелись:

- О, девушка Гибсона - хорошенькая, высокая, выше, чем девушки в модных журналах, с осиной талией, затянутой в корсет, - Мэри провела руками вдоль своей талии, - и с подчеркнутыми пышным платьем округлостями. – Она игриво захлопала ресницами.

Алексей облокотился на спинку сидения, с прищуром смотря на молоденькую кокетку.

А Мэри продолжила:

- Девушка Гибсона - активная, независимая, но женственная. Она носит накрахмаленные английские блузки, ее мягкие шелковистые волосы уложены в шиньон, на голове огромная шляпа с перьями. – Мэри изобразила над своей головой что-то немыслимо больших размеров. – А ниспадающая свободными складками юбка, - девушка провела рукой по своей юбке, - собрана сзади в турнюр¹.

Она вздохнула:

- Эта девушка всегда хорошо воспитана, уравновешенна и аристократична.

- Однако в ее глазах за благовоспитанностью таится озорство? – спросил Алексей, чуть наклонившись вперед.

Девушка рассмеялась.

- Так значит, тебе нравится, как себя ведет Элис?

- Еще чего! - Мэри фыркнула: - Девица - испорченная отцом и его деньгами, вот и все!

Глебов достал сигареты, предложил девушке:

- А что бы ты делала, будь у тебя много денег?

- О, много чего. - Она взяла сигарету, Алексей услужливо дал подкурить. Сделав затяжку, Мэри, элегантно держа сигаретку в руке, пожала плечиками и печально вздохнула: - Но денег-то нет.

Алексей неторопливо закурил:

- Есть способы, как их можно приобрести.

Мэри заинтересовано и кокетливо посмотрела на Алексея:

- А у вас они есть?

Корыстная девчонка!

- Не так много, - ответил он с легкой усмешкой. Подкупить такую – только себе навредить.

Мэри вздохнула, поправляя свою юбку.

- Может быть, мне повезет, и я отхвачу себе богатого папика, одного из тех, что ошиваются в доме хозяев. – Она повернулась к Глебову и посмотрела на него сквозь полуопущенные ресницы. – А пока такого папика нет, ничего не вижу плохого в том, чтобы немного развлечься, - промурлыкала она.

Губы Алексея дрогнули в улыбке. Он неспешно наклонился к ней, смотря в глаза, и шепотом сказал:

¹Турнюр – элемент женской одежды, расположенный сзади ниже талии и придающий силуэту большую рельефность.

- Не будем торопить события, малышка.

Затем затушил сигарету и, взявшись за весла, стал неторопливо грести, смотря на океан за спиной Мэри. Итак, значит, Элис.

* * *

Россия, Москва

Лиза находилась в фабричной амбулатории, когда доктор сообщил ей, что ее разыскивает некий господин. Закончив зашивать рану повредившему руку столяру, Лиза вышла к незнакомцу. Его напряженный вид не предвещал ничего хорошего.

- Госпожа Глебова? – уточнил незнакомец, снимая шляпу-котелок.

- Да, - ответила Лиза. – С кем имею честь?

- Господин Юдич, помощник господина Рериха, поверенного вашего мужа.

Лиза криво улыбнулась:

- Вы по поводу развода?

Юдич на мгновение растерялся, затем надел шляпу.

- Нет, мадам. Я прибыл сообщить вам печальные, гм, вести. Господин Глебов скончался несколько недель назад в Шербурге во Франции. Он оставил вам довольно большое состояние...

Но Лиза не слышала его.

- Что? – спросила она онемевшими губами.

Юдич оторопел, вновь снял шляпу.

- Я соболезную вам, госпожа Глебова.

- Я вас не понимаю...

Юрист не знал, что сказать.

- Госпожа Глебова...

Однако Лиза не слышала его – коснувшись закружившейся головы, она покачнувшись и без сознания рухнула на пол...

Продолжение следует...

Литературно-художественное издание

Самойлова Инга Михайловна

На службе Отечеству, или Пешки в чужой игре

Том 1.

Подписано в печать 06.05.2019. Формат А5. Усл. печ. л. 23,02.
Тираж 100 экз. Заказ № 0001
Бумага 80 г/м2/. Печать на дупликаторе
Отпечатано ИП Худайбердиев А.Р.
E-mail: samoilova-inga@mail.ru; <https://vk.com/club149030684>

УДК 89
ББК 84(2Рос)6

ISBN 978-5-9903047-2-7
ISBN 978-5-9903047-4-1

© Самойлова И.М., 2019
Оформление. Самойлова И.М., 2019